



Екатерина Оленева

Цикл Элленджайты
часть вторая

АНГЕЛЫ НЕ УТИРАЮТ

городское фэнтези

Что сильнее? Мрачное прошлое с семейными тайнами, порочными связями или будущее с надеждой на счастье? Можно ли отмолить чужие грехи? Или чёрного ворона до бела не стоит пытаться отмыть?

ГЛАВА 1. Альберт. Встреча через сотню лет

Я не мог поверить очевидному. Происходящее казалось сном.

Радость и беда сомкнули над головой два крыла, — черное и белое, — да так плотно, что я никак не мог определиться, что же всё-таки случилось: величайшая радость?

Или величайшая беда?

— Синтия? — сжал я её в объятиях. — Это действительно ты?! Или у меня наркотический бред? Если это сон, то я боюсь очнуться. Пусть он длится вечность! Никогда не кончается.

— Вечность? — зарылась она руками в мои волосы, глядя в глаза насмешливо и призывно. — Мой маленький братец! Ты понятия не имеешь о чём говоришь. Вечность — это, пожалуй, всё-таки слишком долго. Поверь мне. Уж я-то знаю.

Она могла говорить всё, что что угодно. Я не слышал её слов — лишь звуки голоса. Лишь его богатые переливы достигали сознания, а всё остальное оставалось где-то вовне.

Сестра засмеялась и её смех, с низкой хрипотцой и снисходительно-надменными нотками, о которых я успел забыть, принадлежал ей, несомненно.

Только ей!

И я наслаждался этим, как наслаждается солнечным теплом человек, ещё недавно замерзающий насмерть.

Из всех женщин, которых я знал, только Синтия умела так смеяться.

Только её смех мог заставить меня терять голову, раз за разом, снова и снова.

И я не собирался себе отказывать в утолении голода, который жил во мне так долго.

Подхватив её на руки, я привычно, как часто делал это в прошлом, спустился по лестнице и вошёл в музыкальный зал.

Как в старые времена здесь горел камин.

Ярко пылали дрова, отбрасывая горячие алые отблески на мебель, на стены, на ковёр в виде шкуры белого медведя, небрежно брошенный на пол.

На него я и уложил осторожно мою драгоценную ношу.

Прикосновение к лёгкому хрупкому телу заставляло голову кружиться, сводило тело томящей судорогой желаний, одновременно и сладкого, и мучительного.

Мне хотелось овладеть Синтией глубоко и быстро, так яростно и полно, как это только возможно.

Я истосковался по её прохладной, гладкой, как атлас, коже. По горячим, дерзким, откровенным губам, не боящимся отдавать и брать, просить и требовать. По груди с твёрдыми, маленькими, очень чувствительными сосками, твердеющими от моих прикосновений.

Волосы Синтии рассыпались поверх светлого коврового меха и отливали золотом в свете пламени.

Огонь подобрался так близко, что делалось горячо.

Серые глаза её затуманились, полуоткрытые губы дрожали от предвкушения удовольствия, ланиты разгорелись от жара.

В этот момент Синтия казалась мне обольстительнее любой сирены.

Она была в тысячу раз прекраснее, хотя бы потому, что была настоящей, живой, горячей. Упрямой, как тысяча вредных чертей. Безрассудной, непредсказуемой, иногда — жестокой, но это никогда не умоляло её привлекательности в моих глазах.

— Альберт? — задыхаясь, прошептала она моё имя.

— Что?

— Возьми меня. Я хочу тебя. Хочу безумно. Прямо сейчас. Я так долго этого ждала. Мне кажется, я умру, если не почувствую тебя в себе.

Её руки блуждали по моему телу хаотично, словно у слепой или у девственницы.

Она цеплялась за меня с вампирской жадностью.

Меня не нужно было уговаривать дважды. Повторять ещё раз.

Моё желание было не менее нетерпеливым. Сжигающий меня огонь требовал выхода.

У нас ещё будет время на ласки, самые изысканные и изощрённые, какие только можно представить, а сейчас я хотел слиться с ней так быстро, как только это возможно.

Привычная упругость её стройных бёдер.

Обманчивая хрупкость стана, когда, кажется, сделай одно слишком резкое, слишком грубое движение и она переломится, словно фарфоровая статуэтка, прямо у тебя в руках.

Трепещущая от частого дыхания грудь.

С тихим стоном, напомнившим рычание, я вошёл в неё глубоко и сразу, до конца, заставляя рвануться, как попавшую в силок птицу — она была внутри сухая, горячая, узкая.

Мы оба слишком торопились.

Наверное, я сделал ей больно.

Впрочем, Синтия любила боль.

Любила, когда в постели её подавляли, заставляли подчиняться, терять контроль.

В реальной жизни она была властной и спесивой. Возможно то была своеобразная компенсация?

Я замер, закрыв глаза, чувствуя, как заполняю собой её узкое тугое лоно. С трудом удерживаясь от желания продолжить.

Грубо брать. Врываться, раз за разом разоряя все алтари. Вдалбливаться, достигая края, не взирая на последствия.

Иногда в прошлом мы играли вот в такие вот «изнасилования». Она сопротивлялась, я ломал её сопротивление. Нас обоих это заводило.

Закрыв глаза и сжав зубы, я замер.

Руки Синтии крепко обняли меня за спину.

— Не останавливайся, прошу. Не надо...

И я заскользил в горячих глубинах её тела, задыхаясь от наслаждения, которое мог получить только у неё, утопая в удовольствие, которое мог разделить только вместе с ней.

Влажная тьма, кольцами змеи обвивающаяся корни и недра.

Волны неги, поднимающиеся всё выше и выше, обостряя восприятие, связывая тела в единое целое, подгоняя на край и норовя толкнуть за него.

Её маленькое тело, распятое подо мной, в которое я врывался с неистовством, с каждым новым ударом напрягалось всё сильнее, было будто готовая лопнуть струна, натянутая до

предела.

Её бедра всё теснее прижимались к моим, будто наши тела срастались, стремясь одно поглотить другое.

Удовольствие словно сплавляло их в одно целое.

Ощущения становились настолько острыми и приятными, что любая плата за это удовольствие казалась незначительной.

Мир сжался в единую маленькую точку. И даже если бы от этого зависела моя жизнь, я уже не смог бы остановить этот танец.

Синтия выгнулась в моих руках, забилась, как вытащенная из воды рыба и в следующий же момент я позволил себе достигнуть разрядки, окунаясь с головой в головокружительный оргазм.

Сердце колотилось, как бешенное.

— Ты вернулся! — всхлипнула Синтия, прижимая голову к моей груди.

Её волосы пахли совсем иначе. Не так, как я помнил. Но это такая мелочь... по сравнению со всем остальным.

Мне не хотелось говорить.

Я хотел насладиться этим мимолётным чувством единения, увы, так быстро проходящим, в тихом спокойном молчании. Хотелось обнимать и чувствовать, глядеть и не наглядеться.

А слова между нами всегда рождали напряжение, недопонимания и боль.

Так было всегда.

И хотя Синтия пока ещё только собиралась начать очередной разговор века по душам, я уже чувствовал незримую трещинку. Ту самую.

Она медленно села и потянулась за моей рубашкой, набрасывая её на точёные плечики, прячась от моего взгляда. Отдаляясь, будто притворяя между нами стеклянную дверь.

Поправляя волосы, что умоляюще цеплялись за всё, до чего могли дотянуться, Синтия знакомым до боли, родным жестом собрала их в горсти, вытащил из-под рубашки и рассыпала сверху, заставляя проливаться золотым дождём.

Я зачарованно смотрел, как они переливаются рождественскими огоньками под мерцающим пламенем в камине.

— Самое время поблагодарить меня, братец, — с усмешкой протянула она.

— За что? За отличный секс? — попытался отшутиться я.

— И за него, если хочешь, тоже. Но лучше за то, что я почти, как богиня, смогла вернуть тебя из мира мёртвых.

Улыбка как-то сама собой сошла с лица:

— Ты это фигурально выражаясь?..

— Нет, Альберт, буквально. Ты, правда, не торопился вернуться ко мне. Мне даже начало казаться, что ты избегаешь самого этого места — нашего дома.

Но я всё равно знала: как не торопись ты сбежать от самого себя, рано или поздно ты все равно вернёшься. Как ты всегда возвращался ко мне. Только на этот раз ты слишком сильно медлил.

— Как всегда, слушая тебя я задаюсь вопросом: ты сумасшедшая или просто хорошо прикидываешься?

Лицо Синтии приняло незнакомое мне выражение глубокой задумчивости:

— После всего того, что мне пришлось пережить, братец, не мудрено сойти с ума.

Иногда мне кажется, что всё, что я вижу — это тяжёлый, затянувшийся бред.

— Тогда можешь бредить вслух. Я охотно тебя послушаю. Из твоих уст, сестрёнка, любой вздор звучит для меня музыкой.

— Не в этот раз, братец. Но тебе придётся выслушать. И поверить. Потому что, во-первых, это будет правда. А, во-вторых, ты ведь здесь? А это лучшее доказательство тому, что, какой бы не выглядела бредовой история, что ты сейчас выслушаешь, это правда.

— Хорошо, валяй. Вещаю свою правду. Только скажи, в этом доме есть ещё вино? Я был бы не прочь промочить горло.

Синтия, поднявшись с лёгкой непринуждённой кошачьей грацией, прошла по комнате до серванта, мелькая босыми ногами с маленькими, как конфетки, пальчиками и вернулась с двумя бокалами и бутылкой вина, красного, как кровь.

— Открывай, — протянула она бутылку мне.

— За встречу через сотню лет? — поднял я тост.

— Прошло на четверть века больше, — пожала она плечами, макая коралловые губки в бордовое вино.

Я последовал её примеру, не отрывая взгляда от её прелестного личика:

— Ты обещала мне историю, сестрёнка.

— Обещала. Ну так слушай.

Не знаю, что я надеялся услышать, но явно не то, что сказала Синтия.

— Ты знаешь легенду о том, что Элленджайты прокляты.

— Это не легенда, — поиграл я бокалом, наблюдая, как качается красное вино, которое в тени кажется чёрным. — Это прямая констатация факта. Никакой мистики — люди просто немного наблюдательнее, чем нам кажется.

— Проклятыми называли детей падших ангелов. Нефелимов.

Я крепче сжал челюсть, стараясь удержать крепкое словцо. Драгоценная сестрёнка на многое смотрела сквозь пальцы и не гнушалась спать с братьями, но она терпеть не могла сквернословий. Вот такая причуда.

А ещё она слишком увлекалась мистикой. Это у неё другая причуда, почти с детства.

— Нефелимов? — переспросил я. — Ты это серьёзно?

— Помолчи, Альберт. Мы же вроде как договорились, что ты примешь на веру мои слова?!

На самом деле мы не договаривались — на самом деле говорила только она, а я просто промолчал.

— И что там не так с этими нефелимыми?

— Всё. Судя по тому, что творилось в нашей семейке. Ну да речь не об этом. Мы не просто потомки падших ангелов — мы потомки Люцифера.

Я человек не трусливый. Честно. Я мало чего боюсь по жизни.

Но мне стало страшно. Синтия говорила так спокойно и уверенно, что у меня не осталось сомнений — она сумасшедшая. Моя любимая сестра не в себе.

— Люцифер — наш пра-пра-пра-пра дедушка? Ну, допустим, и что дальше?

— После того, как ты умер, я вызвала его. И заключила сделку. Люцифер наделил меня силой, что не принадлежит и не может принадлежать никому из смертных — даром воскрешения. Я могу призывать души из-за смертельных чертогов.

Повисла пауза.

За стеной завывала буря, била плетью, скрученной из снега и ветра, хлётко, жёстко,

будто надеясь развалить этот дом по кирпичику. Даже окна вздрагивали под напором норд-оста.

— Ты всерьёз веришь в то, о чём сейчас говоришь? — тихо, будто боясь спугнуть её, задал вопрос я. — И что потребовал Люцифер в обмен на такую услугу?

— Ничего, — её голос звучал отрешённо.

Синтия с детства придумывала небылицы. В которых она была королевой. С самой высокой короной.

Но чтобы объявить себя святым Лазарем?

— Святой Лазарь по сравнению со мной младенец. Он воскрешал того, кто умер три дня назад. А от тебя же остался один остов. Видел бы ты... хотя нет, лучше не надо. До сих пор без содрогания не могу вспоминать...но лучше по порядку.

После твоего самоубийства Ральф как обезумел. Он обнародовал всё, что мы скрывали столько лет. Он пытался меня убить! Он был просто невменяем... ты же помнишь, каким он был? А без тебя всё стало ещё хуже.

Вино резко стало горьким, и я отодвинул бокал от себя:

— Он превратил мою жизнь в ад, Альберт... — голос Синтии вдруг стих.

— Что ты сделала?

Собственный голос казался чужим и глухим.

Глаза Синтии сузились и превратились в два пылающих куска льда:

— Что я сделала?! Я?! Почему, по-твоему, я могла что-то сделать?

— Потому что это до сих пор не даёт тебе покоя. Потому что ты боишься мне сейчас об этом сказать.

— Да с чего ты взял?

— С того, что не только ты знаешь меня как облуленного. Так что ты сделала, Синтия?

Она отвернулась.

Золотые волосы, упав на лицо, скрыли от меня его выражения.

— Синтия?..

— Я принесла его в жертву.

Часы на полке тихо стучали. Наверное, тикали. Не знаю, не уверен.

После такого заявления я уже ни в чём не мог быть уверен.

— Я... что? Не понял, что ты имеешь ввиду под «принесла в жертву»?

— Я убила его на сатанинском алтаре.

Синтия повернула голову и теперь с вызовом смотрела на меня.

— Ты не могла его убить. Это невозможно. Силёнок бог не дал.

— А я у дьявола заняла! — фыркнула она, строптиво встряхивая головой. — Хотя... хотя это было позже. А в тот момент Ральф помог мне сам. Это было... мучительно, долго и болезненно. Именно так он и умирал. Долго. Почти сутки. Возможно, он надеялся, что я откажусь от своей затеи. Возможно, забавлялся, веря, что мне невыносимо наблюдать за его страданиями. А возможно... возможно ему просто было наплевать. Помнишь, как он всегда говорил это своё коронное «плевать»? — зло засмеялась она.

По мне, так её смех гораздо ближе был к истерике, чем к насмешке.

— Как же ты вытерпела? Как могла сидеть и смотреть на его агонию часами?

— Я не верила, что он на самом деле умрёт. Даже после твоей смерти я не могла поверить, что это возможно!

— Но он умер, — это не был вопрос.

— Умер. А древний ритуал начал работать. И я встретила лицом к лицу с тем, кого считают Князем Земли и источником зла.

— Ну и как?

Меня распирало от злости и бессильной ярости.

В историю с дьяволом я не верил. А вот в смерть Ральфа, зная их обоих, поверить пришлось. И осознание того, что всё это случилось почти два столетия назад, не смягчало боли потери.

Может быть, в душе я надеялся, что Ральф воскреснет таким же волшебным образом, как и Синтия?

— Люцифер? Он удивительным образом похож на вас всех. Безумный и обречённый, то ли не желающий, то ли не умеющий раскаяться и жить иначе.

— Правда? Ни рогов? Ни копыт?

— Если они у него и были, он их мне не показывал.

— Его не удивило желание правнучки увидеть предка?

— Нет. Он сказал, что такое было и раньше. Он внушал доверие. Он казался вполне понятным. Он был чем-то похожим на тебя. Или на отца. Словом, таким, каким я всегда его себе и представляла. И знаешь, что я сделала? Я поверила ему. Я заключила с ним договор.

— Что за договор?

— Он сделал меня бессмертной, наделил способностями, которые многие сочли бы колдовскими.

— И что потребовал взамен?

Синтия молчала, опустив голову.

— Что он потребовал взамен? — повторил я вопрос.

— Нашу семью. Он велел мне уничтожить всех. Говорил, что существование таких, как мы, не угодно богу. Что мы несём с собой лишь скверну и искушение. И он был прав! Ты же знаешь.

— Он потребовал, а ты?..

— Я сделала то, что он велел. Я всех их ненавидела и была словно не в себе. А когда пришла в себя, было поздно — всё обратилось в пепел! Наш дом. Мои родители. Все сгорели... никого не осталось. Никого — кроме меня. Я хотела уйти за всеми, но не вышло. Дьявол по-дьявольски сдержал слово: я стала бессмертной. Такой, какими раньше были вы. Я всегда завидовала вашим способностям... Почему ты так смотришь на меня, Альберт? Ты мне не веришь?

Голос её зазвучал жалобно, как у ребёнка.

— Если бы это было ложью! Но правда в том, что древние легенды гласят правду и сделка с дьяволом — это ужасно. В итоге теряешь всё, а приобретённое взамен доставляет лишь муку. Ты молчишь? Не знаешь, что сказать, брат? Ну, молчи. Ведь эта часть лишь предыстория. А собственно история ещё впереди.

Я не знал, верил ли я тому, что слышал? Наверное, верил. Иначе как объяснить всё это — её жизнь, моё воскрешение?

Но если такова правда — как с нею жить?

Я воскрес потому, что умер Ральф — мой брат, мой друг, мой любовник.

И в смерти моих отца и матери виновна Синтия. И в смерти остальных — тоже.

— Не могли все сгореть, — попытался я отрицать очевидное. — Это невозможно! Те, другие — я видел Кингов. Они носят другое имя, у них иные понятия, но, по сути, они такие

же, как и мы. И Катрин... ты же сама официально признала её как нашу наследницу?

— Я же сказала — то было лишь начало. А Кинги? Они не одни из нас. Строго говоря, они вообще-то не совсем люди.

— То есть как это понимать? Что значит «не совсем люди»?

— Чтобы воскресить твои останки мне нужна была новая жертва. Кровь в достаточном количестве, чтобы регенерировать почти истлевший остов. Обыкновенная людская кровь помочь не могла. А никого из Элленджайтов в живых после пожара не осталось. Круг замкнулся. Я же уже говорила, заключая сделку с дьяволом всё равно, что занимать у деньги и ростовщика — ты в любом случае остаёшься ни с чем. У меня появилась способность воскрешать и знания, как это сделать, но у меня была отнята сама возможность...

— Однако дилемма, — хмыкнул я с издёвкой.

Синтия передёрнула плечами:

— Смейся-смейся. Мне-то было не до смеха. Я сотню лет пыталась обыграть судьбу.

— Мы, помнится, говорили о Кингах? У тебя просто волшебная способность сводить любой разговор к своей персоне и переживаниям, о чём бы речь не зашла.

— А ты всегда всё портишь своим нетерпением.

— Ну, в некоторых случаях моё нетерпением тебе бывает очень даже по душе, не так ли?

— Что ж, вернёмся к Кингам. Чтобы восстановить твои останки мне нужна была кровь Элленджайтов. И я создала их практически с нуля.

Я нахмурился, откровенно говоря, не слишком понимая, о чём идёт речь.

— Я спонсировала создание секретной лаборатории по клонированию человека.

Она сказала это таким тоном, словно я что-то уже должен был понять.

А я не понимал.

Слово «клонирование» в моём мозгу ни с чем не идентифицировалось. Как теперь говорят, файлы были совершенно пустыми.

— Клонирование человека? Что это такое?

— Создание человека из клетки.

В моем воображении, прости господи, возникла обезьяна, быстро-быстро развивающаяся до уровня человека, открывающая эту самую злополучную клетку и широкими прыжками удаляющаяся в неизвестном направлении.

— Современные технологии шагнули далеко вперёд, Альберт. Но клонирование как человека, так и отдельных органов, находится вне закона. И, официально, технологий, позволяющих из генетического материала воссоздать человеческий зародыш, не существует.

Я потряс головой. Мне казалось, что она говорит на неизвестным мне иностранным языке и я никак не уловлю сути.

— Мы взяли кусочек генетического материала Ральфа и из этой клетки в пробирке вырастили эмбрион, который потом подсадили суррогатной матери, родившей младенца в положенный срок. Как это обычно бывает в таких случаях ребёнок родился не один.

Получились близнецы — две особи, мужская и женская. Образец под номером один и два — Рэй и Виола. Я дала им фамилию Кинг. Ну не свою же собственную отдавать?

Сумасшедшим учёным нужны были открытия, а мне — только кровь. Мальчика, естественно. У девочек нет тех замечательных свойств, что способны были вернуть твоему телу жизнь.

Когда я получила, что хотела, пришлось замести следы. Ученых устранили, детей

отдали в ближайший приют, где их отыскал местный воротила и использовал уже по своему назначению. Я в их дела не вникала.

— Подожди-подожди! То есть получается, что изначальным генетическим материалом для... хм-м, создания Кинга, как ты это называешь, был Ральф? Грубо говоря, его можно считать прародителем этого ненормального любителя трахаться с собственными детьми?

— Ну, кто знает, чем развлекался сам бы Ральф, если бы дожил до тех же лет, что и «образец один»? — передёрнула плечами Синтия. — Я никогда не считала Рэя сыном Ральфа. Но в каком-то смысле ситуацию, наверное, можно рассматривать именно так.

— Ральф был донором мужской клетки, а женской?

— Это было не оплодотворение, Альберт, а клонирование. Женских клеток и не понадобилось. Так что, следуя твоей теории, Ральф нашим Кингам и мама, и папа.

От всей этой научной дребедени и полного сюрреализма меня начало ощутимо подташнивать.

— Сами Кинги знают о том, что они представляют собой долбаные образцы из пробирки?

— Конечно, нет. Они считают себя бедными сиротками из приюта, — легкомысленно фыркнула Синтия.

— По-твоему этом смешно? Ну и огород ты тут нагородила!

— Всё ради тебя, дорогой. Чего не сделаешь ради любви?

Слова прозвучали бы дурным пафосом, но, слава богу, в них было слишком много сарказма.

Так уж жизнь сложилась, что сарказм мне куда более по сердцу.

— А Катрин? Выбранная тобой наследница Элленджайтов? Она образец под каким номером?

Усмешка соскользнула с лица Синтии и оно сделалось почти угрюмым:

— Катрин не имеет никакого отношения ко всем моим научным экспериментам. Она вполне себе настоящая личность, произошедшая на свет вполне естественным путём. И она действительно Элленджайт.

— Но ты ведь сказала, что все Элленджайты погибли.

Синтия вздохнула и, после небольшой паузы сказала, как бы нехотя:

— Не все. Своего сына я не смогла заставить себя убить, — от её взгляда у меня почему-то побежал мороз по коже.

— У тебя был сын?

— Да. И именно ты был бы счастливым отцом, если бы задержался на свете немного подольше. Катрин наша с тобой пра-пра-правнучка, дорогой. Но это не отменяет намеченной между вами свадьбы. Потому что только так мы сможем вернуть себе наше состояние и наш дом.

И снова я вынужден был сделать паузу, чтобы осмыслить полученную информацию. Новости, одна сногшибательней другой так и следовали друга за другом.

— Я не понимаю... Что ты хочешь этим сказать?

Синтия криво усмехнулась, и никто не назвал бы её улыбку доброй:

— Всё ты прекрасно понимаешь, дорогой братец. У нас с тобой был сын. У него была дочь, моя внучка, у неё — ещё дочь, потом — ещё. Я очень надеялась, что рано или поздно появится мальчик, но небеса словно не слышали мои молитвы...

— А ты чего хотела? — рассмеялся я. — С какой стати небеса должны были тебя

слышать, если ты, по собственному призванию, согласилась служить совсем другим силам?!

— Не смей кричать на меня! Всё, что я делала, я делала исключительно ради тебя...

— Нет!!! Всё, что ты делала, всегда, было исключительно ради себя. Ты захотела жить вечно и нашла способ сделать это, хотя, признаться, поверить в то, что я тут выслушал практически невозможно.

— Приходится же? — насмешливо протянула сестра. — Ведь иного объяснения тому, что ты сейчас здесь, рядом со мной, наслаждаешься жизнью вместо того, чтобы гореть в аду, где тебе, вне сомнения, самое место — попросту нет? Да и чего ты так завёлся?

— Действительно, с чего бы? Ты, ради того, чтобы вернуть меня, убивала людей.

— И что? — невозмутимо пожала плечами Синтия. — За те сто пятьдесят лет, что я жила, люди умирали у меня на глазах пачками, по той или иной причине. Человек смертен, и в этом нет ни моей вины, ни заслуги. Если чья — то жизнь может принести мне пользу — я это использую. Если пользу принесёт чья-то смерть, почему меня должно это останавливать?

Я смотрел на ней и видел лицо моей сестры, Синтии, почти не изменившейся, но... я не узнавал то существо, что обнимал час назад.

— Ты ведь это несерьёзно сейчас?

— Альберт, ты до смешного сентиментален. Жизнь имеет значение ровно столько, во сколько ты согласен её оценить. Люди, на самом деле, просто расходный материал и так было всегда. Исключение составляют те, кого мы любим.

— Вопрос в том, что ты не любишь никого.

— И это говоришь мне ты? После всего, через что я прошла ради тебя?

— Ещё раз повторю — чтобы ты не делала, ты делала это только ради себя. Мне не нужно было это воскрешение. Я не чувствовал в небытие ничего. Это тебе потребовалось всё это подобие бурной деятельности, потому что одиночество хреновая штука, а пока действуешь — живёшь.

— Я хотела вернуть тебя, чтобы в этом новом времени мы могли стать, наконец, самими собой! Могли не бояться идиотских условностей! Не прятаться ни от кого!

— Какая прелесть. Но если ты хотела именно этого, почему ты не пришла сразу? Зачем было вмешивать в эту историю Катрин?

Синтия отвернулась, словно поддавшись чувствам.

На самом деле она просто не хотела, чтобы я видел её лицо и попытался понять, что у неё на уме на самом деле.

Я почти слышал, как мысли, словно птицы, мечутся в её голове, как она подбирает слова.

Будь на месте Синтии кто-то другой, я эти мысли смог бы прочесть, но она их закрывала.

Я чувствовал её чувства. И их было куда меньше, чем мне хотелось бы.

— Катрин не должна была так долго прожить.

— Что?

— Она была отданной тебе жертвой. Ты должен был убить её, когда воскрес. Не понимаю, почему ты этого не сделал?

Чтобы как-то заполнить глухую паузу, я потянулся за одеждой.

Как-то в свете сложившегося разговора мне хотелось закрыться.

Хорошо бы, от всего сразу.

Может быть я уже в аду?

И какой-то демон принял образ моей разлюбленной сестрички, чтобы выносить мне мозг своими немыслимыми идеями и похожими на худший наркотический бред, исповедями?

— Но, когда она всё-таки выжила, я подумала, что это даже к лучшему. Поначалу я хотела выдать себя за неё и тем самым получить доступ к семейным активам...

— Почему ты не могла получить доступа к ним сама?

Синтия снова пожала плечами:

— О чём ты говоришь? Мне то и дело приходилось менять имена и дату рождения, но если обмануть простых обывателей мне удавалось довольно легко, то получить доступ к самому легату проблематично. Ты же помнишь, как устроена вся эта система? Конечно, можно было изобрести велосипед, но зачем, когда под рукой есть настоящая наследница и всё, что нужно, это использовать её?

Когда ты воскрес, а Катрин выжила, план сложился сам собой — ты женишься на ней. А потом она попросту умрёт.

— Как?

— Да как угодно! Подцепит грипп с осложнениями, упадёт с лестницы. Аневризма, сердечный приступ — мало ли причин? Человеческой девке легко свернуть шею. С нашими способностями это раз плюнуть...

— И когда мы свернём ей шею, что будет дальше?

— Мы восстановим нашу империю снова. Элленджайты воскреснут и снова будут править миром. Мы перестанем быть бледной легендой и снова станет влиять на все события в этой жизни...

— Подумать только, какая прелесть! Я же всё жизнь и, видимо, часть посмертия, мечтал о власти и деньгах!

— Перестань кривляться. Знаю я твои мечты. И это ты тоже получишь. Я дам тебе всё что ты захочешь.

— А тебе не приходило в голову, разлюбленная моя сестрица, что ты не можешь дать мне того, что я хочу? Сними корону! Она давит на твои мозги, а ум и без того никогда не был сильной стороной твоей натуры.

— Не смей меня оскорблять! — прошипела Синтия.

— Или — что?

— Ты даже не представляешь, с кем связываешься, братец!

Я выгнул бровь в просьбе продемонстрировать.

Лицо Синтии, бледное, как пергаментная бумага, заострилось от напряжения, когда она вскинула руку вперёд и сжала пальцы.

В тот же момент боль узлом скрутила внутренности, будто её пыльцы проникли в моё тело, оплетаясь вокруг органов и проживая их, как углями.

Пришлось сцепить зубы, чтобы не застонать.

Боль была сильной и в первый момент от неожиданности я чуть не вскрикнул, судорожно вцепившись в спинку вовремя подвернувшегося стула.

— И что дальше? — процедил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Что ты этим хочешь показать? Новые способности?

— Это только начало. Не искушай меня проявить мой гнев в полную меру. Тебе это не понравится. Ты же, в конце концов, не Ральф.

— Ты как будто сожалеешь об этом? Может быть, ты воскресила не того брата?

В глазах Синтии блеснули злые слёзы:

— Понимаю. Ты питала иллюзию насчёт того, что мной тебе будет манипулировать легче... хотя, нет, не так: ты допускала возможность, что мной, возможно, манипулировать получится. А с Ральфом на это нет ни малейшего шанса. Ведь, в отличие от меня, он никогда тебя не любил.

Синтия повернула ладонь.

Ощущения было такое, будто гигантская рука выдирает кишки из тела.

Пришлось замолчать, упрямо сцепив зубы.

Синтия медленно приблизилась и, встав рядом, положила руки мне на грудь.

Через материал рубашки и боль я всё равно ощущал прикосновение её маленьких горячих ладошек.

— Не перечь мне, Альберт.

Говорила Синтия тихо, но в каждой мягко произнесённой ею букве таилась угроза.

— И не зли меня. Никогда.

Мне было приятно чувствовать её прикосновения, но взятый тон совершенно не нравился.

— Дорогая сестрица, — сжав её тонкие пальчики в ладонях, подхватив взятый её тон, сказал я. — Ты, бедняжка, так долго жила в мире, в котором никого из нас не осталось! Не удивительно, что успела забыть — подобными трюками напугать меня не получится. Напротив, я даже рад твоим открывшимся способностям — у нас теперь больше возможностей для наших любимых садистских игр. С твоими-то чудесными способностями теперь не обязательно пачкать простыни моей кровью.

Коротким толчком я оттолкнул её от себя:

— Куда сильнее меня пугает мысль: ты так сильно изменилась за истёкшие годы? Я успел забыть тебя? Или я никогда тебя не знал? Как в твою голову могла прийти мысль, что я стану убивать Катрин?

— Если ты такой слабак, я сделаю это сама.

— Ты ничего не сделаешь! Ты и пальцем её не тронешь, ясно?!

В стеклянных кукольных глазах Синтии промелькнуло удивление:

— Да какая тебе разница, что станет с этой девчонкой? Если ты боишься, что на моих руках будет очередная кровь...

— Синтия! — выйдя из терпения я схватил сестру за плечи и хорошенько встряхнул. — Раз и навсегда выкини эту мысль из головы. Я запрещаю тебе даже думать о том, чтобы ей навредить.

Удивление на её лицо сменилось яростью, и никакой насмешливой маской прикрыть гнев у Синтии не получалось:

— Ты запрещаешь мне?! Ты — запрещаешь?! Да как ты смеешь... как ты можешь!

— Могу. И планирую сметь дальше. Раз уж в дальнейшем нам предстоит сосуществовать вместе, давай расставим приоритеты. И, если ты хочешь, чтобы в дальнейшем мы ладили, прошу отнестись к моим словам серьёзно, Синти. Эта девушка для меня важна. И если ты навредишь ей, прямо ли, косвенно...

— Что ты сделаешь? — с вызовом глянула на меня сестра.

— Я тебя не прошу.

— Ты это серьёзно? — рассмеялась Синтия.

Скрестив руки на груди, я ждал, пока приступ показного веселья иссякнет.

— И чем грозит мне твоё непростительное? — прекратив веселиться, решила (видимо на всякий случай) уточнить она.

— Я уйду из твоей жизни. А возможно и из всей этой жизни где меня, по большому счёту, ничего не держит.

— У тебя не получится. Если я не захочу. А вот я могу отнять то, что сама же тебе подарила. Хотя ты за мой дар, похоже, ни испытываешь ни капли благодарности...

— А ты её ждала?! Ты вообще о чём думала?! Что я приду в восторг от того, чтобы ты уничтожила всю нашу семью?! На твоих руках кровь нашей матери, отца, кузин и кузенов — мне ещё предстоит переварить этот факт и, откровенно говоря, сомневаюсь, что смогу принять это...

— Но ведь уже принял?!

— Да просто пока во весь этот коктейль горячечного бреда плохо верится. Люциферы, клоны, ведьмы — голова идёт кругом. С ума сойти можно... хотя может быть, на самом деле, с ума сойти и лучше, чем во всё это поверить? Только ты, с твоей маниакальной самовлюблённостью, могла заварить подобный винегрет. Скажи, как ты живешь с этим?

— Ты вообще меня слушал?! У меня нет выбора. Я получила своё бессмертие и теперь хочу, не хочу — буду жить! С тем, что сделала. С тем, что делаю. В вечном одиночестве.

— И ты надеялась, что я тебя пожалею и поддержу? Что посвящу свою жизнь одной тебе, ненаглядной? Стану, словно джин из восточных сказок, без усталости выполнять все твои желания?

— Я просто не могла больше существовать одна в этом аду!

— И потому решила втянуть в него ещё и меня? И ждешь, что я поблагодарю тебя за это? Серьёзно?!

Она отвернулась и сжалась, сразу сделавшись маленькой и хрупкой. И можно было не заглядывать ей в глаза, чтобы понять, что они сейчас полны слёз.

Чёрт! Ненавижу женские слёзы!

— Хватит, Синти. Слезами тут уж ничего не исправить, — попытался я не поддаться собственной слабости. — Да и чего плакать? Ты же получила, что хотела: я здесь, с тобой.

Она сдавленно всхлипнула. И я сдался. Подошёл, обнял, прижал к себе, согревая её замерзшее тело, как умея.

— Ты ещё любишь меня? Скажи, я ещё что-то значу для тебя? — зашептала она, ластясь ко мне, словно кошка.

— Значишь. И всегда будешь значить. Но, Синтия, насчёт Катрин моё условие остаётся в силе. Если с ней что-нибудь случится — сердечный приступ, осложнение после гриппа, упадёт ли она с лестницы или разобьётся на самолёте — ты потеряешь меня наверняка. И ни силой, ни лаской уже не вернёшь. Как бы не сложилась жизнь дальше, я хочу, чтобы она жила.

Синтия сначала застыла в моих руках, а потом рывком высвободилась.

Да я особо и не удерживал.

— Да что ты нашёл в этой глупой курице?

— На курицу она не похожа. К тому же, если быть справедливым, она не глупа. Наивна немного. Капельку нудновата, на мой вкус, этого не отнять. Но далеко не дура.

— И поэтому бы будем носиться с ней как с писанной торбой?

— Ну, если моё требование не убивать ты воспринимаешь именно так? Да. Будем носиться. Разве это не наша святая обязанность, как предков — опекать своего потомка?

Синтия фыркнула со всем презрением и насмешкой, на какие только была способна, как никогда напоминая мне рассерженную, ну просто очень злую-презлую кошку.

Её гнев всегда меня забавлял.

— Будешь меня убеждать что питаешь к этой дурёхе отеческие чувства?

— И в мыслях не было, — открестился я.

— Когда она успела стать для тебя чем-то, чем просто средством? Неужели ты поставишь нас на одну доску? Я жила тобой многие годы, а она просто смотрит коровьими глазами и этого оказывается достаточным?..

— Чтобы её не убивать? Да. Этого вполне достаточно. Ни ты, ни я её не тронем. И это не обсуждается.

— И как же тогда дальше? Что предлагаешь мне делать? Благословить вас на долгие годы? Или мы оба пойдём жить в лачуге, отдав этой юродивой сиротке наше состояние?

Я поморщился:

— Без уничижительных эпитетов никак? Мы могли бы заново разбогатеть. Было бы чем заняться на ближайшие десять лет.

— Ты издеваешься? Я не привыкла жить на несколько жалких десятков тысяч долларов в год.

— Я и вовсе привык считать деньги золотом. Нынешняя мода на бумаги видится мне дичью, а назначение пластиковых карт я понимаю на уровне понятия. Ну и что это меняет? Мы найдём деньги. Вон тот же Кинг, который, если верить тебе, и не человек вовсе, а нечто вроде биокиборга, нашёл же способ их зарабатывать?

— Состояние Элленджайтов должно принадлежать мне! Я его истинная хозяйка!

— Точно. И мы все тоже будет принадлежать тебе. Служить? Служу. Ага! Мечтай больше. Но если тебе так припёкся этот легат, то попросту убеди девушку переписать состояние на тебя, а ей отдай десятую часть.

— Думаешь, она вот так просто отдаст бразды правления?

— Не думаю — уверен в этом. Главная разница между тобой и Катрин как раз в том и состоит, что ей плевать на власть и деньги. У девушки другие ценности. И то, за что ты готова порвать ей глотку, она отдаст тебе особо не задумываясь. Суммы на наших счетах для неё космически баснословны и уже не имеют практического применения.

— Ты действительно думаешь, что она вот так просто возьмёт и отдаст своё? — покачала головой Синтия. — Вижу, твоё пребывание в царстве теней сделало тебе мечтательным. Спустись с небес на землю, Альберт. Мы на грешной земле. И здесь деньги имеют высшую ценность.

Горечь и презрение шевельнулись в моей душе. Она была так уверена в своей правоте. Деньги. Статус. Общественное мнение всегда много для неё значили. Она переоценивала их значение.

Для меня деньги всегда только средство обеспечить безопасностью дорогих или просто близких людей. И в таком количестве деньги мне, как и Катрин, не требовались.

Однако доказывать это Синтии — тратить время впустую.

С ней вообще бесполезно спорить, потому что в споре моя красавица-сестрица слушает только себя. Ты можешь приводить какие угодно доводы, факты или аргументы. Она спокойно даст тебе их озвучить, но продолжит развивать свою собственную мысль точнехонько с того места, на котором остановилась до этого.

Я решил действовать так же, как она. Продолжив обсуждение волнующей меня темы с

того момента, на котором закончил:

— Что, по-твоему, мне следует сделать? Убийство выбранной тобой наследницы исключается полностью.

Синтия вздохнула:

— Что ж? Если ты не хочешь её убивать, тогда после свадьбы заставишь переписать состояние на тебя, а потом с ней разведёшься. Тогда все нити управления будут в наших руках. А ей, если уж это так для тебя важно, выделишь долю содержания, какую сочтёшь нужной.

Со стороны Синтии это было большой уступкой.

— А существует ли вариант, при котором я вообще не женюсь на этой девочке?

— Нет. Ты нужен мне с деньгами Элленджайтов.

В общем-то Синтия одной фразой сказала всё самое важное.

Добавить или убавить нечего.

Огонь угас, лишь тихо пощёлкивали прогоревшие угольки в камине, переливаясь красным.

За окном продолжал выть ветер.

Я поднялся.

— Ты куда? — нахмурилась Синтия.

— К своей невесте, сестрёнка. Заждалась она меня уже, бедняжка. Рассвет скоро.

Синтия успела поймать мою руку и заглянула мне в глаза:

— Но ты же вернёшься? Мы ещё увидимся?

Мне хотелось сказать гадость, ранить её словами. Но к чему это, если мы оба знаем, что будет дальше?

— Я позвоню.

Поцеловавшись, мы простились.

Метель и не думала униматься.

Через наваливший снег внедорожник проходил с трудом.

В прошлом веке зимой Кристалл-холл превращался в феодальный замок, где мы жили, как на острове, изредка выбираясь в город: слуги — за припасами, господа — в поиске развлечений.

При современном уровне коммуникаций передвижения сделались проще. Нужно будет найти дорожную компанию, согласную отвечать за порядок на этой участке дороги и — кататься туда-сюда в удовольствие.

Машина с обогревателем — это не карета с горячими углями в жаровнях. В ней не замёрзнешь.

Но с другой стороны нестись верхом на взмыленном скакуне, проявляя искусство лихого наездника требовало характера и хорошей физической формы, а для того, чтобы крутить руль и нажимать на педали не требовалось ни того, ни другого.

В 21 веке комфорт убивал в человеке очень много. Люди сделались в чём-то слабее и инертнее. Или просто я становлюсь дрюзгой, словно замшелый викторианский старичок?

Телефон ожил, засветившись и завибрировав.

Звонила Катрин.

На панели дисплея светилось шесть вызовов от неё.

А с учетом того, что она, крайне боясь показаться навязчивой, старалась вообще мне не звонить, это было очень много.

Шесть вызовов за ночь.

На сердце легла тень. Мы не очень хорошо простились, я ушёл, заставив девушку волноваться. И вместо того, чтобы лечь спать, она сидела и придумывала всякие ужасы про то, как мне было плохо. И это в том время как мне, как раз, было сказочно хорошо.

Настолько хорошо, что на какое-то время я вообще забыл о существовании Катрин Клойс.

И для неё, очень может быть, стало бы лучше, если бы вообще не вспоминал?

Седьмой вызов постигла участь первых шести — я на него не ответил.

Ударив по тормозам, заглушил мотор и вышел из машины покурить.

Прислонившись спиной к машине, запрокинул голову в надежде увидеть звездное небо, но вместо звёзд курилась наверху какая-то вихревая муть и ближе к земле рассыпалась белым просом.

Под сильными порывами ветра сигарета быстро прогорела, хватило лишь на пару затяжек, и я потянулся за второй.

Я думал, что, когда останусь один, начну всё обдумывать, эмоционально переживать, а в голове было пусто.

Я не знал, верю ли я рассказу Синтии.

С одной стороны, все эти бредни про ангелов и демонов меня не интересовали. Я вообще не верил в мистику. Хотя большинству моих знакомых по прошлой жизни это казалось странным, им-то само существование таких, как я, способных не умирать, слышать чужие мысли и передвигать предметы взглядом казалось откровением свыше.

Я считал (и продолжаю считать) что это проявление какой-то энергии.

В 19 веке многое из того, что составляет будничную повседневность современного человека воспринялось бы как магия чистой воды, а вот и нет — наука.

И тому, что мы, Элленджайты, такие, какие есть, наверняка тоже найдётся объяснение. Научное.

Но вот как объяснить научно долгожитие и вечную молодость Синтии я не знал.

Как и не находил рационального объяснения для объяснения собственного воскрешения.

Приходилось верить. Да и меня всё это, выражаясь современным языком, не парило. Если начну рефлексировать жить дальше станет очень сложно. Не проще ли принять всё, как есть, а на всё остальное, по рецепту старины Ральфа — наплевать.

Принять новый мир и новые реалии не так уж сложно. Даже смириться с тем, что людей, которых ты знал прежде — нет.

Я буду думать, что умер — там. И очнулся — здесь. А все они остались в прежнем мире и продолжают в нём жить.

Если очень постараться некое подобие семьи можно создать и из Кингов.

Синтия может смотреть на них, как ей угодно. Может быть, факт того, что они из пробирки и имеет для неё особое значение, я же вижу людей, похожих на тех, кого я знал и любил.

Они одни из нас. А значит, мы будем держаться вместе.

Иногда враждовать, иногда — любить, в какие-то моменты жизни даже ненавидеть друг друга — но мы будем вместе.

Элленджайты всегда стоят друг за друга единым фронтом.

Катрин, которая Клойс, тоже Элленджайт.

А вот при мысли о ней весь позитив улетучивался, как тепло на ледяном ветру.

Я не хотел жениться на ней. Я хотел бы сбежать как можно дальше.

Не потому, что она мне не нравилась, как раз наоборот.

Трудно смотреть влюблённой в тебя девушке в глаза, помня такую ночь, какая сегодня была у меня с Синтией.

Смотреть в глаза, зная, что ты не откажешься от старой связи, вросшей в тебя так глубоко, что ты не просто не мыслишь себя без неё и вне её — ты себя отдельно от неё даже не помнишь.

Понимая, что тебе придётся притворяться и лгать.

А я ненавижу притворяться и лгать.

Вроде бы ничего не изменилось. Я и раньше собирался жениться на Катрин, чего уж греха таить, по расчёту. Но я не собирался её использовать, не планировал её обманывать. Я хотел создать нормальную семью, настолько, насколько с таким, как я, семья может быть нормальной.

Но появление Синтии всё изменилось. Теперь грядущих брак — ложь и фарс.

Я был безумно рад, что Синтия жива, но...

Но насколько же всё было бы проще, если бы она осталась в прошлом.

ГЛАВА 2. Катрин. Сомнения и надежды

Поначалу Катрин не слишком встревожилась уходом Альберта.

Но потом, она и сама не могла бы объяснить, почему, в душе начала потихоньку нарастать тревога.

Что-то в нём сегодня незримо поменялось.

Впрочем, он менялся почти каждый день, она не успевала отслеживать эти изменения.

Если в первые дни их знакомства это был открытый, кажущийся немного не от мира сего молодой человек, которого так и тянуло назвать старинным словом «джентльмен», настолько своеобразными были его манеры, то теперь...

Катрин и сама не смогла бы чётко сформулировать произошедшие перемены.

С каждым прожитом в новом мире днём Альберт осваивался всё лучше.

Его почти детское изумление гаджетами, компьютерами и телевизорами остались в прошлом.

Он научился прекрасно одеваться согласно требованиям новой моды. Ему потребовалось минимальное количество времени чтобы адаптироваться к изменившемуся миру и сейчас его лёгкий акцент непонятного происхождения, как и наличие интригующих манер выглядело скорее стильно, чем странно.

Первые дни появления Альберта в своей жизни Катрин теперь вспоминала почти с ностальгией. Он был тихий, покорный. Наверное, иначе и быть не могло.

Но, освоившись, он стал проявлять черты характера, что вызывали настороженность.

Как вуаль скрывает лицо человека, оставляет черты приметными для глаза и в тоже время незаметно искажая их, так обманчивая внешняя мягкость Альберта не сразу позволяла заметить его горячий темперамент, граничащий порой с необузданностью, пугающую Катрин.

Она никогда не знала, в какой момент он рассмеётся, а когда застынет ледяным айсбергом, распространяя вокруг себя крещенский холод.

Она его не понимала. Совершенно.

Первоначально, после того, как вынуждена была оставить его рядом, она испытывала к нему жалость вперемешку с лёгким чувством брезгливости. Иногда это проходило, но стоило вспомнить тот большой аквариум, в котором он плавал словно вызревающий голем, дожидющийся прихода чёрного чародея, и Катрин никак не могла отделаться от мерзкого ощущения.

А уж при воспоминании о трубке, соединяющей её вены с тем созданием и вовсе начинало тошнить.

Но шли дни. Ужасная ночь в склепе отодвигалась всё дальше и дальше.

Вскоре тот Альберт, которого Катрин видела перед собой перестал ассоциироваться с тем монстром, что напугал её в ту ужасную ночь. Как будто это были два разных существа или человека.

Катрин больше не испытывала негативных эмоций.

Но то, что пришло на смену, было хуже — почти неконтролируемое влечение. Или наваждение? Или как назвать это зависимое существование, когда постоянно думаешь о человеке, хочешь знать, где он, с кем, чем живёт, чем дышит?

И это при том, что Катрин Альберта не понимала совершенно.

Что им движет? Чего он хочет? Отчего так быстро меняются его настроения?

Почему в одно мгновение он смеётся, заразительно и весело, бывает так мил и предупредителен с ней, что Катрин с замиранием сердца готова поверить, будто всерьёз ему не безразлична.

А потом его взгляд делается стеклянным. Он смотрит мимо неё. А от его безупречно-вежливого тона хочется залезть на стену или волком взвыть. И понимаешь в отчаянии, что любая мысль о чувствах к себе абсурдна — с любимыми людьми так никогда не говорят. На них никогда не смотрят так бесстрастно и ровно.

И Катрин закрывалась, словно устрица в раковине, отчаянно в душе молясь, чтобы Альберт разрушил её барьеры и дал бы, хоть на миг, понять, что заинтересован в ней. Не как в наследнице Элленджайтов. Не как в друге и добром товарище, но как в женщине.

Однако, чем больше пыталась она найти подтверждение тому, что ошибается в его чувствах к себе, тем больше находила доказательств своей правоты.

В минуты отчаяния, почти с ненавистью глядя на своё отражение в зеркале, Катрин готова была, не раздумывая дважды, отдать полжизни за более привлекательную внешность. Хотя вон до чего красива Ирис, а ведь в её сторону Альберт смотрит даже реже, чем на Катрин.

«Потому что за Ирис нет того состояния, что за мной», — говорила себе Катрин, подавляя вздох.

Да, жить рядом с человеком, с каждым новым днём занимающим в твоём сердце всё больше и больше места, но относящегося к тебе с бесстрастием друга, не сахар.

А внезапные вспышки страсти почему-то казались ещё хуже. После таких моментов Катрин чувствовала себя униженной, как если бы он пытался использовать её.

«Может быть я накручиваю сама себя? Может быть, проблема во мне, а не в нём?», — пыталась она кое-как себя утешить и снова надеялась на лучшее.

Он ведь уважал её. Кто знает, может со временем?..

Прошло несколько часов после того, как Альберт ушёл.

Метель расходилась всё сильнее и сильнее. Ветер завывал, словно нечисть, поверженная праведником в ад. Видимость была близка к нулевой, за окном всё тонуло в белом мраке.

А ведь водительский стаж у Альберта никакой. Да и то эмоциональное состояние, в котором он уходил...

Спустя два часа поняв, что Альберт так и не вернулся, Катрин потеряла голову от беспокойства.

Картины, одна страшнее другой, представляли перед её внутренним взглядом, рисуемые богатым воображением.

На завтра предстояла сложная контрольная, а где уж тут её написать, когда сон бежал прочь, а сердце болело от воображаемых ужасов, в которые уже почти поверил?

Уговорив себя, что позвонить Альберту в данной ситуации будет правильно, Катрин набрала заветный номер.

Но всё стало только ещё хуже. Ответа не последовало.

Он никогда не игнорировал её звонки. Отвечал всегда. Если не сразу, так перезванивал спустя какое-то время.

А тут — тишина.

Катрин сидела на кровати, держа в руке телефон и пытаясь понять, что ей теперь делать? Звонить в полицию? В морг?

Ещё спустя два часа не в силах оставаться в одиночестве она разбудила Ирис и поделилась с ней своей болью.

Протирая глаза спросонок, Ирис поначалу встретила Катрин неласково:

— Да почему ты так уверена, что с твоим Альбертом что-то случилось? Может просто шляется где-нибудь? — попыталась выглядеть бодрой Ирис.

Но наткнувшись на дикие от горя, почерневшие глаза двоюродной сестры, сникла. Такой потерянной и несчастной она Катрин и не помнила.

— Куда ему пойти? Он же почти никого в Эллингже не знает!

А ещё через час они вместе сидели на кровати, зажимая каждая в кулачке по платочку, обе — с сухими красными глазами и плотно поджатыми губами.

Стоило сорваться одной — сорвутся обе. И тогда станет понятно, что всё кончено, надежды нет. Что действительно не миновать этих пугающих пустотой и бесцельностью звонков в морг.

Потом начнут тянуться дни, и ты уже не будешь знать, на что надеешься, идя на очередное опознание: что узнаешь того, кто перед тобой? Или — нет?

— Позвони ему ещё раз, — потребовала Ирис.

— Я же недавно звонила?

— Звони!

Катрин послушно нажала кнопку вызова.

Девушки вместе выслушали серию гудков, уходящих в никуда.

И снова застыли.

— Что теперь? — спросила Катрин деревянным голосом.

— Звони в полицию.

— Может, ещё подождём?

— Чего ждать?

Содрогаясь от мысли, что приходится это делать, а значит, ситуация принимает наихудший вариант развития из возможных, Катрин поплелась за справочником.

И в этот самый момент телефон ожил.

Сёстры разом кинулись к кровати, на которой голубым сиянием подсвечивалось имя

Альберта.

— Что?! — от нетерпения шёпот Ирис звучал почти зло. — Что там?

— Сообщение, — от облегчения у Катрин даже слёзы на глаза навернулись, хотя до этого она не проронила ни слезинки.

— От кого?

— От Альберта.

Стоило нажать заветную кнопку, высветились скупые слова и время отправления: «Всё нормально. Еду домой».

— Слава Богу!

Ватные ноги плохо держали и Катрин села на кровать.

Ирис же стояла, сверкая глазами, как Немезида, уперев руки в боки:

— Всё нормально у него? Да я его убью! Придушу собственными руками!

Катрин ничего не имела против. Возможно, даже окажет посильную помощь.

После нескольких часов морального прессинга у Катрин даже сердиться не получилась.

И облегчение по-настоящему почувствовать не удавалось. Дурные предчувствия никуда не делись. От того, что страхи не были теперь конкретными, лучше нисколько не стало.

— Спасибо, Ирис, что была рядом. И прости, пожалуйста, что разбудила.

— Не парься, — хмыкнула та в ответ, пожимая плечами. — Будут какие проблемы — заходи, не глядя на часы. Обещаю в случае, если возникнут такие же, тоже два раза не думать. Посидеть, поволноваться вместе полночи очень весело.

— Мне жаль, что тебя побеспокоила.

Ирис закатила глаза:

— А мне нет. Беспокой, если по делу. Но раз выяснилось, что твой красавчик просто гуляет, я пошла спать. Дальше переживай одна. А ещё лучше — бери пример с меня. Утро вечера мудренее, известная мудрость.

— Спокойной ночи, — пожелала Катрин.

Хотя от ночи там осталось-то почти нет ничего. Стрелки часов показывали скорее на раннее утро — почти половина четвёртого.

Не потолке высветился тёмный квадрат окна на вспыхнувшем молнией серебристом свете. Гул мотора так же свидетельствовал о том, что подъехала машина.

Распахнув шторы, Катрин выглянула на улицу.

Интуиция не обманула. Приехал Альберт.

Придерживая рукой ночную гардину, Катрин с замиранием сердца глядела вниз.

Вполне будничным движением нажав на кнопку блокировки дверей и включения сигнализации, Альберт небрежным жестом опустил ключи в карман.

Светлые волосы под ярким светом фонаря нимбом светились вокруг лица.

Он казался ненастоящим, как ненастоящими выглядят порой знаменитые актеры. Пока горят софиты всё слишком гламурно и приглажено. Не бывает в реальной жизни такого. Не бывает.

Словно почувствовав на себя взгляд (а может быть и действительно ощутив его), молодой человек повернувшись, поднял голову.

Катрин была уверена, что он смотрит на неё.

Отчего-то она воровато отступила, будто застигнутая за чем-то нехорошим. Штора упала, закрывая её от мрака, заглядывающего со стороны улицы.

Сердце учащённо билось.

Катрин прошлась по комнате. Поглядела на себя в зеркало. С бледного, как простыня, лица, потерянно глядели серые глаза.

Она ждала стука в дверь, не зная, чему сильнее огорчится — если Альберт постучит в дверь или если всё-таки нет.

Он постучал.

Рывком распахнув дверь, Катрин оказалась один на один со своими страхами и надеждами.

Альберта тоже румяным не назвал бы никто. Лицо его было сосредоточенным, можно даже сказать, замкнутым. Взгляд — серьёзным.

— Я видел, что ты не спишь. Пустишь меня?

Катрин посторонилась и Альберт прошёл в комнату, распространяя вокруг себя холодную свежесть зимней ночи, запах дорогого табака и едва уловимый шлейф парфюма.

Он обернулся, но прежде, чем успел хоть что-то сказать, Катрин набросилась на него с волнующим её вопросом:

— Где ты был?

Голос её был переполнен не гневом. В нём звучали боль и обида.

Катрин не рассчитывала на правдивый ответ. Просто вопрос не давал ей покоя последние несколько часов, фраза вертелась на языке, и вырвалась почти против воли.

Альберт на мгновение опустил ресницы, а потом поднял взгляд.

И спокойно глядя ей в глаза, уронил:

— В Кристалл-холле.

— В Хрустальном доме? — удивилась Катрин. — Но зачем?.. Зачем ты туда поехал? И что там делал? Почему не отвечал на мои звонки? Я волновалась за тебя... я...

Он отвернулся и Катрин стихла.

Стало слышно, как равномерно тикают часы на полке и задувает ветер.

— Я оставил телефон в машине, когда вошёл в дом.

Голос Альберта звучал словно опавшая листва, потревоженная ветром — тихо и безжизненно.

Катрин села на диван, обхватив себя руками.

Бессонная ночь и долгий плач давали о себе знать. Её слегка знобило. И в глазах стояла резь, будто песок попал.

Он подошёл и, присев на корточки, сжал заледеневшие пальчики девушки теплыми ладонями, пытаясь их согреть.

Взгляд молодого человека оставался таким же прямым, твердым и немного грустным:

— Мне жаль, что заставил тебя волноваться.

— Я боялась, с тобой что-нибудь случится.

Кривая улыбка была полна горечи:

— Если бы ты знала, как сложно причинить мне вред, Катрин. И как легко причиняю его я, даже тогда, когда хочу этого меньше всего на свете. Ты плакала?

Спросил он, проводя пальцем по её щеке, словно прикосновением проверял правильность своих подозрений.

В то же время это было похоже на ласку, мимолётную нежность, бальзамом проливающуюся на глубокую сердечную рану, саднящую всю ночь.

Катрин смотрела в светлые глаза Альберта, читая в них участие, желание защитить её и грелась этим взглядом, как огоньком. Лечилась им как лекарством.

— Прости меня. Ладно?

Катрин кивнула словно замороженная.

— Конечно. Но всё же ты мог пострадать. Тот участок пути плохо чистят, а на твоём автомобиле даже колёс не меняли — они лысые.

Альберт потрянул головой.

Его улыбка явно говорила о том, что он не совсем понимает, о чём идёт речь. И в данный момент его мысли вообще далеки от летних и зимних шин.

— Бывают в жизни моменты, когда пострадать не так уж и страшно. Не переживай за меня. Со мной всё хорошо.

Катрин стало казаться, что его улыбка сделалась недоброй, полной желчного яда.

— Даже слишком.

— Как это понимать?

— Лучше не спрашивай. Тогда мне не придётся отвечать.

Он поднялся, выпустив пальцы Катрин из ладоней и ей сразу же сделалось холодно, одиноко и неудобно.

Пройдя к столу, Альберт скинул с себя пальто и аккуратно повесил его на спинку стула.

— Если бы ты не хотел отвечать на мои вопросы, ты не пришёл бы сейчас ко мне?

— Логично. У тебя вообще всё отлично с логикой. Настолько, что иногда даже грустно.

— Что тебя мучает? — тихо спросила Катрин.

Стоя посредине комнаты, погружённой в полумрак, он выглядел одиноким. Даже хуже — словно обречённым.

Но обречённым — на что?

— Я не уверен, что хочу об этом говорить, Катрин, — потрянул он головой. — После сегодняшней ночи я ни в чём уже не уверен.

— Случилось что-то?

Альберт посмотрел на неё и Катрин подумала: «Он словно каменный. Только одни глаза живут. И красивый до дрожи. Но почему от этой красоты так болит сердце?».

— Скажи, по крайней мере, что это не что-то плохое? — настаивала Катрин на ответе.

— Плохое? Хм-м! Не знаю, каким таким замыслом руководствовался тот, кто сотворил этот мир, но зачастую то, что составляет жизнь одному неминуемо для другого означает смерть. Так же и чьё-то счастье может прорости только на чужом горе.

— Что ты хочешь скрыть за множеством слов, Альберт? Не проще ли сразу сказать, а не ходить вокруг да около?

Он рассмеялся. Тихо. И совершенно безрадостно.

— Да видишь ли, в чём проблема: сразу скажешь, потом ведь слова не воротишь? Да и уверена ли ты, что хочешь знать? Правда не принесёт тебе радости. Голая правда — самая бессовестная порнография в мире.

— Я хочу знать, понравится мне это или нет! — повысила голос Катрин.

Альберт пересёк комнату и на этот раз сел с нею рядом.

— Я не ждал этого и не думал, что этим кончится, когда уезжал, но в Кристалл-холле я встретил свою сестру.

Катрин подняла на него глаза.

Альберту, видимо, показалось, что она не поняла о чём он.

Он добавил:

— Моя сестра, Синтия — она жива.

И снова тихий мерный ход часов да ветер скрашивали тишину.

— Ты мне не веришь?

— Верю. Я знаю, что твоя сестра жива. И знала, что рано или поздно, ты тоже с этим столкнёшься.

— Знала?..

— Конечно. Госпожа Элленджайт, хозяйка местных гор и долин, почтила меня беседой перед тем, как попытаться убить. И она не скрывала от меня ни своего имени, ни своих намерений.

— Но как же так?.. Почему ты ничего не сказала мне об этом?

Катрин вздохнула:

— Не знаю. Я и сама себе ни разу не смогла дать ответа на этот вопрос.

Она сцепила руки в замок — те немного дрожали.

— Наверное, я просто боялась.

— Боялась?

Она кивнула.

— Чего?

— Может быть того, что она может со мной сделать? Или того, что могу потерять тебя?

Катрин упрямо смотрела под ноги, на ковёр. Страшно было поднимать глаза на Альберта. Отчасти потому, что чувствовала себя лгуньей.

Но была и другая причина.

Страшно было поглядеть ему в лицо и убедиться, что все её подозрения обоснованы. Что то, чего она в глубине души боялась, уже свершилось.

Невесёлый, сухой смешок заставил её вздрогнуть.

— Вы, женщины, кажетесь такими разными и в то же время порой ведёте себя так одинаково.

Судя по тону Альберт, кажется, собирается её в чём-то обвинить?

Гнев и обида придали ей силы. Катрин всё-таки подняла глаза и с вызовом посмотрела в глаза Альберту.

— Мне не в чем оправдываться. Я не делала ничего плохого. И в мою обязанность не входило...

— Что? Что не входило в твои обязанности? Докладывать мне о том, что моя сестра жива? Нет, конечно. Но согласись, ты могла бы это сделать. У тебя вроде как не было причин это скрывать? Но вы обе предпочли лгать. Противно.

Не сдержавшись, Катрин сорвалась:

— А мне не противно?! Не противно разговаривать с тобой, зная о ваших с ней отношениях?! И ты ещё смеешь в чём-то меня упрекать?!

— Ты это сейчас о чём? — вызывающим нервную дрожь, ровным и тихим голосом, спросил он.

— О том, о самом! — огрызнулась Катрин.

— А если точнее?

— Я знаю, что ты спал со своей родной сестрой! И я надеялась дать тебе шанс исправиться, на этот раз, в твоей новой жизни попытаться всё изменить...

— Кто ты такая, чтобы раздавать мне шансы?

Голос Альберт не повысил, но было такое чувство, что он на неё наорал.

— И кто тебе сказал, что я в них нуждаюсь?

— Ты даже отрицать ничего не будешь? — растерялась Катрин.

— Нет. Я не в восторге от того, что ты знаешь правду, но так даже лучше.

Теперь было такое чувство, словно её ударили. Наградили оплеухой.

Катрин сжала пальцы с такой силой, что они хрустнули:

— Ты передумал на мне жениться? Конечно же не передумал! Я ведь денежный мешок, от которого не уходят? Как долго ты собирался мне лгать? Как быстро твоя психанутая сестрёнка уговорила бы тебя меня убить?

У Альберта заходили желваки на лице, но он молчал.

— А так ведь всё прекрасно, да? Даже обманывать не нужно? Я кто, по-твоему? Кукла с глазами? Не человек — функция! Удобная до поры, до времени серая мышь, с чувствами которой можно не считаться?

— Катрин...

— Я не права? Я читала твой чертов дневник и приблизительно могу понять твой ход мыслей. И твой, и её. Вы богатые, красивые, бессмертные. Что для вас другие люди? Мусор. Расходный материал. Тебе плевать на меня. И это бы полбеды. Но зачем ты делал вид, что я что-то значу? — голос её предательски задрожал. — Зачем говорил со мной о чувствах? О будущем?..

— Катрин, я не ангел, не стану отрицать очевидное. Но я не лгун. Я говорил о будущем, потому что хотел, чтобы это будущее у нас с тобой было.

— А если бы ты сразу знал, что твоя сестра жива?

Он опустил голову, втянув через зубы воздух.

— Ты мне не ответишь?

Альберт посмотрел на неё исподлобья взглядом, каким смотрят загнанные охотниками волки:

— Ты правильно сделала, что не говорила о ней.

— Почему?

— Почему — «правильно»? Или — «почему признаю»?

— И то, и другое.

— Потому что я успел узнать тебя и привязаться к тебе. Синтии будет не так просто мной манипулировать.

— Ты даже не станешь отрицать того факта, что сидишь под каблуком у этой ведьмы?! Да неужели ты такая тряпка?..

— Ну хватит. Довольно, милая моя. На сегодня с оскорблениями явный перебор.

«Да я ещё и не начинала», — хотелось крикнуть в лучшей манере Ирис.

— Мне сложно было бы противостоять Синтии в этом новом для меня мире.

— Как будто в старом это у тебя получалось лучше?

Под ледяным взглядом Альберта гнев Катрин скукожился, воинственность куда-то испарилась.

— Я понимаю, что, с учётом обстоятельств, ты не можешь относиться к Синтии лояльно. Но ты далеко не всё знаешь. Поэтому не стоит судить её.

— Что ты такое говоришь? Не судить её? Да она хотела меня убить! И, возможно, даже скорее всего, своей идеи не оставила. А я её любить, что ли, должна? Знаешь, что?! Есть предел любой лояльности. Мой близок.

Я прекрасно понимаю, что тебя ко мне привязывает. Давай поженимся, если уж без этого никак. А потом забирайте ваши долбанные миллионы, хрустальные замки, родовые

тайны и убирайтесь к чёртовой матери со всем своим добром! Видеть тебя больше не хочу!

Катрин было тяжело под придавливающим взглядом потемневших глаз Альберта. Это несправедливо, что у человека с такой чёрной душой, с такими дурными склонностями такая красивая внешность. От одного взгляда душа щемит, а сердце захлёбывается кровью.

— Чего ты ждёшь? Я всё сказала. Если есть что добавить, говори. Нет? Разговор закончен.

Альберт опустил руки, которые до сих пор держал скрещенными на груди и, не произнося ни слова, тихо вышел, беззвучно прикрыв за собой дверь.

Катрин осталась стоять посредине комнаты, бессильно глядя ему во след.

Она не знала, чего ожидала в ответ на свою тираду. Но явно не этого.

Как не крепилась, а слёзы всё-таки хлынули.

Вот ведь гад! Ну хоть что-нибудь бы сказал в ответ?

И кто говори, что любовь — это счастье? Да никогда в жизни ей не было так тошно, как сейчас!

ГЛАВА 3. Ирис. Поцелуй или бездна

Бросив сто десятый взгляд на себя в зеркало, Ирис почти осталась довольна увиденным.

Бессонная ночь не могла не сказаться на цвете лица, и она, конечно же, сказала. Кожа выглядела бледнее обычного, глаза, по контрасту, темнее. Но ничего. Так даже интереснее.

Поправив небрежно отбившийся от своих собратьев локон, Ирис, наконец-то, позволила себе отойти от зеркала и спуститься в обеденный зал Гранд Отеля.

Обычно она приходила самой последней, но сегодня Катрин тоже не спешила.

— Доброе утро, — кивнула ей Ирис. — Ты вообще сегодня спать ложились? Выглядишь просто ужасно.

И это было правдой, пусть и недоброй. Если бледность самой Ирис была фарфоровой, то в случае с Катрин приобрела прямо-таки пергаментный оттенок. Глаза у Катрин были красные, воспалённые, как у белой мыши. Под ними тени столь глубокие, что впору о синяках вспомнить. Бледные губы вытянулись в ниточку. Волосы прямой соломой свисали вдоль запавших щёк.

— Спасибо за ценное замечание, — буркнула Катрин, первой юркнув в распахнувшиеся двери лифта. — Ты любезна, как всегда.

Ирис так и распирало от любопытства узнать, чем же закончился разговор Катрин с Альбертом. Состоялся ли он вообще? Но спрашивать она ни о чём не стала. Отчасти из тактичности, отчасти из гордости.

Альберт дожидался их за столом, непринуждённо раскинувшись на стуле.

Вот на ком бессонная ночь никак не сказалась! Такое впечатление, будто он весь светился. Черты лица едва заметно заострились, словно сделавшись чётче. Глаза сияли. На щеках выступил лихорадочный яркий румянец.

— Доброго утра, — с улыбкой кивнул он подошедшим девушкам. — Присаживайтесь.

— Я не буду завтракать, — покачала головой Катрин. — Уже опаздываю.

Не успела она сделать и шагу в направлении выхода, как пальцы Альберта крепко сжались на её тонком запястье.

Голос его был тих, но звучал очень твёрдо:

— Сядь, Кэтти. Нельзя утром выходить на улицу, не выпив чашку ароматного чая. Или,

даже лучше того — кофе.

— Я же сказала, что опаздываю!

— Значит опоздаешь, — невозмутимо возразил он. — Садись и ты, Ирис. Или тебе тоже требуется особое приглашение?

Ирис фыркнула.

— Раньше ты хотя бы не хамил, — вздохнула она, присаживаясь на соседний стул.

— Я уже сделал заказ, — сообщил Альберт кузинам. — Кофе сейчас принесут.

Катрин в упрямом молчании созерцала скатерть на столе.

Поняв, что кузина поддерживать разговор не собирается, Ирис взяла эту почётную миссию на себя:

— Тебе просто нравится над нами издеваться, демонстрируя силу и характер? — поинтересовалась она у Альберта. — Или у совместного завтрака есть особый смысл?

— Издеваться? — съязвил он. — Ну прости, дорогая, что пытаюсь проявить внимание и заботу. И да, в это есть особенный смысл — не хочу, чтобы вы уходили на целый день голодными.

Официанты принесли кофе и горячие, прямо только что из духовки, булочки, распространяющие ароматный запах ванили и сдобы.

Ирис, не устояв перед искушением и плюнув на несостоявшуюся диету, протянула руку к предмету вожделения.

Булочки, не обманув ожиданий, оказались волшебными на вкус. Корочка так и таяла во рту, а малиновая начинка и вовсе была выше всяких похвал.

Катрин к еде не притронулась. Так и сидела, прямая как палка, будто аршин проглотила. Упрямая.

Небрежным и элегантным жестом приподняв фарфоровую крохотную чашку, Альберт сделал глоток и с лёгким стуком вернул на место.

Ирис поневоле залюбовалась им.

Было в белокуроем юноше, у которого, казалось, имелись все задатки для того, чтобы попасть в разряд слащавых, что-то такое, что заставляло обращать на него внимание снова и снова. Манера двигаться с легкой грацией хищника. Речь, не загрознённая ни простонародной руганью, ни словами паразитами. Глубокий ум. Крайняя начитанность. Чего не коснись в разговоре, Альберт, насколько позволяла судить Ирис её собственная эрудиция, не плохо разбирался в вопросе. Экономика или поэзия, танцы или бокс, математиками или риторика — всё давалось блондину будто бы без малейшего труда.

Это старинные слова — аристократизм и интеллигентность. Оба качества были ему присущи. — то, что нельзя подделать, чем нельзя притвориться.

Альберта невозможно было представить играющим за компьютером в таночки. Или на долгие-долгие часы зависшим с попкорном перед телевизором.

Но несмотря на всё положительное, что лежали на поверхности, было в нём и что-то неприятное, глубоко чуждое, то, чему сама Ирис не могла подобрать определение.

То, что в фильмах ужасов охарактеризовалось коротким словом: «Чужой».

На Альберта было приятно глядеть. За ним было интересно наблюдать, как за сериалом с изюминкой. Но Ирис никогда и в голову не приходило завидовать Катрин, которой досталось такое сокровище. Нет уж! И даром не надо.

— Мы сегодня съезжаем отсюда, — внезапно оповестило их «сокровище», не моргнув при этом глазом.

— Как это — съезжаем?

— Это значит, — невозмутимо разъяснил Альберт, — соберём вещи и выедем из отеля.

— Куда?

— Кэтти не рассказывала? Я подглядел прекрасный дом. И даже успел нанять штат прислуги. Уверен, тебе там понравится, Ирис. Твоя комната будет ничем не хуже теперешней. На мой вкус, так даже и лучше.

— Но зачем нам куда-то переезжать? Ведь и тут неплохо?

— Затем, что тут отель. Всего лишь гостиница. А людям нужен свой дом.

— Но я думала, когда придёт время, мы переедем в Кристалл-Холл?

Катрин как-то странно дёрнулась при упоминании Хрустального дома. Заметив это, Ирис смолкла.

— Поступим так, как решишь, — равнодушно пожала плечами Катрин. — Я лучше пойду, и так уже опоздала. Хорошего дня, — попрощалась она.

Ирис перевела вопросительный взгляд с удаляющейся спины кузины на сидящего перед ней её жениха.

— Что между вами происходит? — любопытствовала она.

— А это, моя дорогая, — с отменно-вежливой улыбкой сообщил Альберт, отбрасывая от себя салфетку, — тебя совершенно не касается.

Взятый им тон, мягко говоря, раздражал. Да что там? Бесил невероятно.

— Катрин просто чудесно выглядит для невесты, — с ехидством прокомментирована Ирис.

— У всех бывают нелёгкие дни. У одних чаще, у других — реже.

Ирис не выдержав, дала волю гневу:

— Ну, ты и наглец! Мы из-за тебя всю ночь не спали! Сидишь тут, как король на именинах. Ведёшь себя как ни в чем не бывало!

— А что, по-твоему, я должен делать?

— Мог хотя бы извиниться?

— Спать вам, красавицы, я совершенно точно не мешал, — пожал плечами Альберт с чисто ангельской невозмутимостью. — Спали бы себе на здоровье. Нечего было маяться ерундой.

— Что б тебе пропасть!

Альберт рассмеялся:

— И тебе хорошего дня, дорогая.

Ирис, с треском задвинув стул, отправилась вслед за Катрин — к входным дверям.

Погода была отвратная. Нанесённые за ночь сугробы принялись таять, в результате чего на дороге держалась наледь, а надо льдом стояла вода. Ноги скользили так, что удерживаться на них, да ещё на острых шпильках, было весьма непросто.

Капли воды стекали по запотевшим стёклам, по стволам деревьев, дрожали на металлических машинных корпусах. На асфальте стояли даже не лужи, а непроходимые топи — смешались в одну мерзкую кашу вода, соль, снег и грязь.

Ругаясь про себя на чём свет стоит, Ирис пересекла площадку и, щёлкнув ключом, нырнула в относительно комфортное, чистое нутро автомобиля. Но даже внутри стеклянно-металлической капсулы на колёсах ощущение серой мокрой безнадёжности никак не оставляло её.

Водители то и дело друг друга подрезали, перестраиваясь из ряда в ряд, из-за чего

приходилось напрягаться и судорожно бить по тормозам. Машина из-за этого шла юзом на скользкой дороге. Подъехав к школе Ирис обнаружила, что от напряжения болят и руки, и ноги, и спина.

Она безнадёжно опоздала. Первый урок уже перевалил за половину.

В огромном холле входа царил полумрак и пустота, как в фильмах ужасов. Каждый шаг громким staccato рассыпался по стенам.

Ирис скинула в раздевалке подбитый мехом жилет и присела переобуться на специально расставленные для этой цели вдоль стен, обитые дерматином, пуфы.

Освещение в раздевалке вспыхивало ярче на тех участках, где датчики улавливали человеческое тепло, но в целом здесь царил интимный полумрак, создающий иллюзию расслабляющей уединённости.

Ирис успела поставить сапоги в отсек своего шкафчика, как звякнула колокольчиком входная дверь в раздевалку.

— Не уверен, что идти в школу в таком правильно состоянии.

— Если бы мы не свалили, наше состояние было бы ещё хуже.

Услышав второй голос, Ирис поспешно юркнула на место, съёжившись на пуфике, прячась за чужой одеждой. Этот голос она узнала бы из тысячи, потому что он принадлежал Энджелу.

В зеркалах, опоясывающих раздевалку по всему периметру, можно было видеть отражения обоих юношей. Парни тоже могли бы увидеть Ирис, если бы не были так заняты друг другом.

Спутника Энджела Ирис тоже узнала. Она видела его однажды в «Астории» — Ливиан... забыла Как-Его-Там-Дальше. То ли Стаффорд, то ли Страфорд?

— Глупо заваливаться в таком виде на урок. Они решат, что ты под кайфом...

— Пусть решают, что хотят, — отмахнулся Энджел.

Как только Ливиан отнял руку Энджела довольно круто занесло. Он был вынужден опереться о стену.

— Ну как хочешь. Я тебе не нянька. Уговаривать не намерен, — процедил Ливиан, отступая.

— Ты и так явил чудеса милосердия, дотацив меня сюда, — насмешливо протянул Энджел.

Голос его звучал приглушённо и с придыханием. Так же разговаривал Альберт, когда Ирис помогала ему вытаскивать пули из ран.

При воспоминании об этом девушка поморщилась. На душе сделалось тяжело и неприятно.

Когда Энджел поднял голову Ирис поразило, насколько бледным было его лицо. Куда там ей или Катрин? Рот казался запёкшимся. Глаза напоминали два провала, две тёмные ямы.

Неожиданно Энджел, двигаясь изящно и интимно, как любовник, придвинулся к Ливиану так близко, вплотную, что Ирис замерла.

Сердце её билось часто и взволнованно, как от испуга.

От искр, что рождались между этими двумя, становилось тяжело дышать. Было только не понятно, злость тому причиной или — страсть? Ирис от души надеялась, что первое.

Энджел провокационно ухмыльнулся и, чуть повернув голову, коснулся губами чуткого уха.

Он прошептал, положив руки на грудь противника:

— Ты такой же зверь, как и наш отец. Чужая боль тебя заводит, правда? — Энджел поднял на Ливиана вопрошающий, провоцирующий и словно бы искушающий взгляд. — Или тебя заводит именно моя боль? — призывно облизнул он губы перед тем, как приблизить их к губам застывшего, словно соляной столб, собеседника. — Ты ведь хочешь меня, Ливиан, признай? Хотя бы — так? Ну, раз уж всё остальное ты в себе принять боишься.

— Ты придурок, Энджел. Придурок с полomanной психикой. Тебе повсюду мерещатся собственная неотразимость и чужая похоть.

— Не стану отрицать то, что всем известно, — кивнул Энджел. — Я такой, какой есть. Что поделать?

— Для начала можно перестать гордиться тем, чего бы следовало стыдиться, — ухмыльнулся Ливиан.

— Я — бесстыдно, ты — стыдясь, но какая разница, раз мы оба барахтаемся в одной и той же луже?

— Мечтай. Я, в отличие от тебя, хотя бы не шлюха, — хлестко бросил Ливиан.

— Лучше быть шлюхой, чем садистом, — парировал Энджел.

Ирис уже сто раз пожалела, что не заявила о своём присутствии сразу же. У неё было такое ощущение, словно кто-то занимается любовью, а она подглядывает за ними в замочную скважину.

Горькое чувство, на самом деле.

— Мы оба знаем истинную причину моей распущенности и твоей воздержанности, любимый братец...

Голос Энджела звучал шелковой удавкой, гладкой и приятной на ощупь, но таящей смертельную угрозу.

— Ты находишь эту тему поводом для шуток?

— Поводом для шуток? Да разве я шучу? Я ж серьёзен.

— Заканчивай кривляться. Это отвратительно. Чего ты добиваешься?

— Хочу, чтобы ты отбросил свою фальшивую сдержанность и показал своё настоящее лицо.

— И на кой чёрт тебе это надо?

— Хороший вопрос. Считаю это личным бзиком и капризом.

— Плевать мне на твои капризы. Ты мне надоел, братец. Ступай-ка лучше на урок. Тебе давно пора.

— Не пора. И как не крутись, я всё равно тебя заставлю говорить со мной на ту неприятную тему, которую ты так избегаешь.

— Хочешь поговорить об Артуре? — так зло рыкнул Ливиан, что даже невидимка-Ирис вздрогнула на своём пуфике.

— Отлично. Давай поговорим. Возможно я даже сочту, что ты не такая глупая, бесчувственная и бессовестная скотина, какой хочешь казаться.

Энджел снова рассмеялся. На этот раз в его смехе явственно звучали истеричные нотки:

— Проблема-то в том, что мне нравится быть бесчувственной и бессовестной скотиной. Ну да не об это речь! Вернёмся к нашим баранам? Вернее, к одному бедному барашку. Тебя бесит или удивляет, что я не интересуюсь твоим драгоценным младшим братцем, в этом всё дело, да?

— Нашим братцем, Энджел. Нашим милым младшим братцем, если уж на то пошло. И

да — меня это бесит! Ещё как. Меня в этом конкретном случае бесит абсолютно всё, начиная с того, что ты запудрил ему мозги, заставив влюбиться в себя и заканчивая тем, что, окончательно свихнувшись, он решил из-за тебя свести счёты с жизнью.

— Я вообще-то предупреждал, что ни черта у него с этим не выгорит. Зня он меня не послушал.

— Уж ты-то мог заставить его услышать себя. Если бы захотел. Но ты даже не пытался! Не удивлюсь, если идея сигануть с небоскреба тебе и принадлежала.

— Ну... — снова засмеялся Энджел, — он всё время ныл и ныл, что ничего не действует: ни яды, ни пистолеты, ни кинжалы. Я действительно подкинул идейку, мол, прыжок без парашюта с трехсотфудовой высоты может оказаться решением всех проблем...

— Ах ты... — Ливиана схватил Энджела за ворот пальто и сжал его с такой яростью, словно хотели удушить стоявшего перед ним кривляющегося паяца. — Решением проблемы? Подлая мразь! Что ж ты не прыгнул сам?!

— Убери от меня руки. Сам же знаешь, жест эффектный, да толку — чуть.

— Если ты такой смелый да наглый, что же за все эти месяцы ни разу не зашёл навестить бывшего любовника, а? Уверен, Артур был бы рад тебя повидать! Ему как раз не хватает общества. Ведь кроме меня желающих с инвалидом общаться нет.

— Ну и в чём проблема? Он весь твой. Забирай.

— Ты — мразь!

— Есть новость поновее?

— Всё играешь?! Это для тебя игры?! Чтобы ты там о себе не мнил, ты просто малодушный трусливый подонок. Чтобы ты тут не говорил, дело-то в том, что у тебя просто силенок маловато прийти и посмотреть Артуру в глаза. И ты прав. Зрелище, доложу тебе, паскудное. То, что мне удалось отскрести от асфальта, не умирает, но и не живёт. Знаешь, на кого сейчас похожа твоя любимая игрушка? Полудохлая кукла, не способная без моей помощи перевернуться с бока на бок. Он стал обыкновенным жалким паралитиком, совсем как простые смертные, которых ты так презираешь. Его кости не желают срастаться, внутренние органы — функционировать, но он всё равно никак не сдохнет. Его тело пытается, раз за разом, восстановиться, но ничего не выходит. Ничего, кроме непрекращающейся ни днём, ни ночью боли. Обезболивающие и наркотики не действуют. Так что твой нежный и отзывчивый на идиотские затеи любовник заперт в своём теле, как в личном аду. И я с ним, заодно, тоже, вынужден наблюдать нескончаемую агонию, раз за разом, осознавая, что помочь ничем не могу. И чем дольше я это наблюдаю, тем больше тебя ненавижу. Это несправедливо. Почему с тебя всё как с гуся вода? Развлекался ты — а платим мы. И в такие моменты я испытываю по отношению к тебе очень горячее желание — взять, сжать пальцами твоё горло и душить. Душить до тех пор, пока не вытрясу твою грязную душу из твоего прекрасного, соблазнительного тела. Я хочу увидеть, как ты свалишься рядом с Артуром такой же поломанной, как и он, куклой. Я хочу, чтобы на его месте оказался ты.

Лицо Энджела напоминало белую алебастровую маску.

На последнюю реплику Ливиана он криво ухмыльнулся одним уголком рта:

— А ты бы ухаживал за мной так же, как сейчас ухаживаешь за Артуром, милый?

— Я предоставил бы такую честь нашей стерве-сестричке. Уверен, она бы о тебе позаботилась. Без особой радости, но позаботилась бы.

— Это всё? — холодно спросил Энджел.

— В общих чертах.

Ливиан вышел.

В голове и в душе Ирис воцарились полная неразбериха и сумятица. Она не всё поняла, но то, что поняла, её шокировало.

Ей бы время, чтобы успеть со всем этим разобраться, разложить по полочкам, но...

— Привет, Фиалка. Как понимаю, ты тут с самого начала с комфортом расположилась? Ну и как кино? Интересное?

Подняв глаза, Ирис встретила с ним взглядом, пытаюсь понять, сердится? Или Энджелу всё равно?

— Я бы так не сказала, — ответила она, сама удивляясь тому, насколько спокойно и ровно звучит её голос.

— Тебя мама не учила, что подслушивать не хорошо? — усмехнулся Энджел.

— Мама надеялась, что я до этой истины сама как-нибудь дойду. Но постулат весьма спорный. Подслушивая, на самом деле, можно узнать много полезного.

— И что полезного ты узнала сейчас?

Взгляд у Энджела был тяжелый. Он и раньше-то придавливал, как гробовая плита. А сейчас и того хуже. Наверное, следовало испугаться? Пьяный психопат, полумрак, полное уединение. Но Ирис не боялась. Хотела чувствовать страх, но не чувствовала.

Опустошённость. Разочарование. Горечь. Но не страх.

— Что ты совсем не такой, каким я тебя представляла, — честно ответила она на поставленный вопрос.

— Мне извиниться? — саркастично приподнялись брови Энджел.

— А смысл? — передёрнула плечами Ирис. — Если тут кому-то и следует извиниться, так это мне. Если хочешь, так и сделаю. Мне следовало сразу дать знать о моём присутствии. Но, откровенно говоря, я рада что не сделала этого.

— Вот как? Это почему же?

— Потому что вам нужно было выговориться, а мне полезно было всё это услышать.

— Если для тебя всё это так приятно и полезно, так отчего же вид у тебя такой, будто ты сейчас заплачешь?

— Не собираюсь я плакать! — возразила Ирис с куда больше горячностью, чем ей бы хотелось.

— Может быть и не собираешься. Но тебе ведь хочется, правда?

— Тебе это кажется забавным?

— Почему все думают, что я такой уж весельчак? Меня нисколько не забавляют твои слёзы. И ситуация в целом не смешная. У закона Подлости весьма странная специфика. Почему из всех школы именно ты, Фиалка, оказалась свидетелем нашем... хм, миленькой беседы с дорогим братцем?

— А тебе не всё равно? — спросила Ирис.

— Как ни странно — нет.

Ирис отступила на шаг, отшатываясь от протянутой к ней руки. Она изо всех сил пыталась овладеть собой, но эмоции, словно волны, переливались через край, угрожая захлестнуть. Щёки горели, а в глаза попал словно бы даже не песок, а стёкла.

Она почему-то чувствовала себя обманутой и ничего не могла с этим поделать.

— Я, пожалуй, пойду на урок.

Энджел поднял руку, уперев её в стену перед Ирис, загораживая дорогу.

— Пожалуй, не пойдёшь.

— Станешь силой меня в раздевалке держать? — попыталась усмехнуться она, но вышло не очень убедительно.

— Вообще-то такой вариант меня нисколько не смутил бы. Но мне кажется до этого не дойдёт.

— А до чего дойдёт?

— А до чего бы тебе хотелось бы?

Он ещё издевается? Бессовестный наглец.

— Всё, чего бы мне на самом деле хотелось, это прийти на занятия вовремя. Развидеть и расслышать все то, что пришлось увидеть и услышать. Я не любитель копаться в чужом грязном белье, Энджел.

— Странно слышать. Большинству нравится.

— Чему тут нравится? Сплошное разочарование.

— Ты меня в чём-то упрекаешь?

— Да.

— В чём?

— В том, что стоишь у меня на пути и мешаешь пройти.

Энджел улыбнулся:

— Верно. Именно этим я сейчас с удовольствием и занимаюсь.

— В свете подслушанного разговора это совершенно нелепо.

— Не улавливаю логики.

— Если я правильно поняла, ты предпочитаешь мальчиков? В каком месте я похожа на мальчика?

— Ну, тем что ты девочка меня точно не смутить. Я универсален.

— Что?..

— Всеяден. Иногда мне нравятся девочки, иногда мальчики. Одно другому не мешает. В жизни бывает много различных комбинаций.

— Поняла ход твоих мыслей. Постараюсь очень коротко донести до тебя свои. Видишь ли, — на мгновение запнулась она, подбирая слова, — я запала на тебя с первого взгляда, потому что ты красивый парень. Из тех, о ком иногда говорят — сложный. Но я, по наивности душевной, посчитала, что твоя сложность проявится...хм-м! — немного иначе.

Ирис подняла глаза и встретила взглядом с чёрными глазами Энджела полных странного, пугающего, безумного блеска.

— Я весь внимание.

— Я не планирую долго его занимать. Короче говоря, ты для меня слишком сложен, Энджел, а я всегда тяготела к простым арифметическим решениям. Все сложные комбинации по типу «2+1» меня не занимают.

— Ты рассчитывала на свадьбу и белый кадиллак?

— Ну что ты? Какая там свадьба? Какой кадиллак? Какая там любовь-морковь-цветочки? Предел моих мечтаний, чтобы меня зажали где-нибудь в раздевалке и по быстренькому, между делом, дефлорировали! Можно даже в антисанитарных условиях! — вспыхнула Ирис.

Где-то сверху пробилась сквозь толщину бетона трель звонка.

— Вот чёрт! Пошли отсюда, — довольно грубо схватил её Энджел за руку.

Ирис упёрлась, как норовистая лошадка:

— Куда это ещё?!

— Куда подальше, — огрызнулся он. — Сейчас тут половина школы будет.

— И что? Мне они не мешают.

— Зато мне мешают. Не спорь со мной, меня это бесит! Бери одежду и пойдём.

— Да никуда я с тобой не пойду! — искренне возмутилась Ирис.

— В последний раз прошу по-хорошему...

— Нет!

Ирис собралась вопить, звать на помощь, брыкаться. Пусть только попробует приневолить её к чему-либо!

Энджел придвинулся ближе, цепко схватив её за руки. Почувствовав боль, Ирис хотела возмутиться, но, наткнувшись на его твёрдый взгляд, вдруг передумала бунтовать.

В голове словно туман поднялся. Туман из ваты. Мысли в этой вате гасли, словно огни во мраке. Ирис осознала, кто и где она, но словно бы спросонок.

— Бери одежду, обувайся, иди за мной к выходу.

Ирис не хотела идти.

Она чувствовала смутное недовольство, почти страх, но туман был сильнее. И как только она сделала нечто вроде попытки сопротивляться сказанному, он обступал её плотнее и собственных мыслей оставалось всё меньше.

Переобуваясь, снимая с вешалки меховую безрукавку, Ирис не переставала чувствовать на себе взгляд белокурого юноши с чёрными глазами.

— Готова?

Она кивнула.

— Идём к твоей машине.

Она пошла. Не задавая вопросов и не возражая. Ощущала только, что с каждым новым шагом страх становится сильнее.

И сырость, забирающаяся под распахнутую верхнюю одежду, и вода, залившаяся в перекосившуюся молнию на сапоге словно бы и не имели к ней, к Ирис, никакого отношения.

Все так же сквозь туман, будто на автопилоте, она нажала кнопку разблокировки автомобильной дверцы.

— Отдай мне ключи.

Беспрекословно она так и сделала.

— Теперь садись.

Ирис села, покорная и тихая.

— Ну вот, так-то лучше. А теперь отомри, принцесса.

Туман рассеялся довольно быстро, оставив после себя чувство тяжести и головную боль.

— Что это было? — тяжело дыша, словно пробежала кросс на время, спросила Ирис.

— Один из моих маленьких трюков.

Повернув голову, Ирис широко распахнутыми глазами уставилась на Энджела с гневом и ужасом.

— Маленьких трюков? Это — маленький трюк? Этот... этот долбаный «Имperiус» местного разлива?!

Энджел засмеялся. На этот раз, для разнообразия, скорее весело, чем зло.

— Как ты это сделал?! — потребовала ответа Ирис.

— Откровенно говоря, сам не знаю механизма.

— Прекрасно! Просто зашибись!

— Рад, что ты осталась довольна.

— Я не довольна! Я в шоке и ужасе от всего. И от твоего общества в первую очередь!

Ирис протянула раскрытую ладонь:

— Отдай ключи. Убирайся из моей машины вон. Немедленно

— А иначе?

— Никаких «иначе». Вон! И всё. Слышишь?!

— Слышу. Но не уберусь. И ключей не отдам. И вообще, буду делать что захочу, а тебе придётся с этим мириться. Такова жестокая правда жизни, Фиалка. В этом мире грубость и сила всегда берут вверх над красотой и чувствами.

— Ты надо мной издеваешься?

— Посмотри-ка! Догадалась! Да, Фиалка, я над тобой издеваюсь. Нагло. А захочу, могу сделать кое-что и похуже. Изнасиловать. Или заставлю переспать с первым встречным. Или, например, раздеться и станцевать кан-кан на столике в семейной пиццерии. Ты будешь делать всё, что я захочу.

— Это отвратительно.

— Для тебя — несомненно.

— Ты ненормальный!

— Ну, я как бы предупреждал об этом.

— До меня дошло, что ты не обманывал. Я верю, что ты всемогущий и омерзительный тип. Более того, я не сомневаюсь в этом ни секунды. Доволен? А теперь давай закончим на этом наше общение, и ты развлечёшься за чей-нибудь другой счёт?

— А тебе не стыдно сваливать на других неприятности?

— Не стыдно.

— Что так?

— А я вообще-то не такая уж и совестливая. Как раз наоборот, я бессовестная эгоистка, радеющая только за собственное благополучие.

— Ну, тогда ты должна понять меня, как эгоист — эгоиста. Меня не сильно волнуют твои желания, покуда у меня есть собственные. Но из нас двоих право голоса у меня, потому что я сильнее. Так что пристегнись и поехали.

— Не буду я пристёгиваться!

— Не хочешь, не пристёгивайся. В дорожном патруле пока не работаю, меня это особо не колышет. Да и штраф, если что, придёт на твою машину.

Машина, под управлением Энджела, резко сорвалась с места.

— Эй! Полегче!

Он только смеялся, перестраиваясь из одного ряда в другой таким образом, что со всех сторон визжали тормоза и неслись злые гудки.

— Какого черта ты творишь?! — кричала Ирис, хватаясь руками за переднюю панель. — Мы разобьёмся!

— Пристегнись, если боишься.

Его веселили опасность, риск, её страх.

А Ирис было нисколько не весело.

— Сбавь скорость!

— Не люблю плестись, как беременная улитка. Для чего машине лошадиные силы, если не для того, чтобы их использовать?

На спидометре стрелка почти переползла за отметку 75 миль.

Ирис почти взмолилась:

— У моей машины лысая резина. На дороге гололедица. А я не кошка! У меня нет десяти жизней. Энджел, пожалуйста, сбавь скорость, я тебя прошу!

— Какая ты, оказывается, трусиха? — покачал он головой.

— Ты бы тоже трусил, если бы у тебя мозги не были затуманены алкоголем. Если нас остановит полиция, что я буду им говорить?

— Как вариант — помолчать, предоставив право голоса мне?

— Куда мы хоть едем?

— Сейчас увидишь.

Ирис смирилась с тем, что влиять на ситуацию не может и, откинувшись на спинку сиденья, постаралась немного расслабиться.

Сделать это было сложно. Потому что, хоть уходил от возможного столкновения Энджел виртуозно (реакция у него отменная), но пассажир рядом с таким водителем чувствовал себя смертником-камикадзе.

Со скоростью кометы пролетали за окном дома и мосты. Особенно жутко было в Офортском туннеле. С бешеной скоростью мелькали перед глазами бетонные перекрытия, мигающие лампочки, высокие бордюры.

Дорога вывела к ряду небоскрёбов. Ирис понятия не имела о том, что в Эллингже вообще есть такие узкие высокие башни, с дерзким вызовом перстом упирающиеся прямо в небо.

Мотор стих.

— Ну что, принцесса? Как насчёт подняться повыше? Рискнёшь?

— У меня — что? Появился выбор?

— Ты можешь сделать это без моего маленького ментального воздействия, упростив нам обоим задачу.

— Зачем нам туда? Хочешь столкнуть меня вниз? Или сам спрыгнешь с моим присутствием?

Энджел рассмеялся, пожав плечами:

— Не решил ещё. Определюсь, пока будет подниматься. Пошли.

— Надеюсь, в твои садистские планы не входит подниматься на верхние этажи пешком?

— Такие подвиги даже мне не по плечу. Слишком лениво пятками ступеньки считать.

Ирис вздрогнула, ощутив прикосновение пальцев Энджела к своему локтю. Несколько секунд она смотрела на белое, прекрасное, как у ангела, лицо. И сердце падало вниз, как автомобиль, сорвавшийся с откоса.

Вниз — вниз — вниз

Безнадёжно вниз!

— Энджел, мне правда страшно.

Ирис обхватила себя руками.

— И холодно.

— Чего ты боишься? Смерти? Действительно веришь, что смогу столкнуть тебя вниз?

— Не знаю, чего от тебя ждать. Это-то и пугает.

— Боишься? Тогда убеди меня не подниматься вверх.

— Как? — недоумённо поглядела на Энджела Ирис.

— Придумай что-нибудь.

Взгляд его выразительно скользнул по её полным губам.

— Думаешь, я кинусь тебя целовать?! После всего, что слышала сегодня?!

— Выбирай — поцелуй или бездна?

— Ты шантажируешь меня?

— Я — игрок. Мне нравится играть всем, что имею и иногда даже и тем, чего у меня нет. Ну так что? Целоваться будем? Или к чёрту на рога полезем?

— К чёрту на рога полезем.

— Вот правильный ответ истинно добродетельной девы! Ну что ж? Пошли. У черта на рогах бывает очень эротично.

Консьерж поднял голову, покосившись на распахнувшуюся настежь входную дверь, но тут же уткнулся обратно в журнал с кроссвордами, будто ничего, кроме сквозняка, не увидел.

Никто из людей, находящихся в этот момент в вестибюле коридора не глядел в их сторону.

С учётом завораживающей внешности обоих факт необъяснимой ничем, кроме очередного ментального трюка.

Ирис потянулась было к кому-то из людей, справедливо полагая, что её прикосновение развеет морок, но Энджел перехватил её руку, подтвердив правильность её догадки — его воздействие можно разрушить или нейтрализовать.

— Ай-яй-яй! Даже и не думай.

С этими словами он толкнул её в зеркальное нутро не вовремя подоспевшего лифта.

— Энджел, не надо! — рванулась Ирис, попав в капкан его безжалостных рук и безнадёжно насмешливых глаз.

— Да ладно тебе, Фиалка?

— Не надо, Кинг! Ты уже достаточно меня проучил! Я же сразу сказала, что готова принести извинения? К чему всё это?

— Да что ты заладила одно и то же? Не пытаюсь я тебя проучить! Никогда не испытывал тяги к преподавательской деятельности.

Двери лифта беззвучно разъехались, открывая длинный коридор гостиничного типа, с множеством квартир и ковровой дорожкой на полу.

Ирис нервно уцепилась за ручку в стене лифта.

— Я не пойду!

Энджел закатил глаза и, схватив за локоть, с лёгкостью выволок из лифта.

— Пусти меня! Куда ты меня тащишь?

— К себе гости.

— У тебя весьма странная манера приглашать гостей, — сообщила она.

Энджел силой затащил её в комнаты.

— Заходи, раздевайся. Будь как дома. Налить чего-нибудь?

— Кофе, — неожиданно успокоилась Ирис.

— Кофе у меня только по утрам. Для тех, кто согласился остаться на ночь. Что скажешь на счёт martinis?

— Я за рулём.

— Какие мы правильные! — с издёвкой протянул Энджел.

— Ну, вообще-то не всем везёт быть такими живучими, как ты. Если я врежусь во что-нибудь твердое, от меня останется одно мокрое место. Осознание этого простого факта мотивирует оставаться трезвым.

— Ну, не хочешь — как хочешь. А я выпью. За жизнь, интересную и разнообразную!

Квартира была роскошной, но не уютной. Словно павильон для съёмок, рассчитанной больше на чужой взгляд, чем на комфорт и удобство. Угнетала чёрно-белая гамма. Словно на шахматной доске стоишь в чёрно-белую клетку.

— Хай-тэк?

— Не нравится?

— Ну почему же? Стильно. Уборкой сам занимаешься? Или сестричка помогает?

— Вроде умная девушка, а так не смешно шутишь. Тебе повезло, что Сандра не слышит твоих предположений.

Энджел присел на низкий белый диван, пригласительным жестом похлопав рядом с собой.

«Я не собака», — хотелось зарычать в ответ Ирис.

Но она не стала искушать судьбу. Присела, но только в кресло, а не на диван.

Энджел сидел, развалившись как пресыщенный жизнью падишах перед наложницами. То ли лениво, то ли задумчиво вертя в длинной узкой ладони бокал с красным вином.

— Ну, что будем делать, Фиалка? Я могу попытаться тебя соблазнить. Или изнасиловать.

— А другие варианты есть?

Он поднял глаза, глядя снизу-вверх, как хищный зверь, готовящийся к прыжку:

— А какие ещё варианты могут быть между мужчиной и женщиной? Рано или поздно всё сводится к одному.

— Так банально?

— Зависит от процесса.

— Я не готова ни к какому процессу. Особенно — с тобой.

Ирис снова начала злиться.

— Ну, чего ты ждёшь? — насмешливо протянула она. — Давай, насилуй.

— А ты куда-то торопишься? Я ещё вино не допил.

— Игра затягивается. Мне становится скучно.

— Ты меня провоцируешь?

Он поднялся на ноги легко, одним движением.

Ирис тоже вскочила, попятившись, выставя в защитном жесте руку:

— Не подходи ко мне!

Его пальцы, сомкнулись на пальцах Ирис.

Крутанув девушку, словно в танце, Энджел подтянул её к себе, обнимая со спины, прижимая.

— Как мелодраматично! Есть женщины, которые из всего готовы устроить трагедию или фарс. Почему-то в первый момент я подумал, что ты другая. Я вообще плохо разбираюсь в характере женщин. Одних — переоцениваю, других — наоборот, недооцениваю.

— А ты не пытался перестать вешать ценники? — огрызнулась Ирис.

— Все вешают ценники. Куда уж без них? Но тебе бояться нечего.

Горячие ладони Энджела скользнули по талии Ирис, вновь вертанув её на месте.

Теперь они стояли лицом к лицу.

Он склонил голову к плечу, глядя на неё задумчиво, словно взвешивая про себя что-то.

— Ты мне нравишься такая, какая есть. Со всей твоей злостью, сомнением и самоуверенностью. В тебе есть огонь. А для ночных мотыльков это так привлекательно.

У Ирис занялось дыхание, когда его руки крепко, почти до хруста в костях, сжались

вокруг неё в кольцо. Ей было тесно и душно в этих объятиях, как кролику в сомкнувшемся кольцом теле удава. И в тоже время ей не хотелось, чтобы он её отпускал.

Тело наслаждалось его прикосновениями, едва уловимым запахом одеколona и теплом.

— Ты можешь противиться, если хочешь. Так будет даже интереснее. Ты всё равно будешь моей. И в глубине души, я знаю, ты этого хочешь.

Когда Ирис смотрела в глаза Энджелу, у неё возникало чувство, будто она стоит на краю пропасти, отчаянно балансируя из последних сил.

В глубине души зная, что всё-таки упадёт. Она постаралась спрятаться от того, что должно было вот-вот произойти, выставляя между собой и Энджелом хрупкую стену из ничего не значащих слов.

— Ты здесь живёшь? — поинтересовалась Ирис, стараясь, чтобы голос звучал как можно небрежнее и естественнее.

В чёрно-белой цветовой гамме интерьера ей мерещились японские мотивы. Общий свет заменяло приглушённое сияние множества подсветок, создающих подчёркнуто-интимную атмосферу.

— Нет, живу я не здесь. Сюда захожу лишь изредка, когда нахожу в приятную компанию. Так и будешь стоять посреди комнаты столбом? Садись уже, расслабься.

— Можно мне содовой?

— Содовой нет. Только алкоголь. Зато на любой вкус.

— Ну, если только алкоголь?.. Тогда градусом что-нибудь поменьше, а на вкус — послаще.

— Ожидаемый выбор.

Сбросив пиджак, ослабив галстук и закатив рукава, Энджел подошёл к барной стойке, расположенной на возвышающемся над остальным уровнем пола, подиуме.

Взгляд Ирис задержался на твёрдых и узких запястьях, уверенно колдующих над шейкером. На них поблескивали дорогие часы, где цифры были отмечены сверкающими алмазами. Насколько она могла судить — настоящими.

— Будешь делать коктейль? — спросила она об очевидном.

— Дамы любят коктейли.

— Ты, гляжу, их большой знаток?

— Коктейли или дам имеешь в виду? Ответ, кстати, будет «да» в обоих случаях. Ты какую музыку любишь? — поинтересовался Энджел, не переставая колдовать над высокими фужерами.

— Любую. Лишь бы звучала не слишком громко и навязчиво.

Ирис принялась с любопытством озираться по сторонам. Её внимание привлёк огромный белый рояль.

— Ух ты? — подняв крышку, она пробежалась пальцами по косточкам клавиш.

Звук был объёмным, чувственным, ласкающий слух.

— Ты играешь?

— Иногда. Под настроение.

— Позволишь послушать?

— Да на здоровье. Когда настроение будет.

Перехватив её обиженный взгляд, Энджел рассмеялся.

— Сыграю, если хочешь. Мне не жалко.

— Никогда бы не подумала, что у тебя талант музыканта.

— Почему?

— Ну... ты как-то не ассоциируешься с музыкантами. Если только с рокерами-металлистами. А тут вдруг — рояль?..

На сей раз смех Энджела звучал более живо и искренне.

— Интересно, почему ты всё-таки отнесла меня к рокерам-металлистам? Что в моём внешнем виде вызвало подобную ассоциацию? Я люблю кашемировое пальто, классические костюмы-тройки с галстуками, мягкие свитера. Всё это естественно дополнить свечами и классическим ноктюрном? Разве нет?

Не переставая улыбаться, Энджел подхватил поднос с готовыми коктейлями откровенно жутковатого, ярко-голубого цвета, украшенные зонтиками в тон, и поставил его на крышку рояля.

— Ваш коктейль, дорогая!

— Он точно не опасен? Я не отравлюсь?

— Ну, пару других моих слушателей после него не умерли. Так что есть шанс на то, что и ты выживешь. Давай, Фиалка, бери, — вложил он изящную ножку бокала в тонкие пальчики Ирис. — И — брысь со стула. Займите место в зрительном ряду, леди.

Пальцы юноши легко пробежались по клавишам, разыгрываясь. Порхнули, как бабочки, от басов к высоким октавам и вернулись обратно.

— Ну-с? Что сыграть?

— Шопена осилишь?

— Это вызов? — тряхнул головой Энджел. — На самом деле — легко.

К полному изумлению Ирис уровень исполнения оказался вовсе не любительский, а вполне себе профессиональный. Музыка так и лилась из-под пальцев, звуки сплетались в мелодию из ярких фраз, по-шопеновски нежных.

— Здорово! — искренно восхитилась она. — А как насчёт Бетховена?

— Бетховен так Бетховен, — согласился Энджел и мощные аккорды Аппоссианаты сотрясли комнату. — «Так судьба стучится в дверь», — с усмешкой прокомментировал он.

Мятеж, протест, ярость и отчаяние, то обрастающие надеждой, то теряющие её, заполняли пространство от пола до потолка.

Ирис слушала, почти не шелохнувшись. На самом деле она не была яростной поклонницей классики, но вполне готова была созреть для того, чтобы стать фанаткой Энджела Кинга.

— Здорово! А тяжёлый рок слабо?

— На рояле? — заразительно засмеялся Энджел. — Можно. Только звучать это будет уже не как рок, а как... даже и не знаю, что. С чем бы сравнить? Рафинированная стилизация из четырёх стилизованных аккордов — тоника, субдоминанта, доминанта — тоника.

— О! Я таких тонкостей не знаю. Ты самоучка? Или брал у кого-то уроки?

— Тайком бегал в музыкальную школу.

Ирис, представив картину в красках, усмехнулась.

— Что? — саркастично выгнул бровь Энджел. — Я серьёзно. Мой папаша таких душевных тонкостей явно бы не одобрил. Рояли-скрипки-гитары? Это ведь не грубо! Так что приходилось лгать и изворачиваться. Придумывать, что иду по какому-нибудь порочному делу, а самому втихую заворачивать в затерянную на задворках города музыкалку. Правда, сольфеджио и хор даже для меня оказались перебор... но в школе всё

равно пару раз заставляли петь на какой-то там конкурс. Пока был маленький, получалось меня уломать.

Доиграв очередной пассаж, Энджел потянулся к своей порции с коктейлем.

— Ты так и не попробовала свой «Изумрудный Бриз»?

— Так это называется? И что намешено в этой немыслимой, режущей взгляд, зелени?

— Ликёр со вкусом дыни, коксовый ром, газировка, сок лайма и сахарный сироп. В итоге, как ты и просила, должна получиться сладенькая ерунда. Девчонки такое любят.

Ирис усмехнулась:

— Отлично одеваешься, классно дерёшься, готовишь вкусные коктейли и играешь на рояле. Впечатляющий список. Какие у тебя ещё скрытые таланты?

— Скрытых мало. Не отличаясь скромностью, поэтому люблю всё делать напоказ. С превеликой радостью готов продемонстрировать один из самых любимых моих талантов.

— Это какой же? — поинтересовалась Ирис, вертя в пальцах коктейльную рюмку.

— Я отличный любовник.

Не сдержавшись, Ирис прыснула.

— Ты это сам с собой в душе проверял?

Вылетело прежде, чем удалось прикусить язык.

По счастью, Энджел был не из тех, кто болезненно и серьёзно относится к собственной персоне.

— Случалось, — легкомысленно пожал плечами он. — Но редко. Обычно в этом нет нужды. От желающих составить компанию и так отбоя нет.

— Вижу, скромность в твой внушительный список талантов не попала?

— Не вместилась. Но мне и без неё не плохо. К тому же что такое скромность? В большинстве случаев скромность либо комплекс, либо лицемерие. И то, и другое непривлекательно.

— Самонадеянность и самодовольство, по-твоему, явно лучше?

— Адекватная самооценка в совокупности с чувством такта, по-моему, самое то.

— Ну и с чего ты взял, что можешь адекватно оценить свои таланты как любовника?

Энджел поглядел на неё в упор. Взгляд у него был насмешливый, ехидный и словно бы подначивающий.

«Слабо поговорить на эту тему?», — будто подталкивал в спину он.

«Не слабо», — светилось в фиолетовых глазах Ирис.

— Я работаю в борделе, киса, и мне за это платят хорошие деньги. Если бы я был в этом не хорош, это было бы вряд ли возможно, да?

Ирис недоверчиво уставилась в чёрные, без блеска, словно матовые, глаза. Лишь в самой их глубине мерцало отражение маленьких сияющих лампочек, отчего создавался эффект сияния.

— Откровенно говоря, я не знала этого. И... мне неприятно.

— Тебе до сих пор не рассказали? Ая-йя-й! Как нехорошо-то получилось? Ну, ничего. Теперь-то в курсе. А ты и вправду шокирована?

— Как сказать? Такое чувство, будто я польстилась на яркую обертку и, не глядя, проглотила что-то очень нехорошее.

Злой огонёк, на мгновение промелькнувший во взгляде Энджела погас, как искорка на лету.

Он вновь ухмыльнулся:

— Ты злишься на меня? Приятно знать.

— Что приятного в том, когда на тебя злятся?

— Пороки людей, нам безразличных, обычно не задевают.

— Почему мне кажется, что ты просто нарочно меня провоцируешь, сгущая краски? — недоверчиво сощурилась Ирис.

— Потому что так думать тебе легче, — ответил Энджел. — Ты полагаешь, что я наговариваю на себя для того, чтобы привлечь твоё внимание? На самом деле я пытаюсь снять с себя ответственность.

— Не поняла...

— Когда ты придёшь и станешь меня упрекать в том, какой я нехороший, я смогу с чистой совестью сказать: «А я же тебя предупреждал».

— И что тебе это даст?

— Думаю, что даже у Люцифера иногда пробуждается совесть и ему нужно что-то отдать ей на съедение. И тогда такая вот показушная честность — самое оно. Ты выглядишь такой аппетитной и свежей, что отказать себе в реализации моего маленького каприза я не хочу. Но, в отличие от тебя, я наперёд знаю, что будет дальше. И от этого немного грустно.

— И что же, по-твоему, будет дальше?

Энджел улыбнулся обещающе, но в этом обещании была не столько нежность, сколько угроза.

— Я тебя съем, моя нежная красавица Фиалка. Мне, право, очень жаль. Но собственная прихоть дороже.

— А отравиться не боишься? — гневно сузила глаза Ирис.

— Фиалки не токсичные.

— Смотря с чем их приготовить.

— С чем не приготовь, сахарная моя, с моим метаболизмом всё не смертельно, — нагло усмехнулся Энджел.

— Я понимаю, что ты меня провоцируешь. Но вот не пойму — на что?

— Разве не очевидно? На грубость или глупость, конечно же. Сойдёт любой повод, лишь бы он позволил с тобой не церемониться.

Ирис внимательно вглядывалась ему в лицо, пытаясь понять, шутит или всерьёз. И если всерьёз, как следует вести себя дальше?

Странно, но ей совсем не было страшно. Какая-то часть неё не могла воспринимать Энджела Кинга как угрозу.

— Это обнадеживает.

— Что именно? — уточнил Энджел.

— То, что тебе для того, чтобы сорваться с цепи, всё-таки нужен повод.

— Ну я же не сумасшедший? — хмыкнул он. — Хотя, признаться, бывают моменты, когда сам начинаю в этом сомневаться.

— Скажи мне одно, но только честно, ладно?

— Ладно, — кивнул Энджел. — Что ты хочешь знать?

— Я тебе нравлюсь?

— В каком смысле?

— Эй, так не пойдёт! — возмутилась Ирис, в притворном раздражении легонько хлопнув Энджела по плечу, пользуясь поводом прикоснуться к нему. — Ты юлишь! В прямом смысле. В том самом, в котором мужчине нравятся женщины.

— Я не уверен, что мы говорим на одном языке, Фиалка. Моё «да», может весьма сильно отличаться от твоего.

Пришёл черёд Ирис приподнимать брови, выражая невысказанный вопрос.

— Понимаю, тебе не терпится поточить острые коготки твоей распускающейся необычной красоты. Но поверь, ты выбрала не того парня.

— Почему — не того? Мне стоит поверить слухам о том, будто девушки тебя не интересуют? В этом всё дело?

— Если бы меня не интересовали девушки, я бы тебя сюда не пригласил.

— Может, тебе не терпелось сыграть для меня Бетховена? — усмехнулась Ирис.

— Ну да, конечно, сугубо с этой целью. Девушки меня интересуют, Фиалка, но цена вопроса в том, что мой интерес весьма быстротечен. Я хорош там, где дело идёт о простом удовольствии. Но эмоции? С этим, признаюсь, у меня весьма серьёзные проблемы. А жизненный опыт отчего-то подсказывает, что ты из тех девушек, для которых романтика интереснее секса.

— Я из тех девушек, кого в первую очередь интересует не романтика или секс сами по себе, а парень.

— И отношения с ним?

— И отношения с ним.

— Вот именно об этом я и говорил.

— Хорошо. Потеряю свою девственность с кем-нибудь другим, как-нибудь в другой раз. Тебе нужна девушка на вечер без обязательств и, хотя я замуж, вроде как, пока тоже не рвусь, роль одноразовой шлюшки меня мало прельщает. Поэтому мне лучше уйти? — захлопала Ирис густыми, как у куклы, ресницами.

Энджел рассмеялся, сгребая её в охапку и подтягивая к себе:

— Помни, я пытался тебя предупредить...

— Ну, нет! — оттолкнула его от себя Ирис.

Ну, ладно. Не оттолкнула.

Сделала попытку.

— Даже и не пытайся снять с себя ответственность, чтобы потом тыкать меня носом, как котёнка в своё: «Я же тебе говорил?». Ты сказал — я услышала. И, для сведения, я тебе не навязывюсь!

— А вот этого я не говорил, — тряхнул головой Энджел. — Вот ведь чёрт! В кое то веки решил поступить правильно и подумать не о себе, а о других, и что в итоге? Я тебя обидел.

— Какое точное наблюдение!

— С радостью готов искупить свою вину.

Ирис в очередной раз подивилась тому, что за странная химия начинала твориться в её организме, стоило Энджелу Кингу приблизиться и уж, тем более, прикоснуться к ней, как сейчас?

Нет, тело её не предавало — оно было в сговоре с сердцем.

Мир разом вспыхивал, будто солнце начинало светить ярче. И свечи, и лампы. И вся она превращалась в оголённый искрящий провод.

Или лишалась кожи?

Каждый взгляд Энджела, движение его губ, рук, каждый его шаг чувствовался по-особенному тонко, западал в память.

И Ирис не то, чтобы не могла — не хотела сопротивляться всему этому. Словно душа её

срасталась с устами и пила из его губ божественную благодать.

Если Энджел становился светом, то она была проводником, по которому этот свет бежал.

Ирис потом не могла бы описать действия, что совершал Энджел Кинг. Они были для неё неважны. Не сами его ласки, объятия и поцелуи имели значения — лишь то, что это был он.

Чтобы он не делал, Ирис наслаждалась уже одним — это был он.

Не имея возможности сравнивать, она по наивности считала, что блаженство, в которое она погрузилась, является естественным состоянием любого, предающегося любви.

Что целоваться до упоения так же естественно, как дышать.

А потом было так уютно лежать, растянувшись перед газовым камином, болтая в воздухе голыми пятками и рисуя на обнажённой груди только что обретённого любовника геометрические фигуры кончиком острого ноготка.

— Всегда считала, что восторги по поводу страсти несколько преувеличенны. Рада ошибиться. Это было приятно.

— Рад это слышать, — усмехнулся Энджел.

— А мне ты ничего приятного сказать не хочешь? — шутливо пихнула она его локтем.

— Вообще-то нет. Но, если ты настаиваешь?..

— Естественно, настаиваю. Я остро нуждаюсь в твоих комплиментах, как цветок в поливе.

— Хм-м, сомнительная аллегория. Ну, ладно. Точно настаиваешь?

— Настаиваю.

Энджел, потянувшись, ухватил за тёмную прядь ирис, пропуская её между пальцами.

— На ощупь как шёлк, — прошептал он, наклоняясь ближе. — Тёплый душистый шёлк. А твоя кожа гладкая, словно атлас. Ты похожа на благоухающий цветок.

Какое-то время они безотрывно глядели друг другу в глаза.

Ирис с досадой вынуждена была признать, что в чёрной матовой глубине зрачков Энджела она читать способна не больше, чем улавливать смысл в китайских иероглифах.

— Тут так тихо, — выдохнула она, лишь бы чем-то заполнить образовавшуюся пустоту.

Она перетекла из лежачего положение в сидячее, досадливо отбрасывая с лица упавшую прядь волос.

— Уже почти ночь. Мне нужно собираться.

— Зачем? — погладил её Энджел по спине, словно кошку.

— Мы же не можем провести тут всю ночь? — с сомнением протянула она.

— Я бы с удовольствием провалялся не только ночь, но ещё и парочку часов с утра.

— А я не могу, — с улыбкой покачала головой Ирис. — Мама и Катрин станут волноваться.

— Позвони и скажи им, что занята.

Ирис покачала головой:

— Ты же понимаешь, что я не стремлюсь афишировать наши отношения?

— Ты намерена сделать из этого страшную тайну?

— Учитывая твою репутацию, это не должно тебя волновать.

— А как насчёт — обижать?

— И обижать тоже. Я не хочу привлекать к себе внимание, которое тенью следует за твоим именем. Не хочу волновать маму.

— Ты права, — к облегчению Ирис, Энджел ничего не стал усложнять. — Так действительно будет лучше. И тайна придаёт отношениям некий флёр, делая их вкуснее. Ну и, конечно же, для нас обоих, и в первую очередь для тебя, будет лучше, если наши имена нигде не станут связывать вместе.

Ирис даже немного огорчилась от того, что судя по всему Энджел не просто с удовольствием принял её предложение — он словно испытал облегчение.

— Энджел? — позвала она, наблюдая за тем как по кошачьи ловко он натягивает через голову тонкий свитер.

Он обернулся, одарив её внимательным взглядом.

— Я не знаю, что значит случившееся для тебя, но для меня это очень важно. И это не было случайностью. Это мой выбор. Мне нужен был только ты. Вне зависимости от того, что будет дальше и — будет ли вообще.

Лицо Энджела было серьёзным. Ирис даже немного растерялась, увидев, каким мрачным оно вдруг сделалось.

— Я, наверное, в свой черёд, тоже должен кое в чём признаться. Ирис, я с самого начала именно этого и боялся. Нам было хорошо вместе. Ты мне нравишься, правда. Ты красивая, умная. Секс с тобой он... он такой необычайно чистый, что ли? Но всё же не стоит предавать случившемуся слишком большого значения. Мне неприятно это говорить, но по большей части, мне, увы, всё равно с кем спать. Секс в большинстве случаев для меня либо работа или способ расслабиться.

Несколько секунд Ирис молча смотрела на него. Было до слёз обидно и больно. Но давать волю эмоциям значит, в данном случае, выставить себя душой. Чтобы не накалять градус конфликта, она решила свести всё к показному легкомыслию.

— Ах ты козёл, — беззлобно заявила Ирис, подходя к Энджелу и оплетая руками его шею, наклоняясь к его лицу, словно для поцелуя. — Наглый, беспринципный, похотливый — всё в превосходной степени. Самый запоминающийся из всего вашего козлиного племени. Ты мне ещё ответишь за свои слова!

Вопреки ожиданиям Ирис, Энджел не перехватил её легкомысленный тон.

Он вдруг положил ладонь на её шею, заставляя придвинуться ближе:

— Я рад, Фиалка, что стал первым козлом в твоей жизни. Как ни странно, сам себе удивляюсь, но отчего-то это не то, что заводит, но определённо имеет значение. Может быть, это иллюзия, но у меня такое впечатление, что ты действительно, по-настоящему, моя.

— Это не впечатление. Я готова подарить себя тебе, посвятить всю, без остатка. Вопрос в том, хватит ли у тебя силы принять мой подарок?

Ирис бросала вызов и с замиранием сердца ожидала, примет ли Энджел перчатку.

— Прежде, чем бросаться такими подарками, тебе следует лучше меня узнать.

— Я бы с удовольствием.

От его смеха, горького, издевательского, Ирис покоровило,

— Поверь, чем лучше ты меня узнаешь, тем меньше будешь получать удовольствия от моего общества.

Ирис ощутила себя уязвлённой. Будто навязывалась ему. Но ведь это не так. Она чувствует, что небезразлична Энджелу.

Почему же он так странно себя ведёт?

ГЛАВА 4. Альберт. Рухнувший мост

Можно больше не прятаться за газетой — обе мои красавицы удалились, одна разгневанной другой. Ну и ночка выдалась! От начала до конца чистый блеск.

А Катрин-то какова? Вот и не верь после этого в народную мудрость про чёрта в тихом омуте. Не знаю, можно ли полный своеобразия нрав моей невестушки назвать чертом, но то, что она не так проста, как кажется с первого взгляда, очевидно.

Правда, я и помыслить не мог, что Кэтти станет мужественно молчать о попытках Синтии её прикончить.

Я много о чём не мог помыслить — просто не хотелось, настолько неприятно, гадко и мерзко.

Что творится в голове у Синтии? Может, не смотря на внешнюю молодость, у неё всё-таки начался старческий маразм? Как ещё объяснить её веру в то, что я беспрекословно стану играть в дурацкие игры с ритуальными жертвоприношениями? Позволю ей убивать людей? А то ещё и сам начну танцы с бубном вокруг горы трупов?

Катрин тоже не уставала удивлять. Всё это время она знала обо мне куда больше, чем я мог вообразить.

Откуда, кстати? Сестрица разболтала? С неё станется. Хотя вряд ли. Синтия носится со своей загадочностью, как красавица с зеркальцем. Научилась бы ещё самовосхваляться поменьше, может быть и вытянула бы роль древней ведьмы, которую на себя взяла.

А может быть она уже и не играет? Я знал прежнюю Синтию, пусть и полную недостатков (а кто из Элленджайтов без греха?), но не убийцу.

Хотя... может быть, я и тогда её не знал?

Память услужливо напомнила о самой первой смерти в нашей семье, повлекшей за собой всё остальное. Была ли смерть Ирэн действительно самоубийством? Конечно, она была потрясена вскрывшейся правдой о своём обожаемом Ральфе, но всё же кузина была одной из нас, а Элленджайты так просто не сдаются.

«Ты же сдался? — гадко шепнул внутренний голос. — Почему она не могла?»

Я не сдался. Не слабость была причиной моему поступку. Я прыгнул под колёса железного состава не из трусости перед жизнью, а из желания причинить боль тем, кого любил. В той старой войне никто не брал пленных. Так что всё сейчас происходящее теперь можно рассматривать как заслуженный мной персональный ад.

С Ирэн же совсем другая история. Как только до моей дорогой Синтии дошло, что между кузиной и «нашим» с нею Ральфом не интрижка, а кое-что посерьёзней, бедняжка была обречена.

Если бы я тогда открыл глаза шире! Если бы только заставил себя увидеть то, что видеть не хотел, может быть, вся история закончилась бы иначе?

Впрочем, я и тогда кое-что видел. Просто не хотел вмешиваться.

Не желал допускать мысли о том, что Синтия не просто избалованна, испорчена и эгоистична, что она с каждым новым днём всё больше становится чудовищем. Пугающее меня и Ральфа.

Мобильный издал сигнал вызова. Номер не определился. Но я и без того знал, кто звонит.

— Да, дорогая? — откликнулся я.

— Это ты кому? — мурлыкнул издевательский голос. — Неужели мне?

— Тебе, моя прелесть.

— Как ты почувствовал, что это я? — рассмеялась сестричка.

Голос её звучал, как мелодичный, но злой колокольчик.

— Сердцем.

— О! — протянула она, явно подтрунивая. — Как романтично! Помню, какое оно большое-большое...какое вместительное!

— Любимая, чему обязан? И, кстати, я не помню, чтобы оставлял тебе свой номер?

— Дорогой, я могу узнать всё, что пожелаю. Мир, что когда-то принадлежал Элленджайтам, теперь целиком мой.

— Это всё, что ты хотела сказать? Или есть ещё что-то?

— Не груби и не будь букой. Тебе всё равно не удастся меня разозлить. Я слишком ценю то, что ты снова вернулся в мою жизнь.

— Ну с чего ты взяла, что в твою? Я просто вернулся. Кто тебе сказал, что отныне командовать парадом будешь ты?

— Когда только успел таких слов нахвататься? — хихикнула Синтия.

Я почти видел, как она лежит на кровати, болтая босыми ногами в воздухе. Довольная, улыбающаяся, лучащаяся самодовольством.

— Где мы сегодня увидимся? — пропела она. — И во сколько?

— Сегодня — нигде. У меня другие планы.

— Что за планы такие, которые нельзя отодвинуть ради меня?

— Мне надоело жить в отеле, и я планирую съехать.

— Могу помочь устроиться на новом месте, братик.

— Не стоит, сестрёнка. У меня, твоими стараниями, есть замечательная невестушка. И дом этот я приобрёл спецом для неё...то есть для нас обоих, конечно. Так что твоя помощь будет лишней.

— Если передумаешь?..

— Если передумаю, твой номер у меня теперь тоже есть. Целую, любовь моя, — отключился я.

Синтия всегда ошибочно считала, что я принадлежу ей целиком и полностью. Мне нравилось думать, что я сам по себе. А кто действительно из нас прав? Да какая к чёрту разница!

Нет ничего хуже ситуации, когда в твоей жизни присутствует две женщины, каждая из которых претендует на пальму первенства. А я с завидной регулярностью и постоянством оказываюсь в такой вот луже. Всё время верчусь между двух огней, пытаюсь примирить непримиримое — разные полюса, огонь и лёд, небо и землю.

Экран сотового вновь засветился, выдавая повторный вызов. Не имея ни малейшего желания снова пререкаться с Синтией, я оставил его без ответа. Расплатился за завтрак и покинул столовую Гранд Отеля.

Погода, насколько можно было судить, глядя в окно, отвратительная. Но сидеть дома категорически не хотелось. Избыток свободного времени не есть хорошо. Нужно будет придумать себе какое-нибудь постоянное занятие.

Может, пойти учиться?

В своё время я получил классическое образование. Теперь оно мало чего стоит. А руки так и чесались самому заняться бизнесом.

Кстати (или не кстати, но всё равно) после вчерашних упражнений драгоценной сестрички, продемонстрировавшей новые грани своих возросших ведьмовских и садистских талантов, но забывшей всё нивелировать, внутренности завязывались узлом от боли. Это

начинало надоедать.

Обычно во время приступов боль бывала волнообразной — то увеличится резким спазмом, то стихнет. А тут на одной ноте, скучно, монотонно и — слишком сильно. Раздражает.

Уверен, вредная чертовка на самом деле ничего и не думала забывать. Наверное, рассчитывала, что подобный, как теперь говорят, бонус, обеспечит мою явку к ней в более ранние сроки. Забыла, сестрёнка, всё забыла! Такими трюками Элленджайтов не выучить.

Ту мои мысли плавно обратились к Кингам.

Подумать только, вся семья результат одного большого эксперимента, ставившего целью воскресить меня любимого при помощи магический чудес и генной инженерии! Наверное, глупышка Синтия надеялась, что люди из пробирки станут её послушными рабами? Существовами, целью существования которых будет её блистательная персона.

Жизнь преподнесла очередное разочарование века. Судя по тому, чему мне пришлось стать свидетелем, Рэй Кинг вообще неуправляем. Следствие ли это его характера, происхождения или жизненных обстоятельств, не знаю. Но факт остаётся фактом.

Он опасен. С ним лучше не связываться. Отдавая приказ Линде прощупать прошлое этого человека, покопаться в его финансовом грязном белье я, кажется, погорячился. Такими вещами лучше заниматься без женщин. Слишком уж они хрупкие существа. Нужно будет завтра всё отменить.

Я не собирался дёргать тигра за усы. Не из страха Просто Кинг всё равно Элленджайт, а значит, имеет полное право на мою лояльность.

Вопрос только в том, что лояльность самого Кинга по отношению ко мне или близким мне людям просчитать невозможно. А значит, следует её гарантированно обеспечить.

Вспомнив разговор с Энджелом, я поморщился.

Кем же это нужно быть, чтобы так третировать собственных детей?

В нашей семье насилие никогда не было чем-то запредельным или невозможным. Случалось, и, чего греха-то таить, случалось часто. Физические наказания не то, чтобы были в широком ходу, но применялись. Однако мне неизвестны случаи, чтобы отец не просто избивал, а насиловал собственных детей. Или торговал ими, как шлюхами.

Ничто человеческое Элленджайтам не чуждо, а что может быть естественнее любви отца к собственному ребёнку?

Я вообще люблю разгадывать загадки. Особенно, если загадкой оказывается человек — это у нас фамильная черта. Правда, в основе наших интересов подчас лежат разные цели. Мне, например, нравится разрешать трудные задачи, пытаюсь понять, что движет людьми, каковы их истинные цели и мотивы из чисто спортивного интереса. Синтия же не любит терять энергию просто так. Для неё изучить человека, понять его мотив, значит научиться им манипулировать. Ральфу нравилась ставить человека в крайне рискованные ситуации и наблюдать за тем, какие качества характера он начинает демонстрировать.

Почти всегда это не лучшие стороны человеческой натуры, увы.

Но так или иначе, Элленджайтам свойственно разгадывать, манипулировать, шантажировать, играть с людьми, с их жизнью и судьбой словно кошка с мышкой.

Кинг был загадкой. Ещё какой. Из тех, что даже моя драгоценная Синтия с её маниакальной верой в собственное бессмертие предпочитала обходить стороной.

Элленджайты вообще опасные существа, а превратившиеся в спятивших Кингов — вдвойне.

Ладно, к чёрту Кингов. Нужно заняться первоочередными делами. К такому относится намеченный мной на сегодня переезд.

Понимая, что мой цветник сильно в восторг не придёт, я всё же решил поступить привычным для себя образом — упрямо поступить по-своему. Нанял прислугу, приказал ей собрать вещи и перевести их по новому адресу.

К приходу юных леди всем вещам полагалось улечься по полочкам.

Номера комнат в отеле я оставил за нами на неделю. Мало ли что?

Терпеть не могу, когда кто-то собирает вещи или убирается в моём присутствии. Горничным, полагаю, в этот момент надзиратель, стоящий над душой тоже не нужен. Кстати, одна из девушек оказалась прехорошенькой. Черноглазая, черноволосая, чем-то неуловимо напомнила мне одну французенку, с которой у меня в прошлом была короткая, но весьма приятная интрижка.

Ответив улыбкой и парой комплиментов на доставшиеся мне авансы, я всё-таки решил дальше обмена взглядами дела не заводить. Сейчас в моей жизни достаточно проблем из-за женщин, и, хотя идея найти третью, чтобы развеяться, казалась привлекательной, я не взялся за её реализацию. Как бы такое развеивание не обернулось боком.

В 19 веке прислуга хорошо знала своё место. Теперешние девушки понятия не имеют ни о почтении, не о приличии.

Я решил встретить Катрин после занятий. Встреча всё равно неизбежна, как и предстоящий брак. Не знаю, останемся ли мы с ней вместе или разведёмся, но отказаться от легата я точно не могу. В отличие от праведницы Катрин я не так великодушен.

Кроме того, для неё деньги это просто сумма, а для меня — наследие семьи. Частичка людей, которые вкладывались в создание империи. Дело не в жадности или скаредности. Я просто должен и — точка.

На дворе царила промозглая изморозь. Серым было все, даже самые яркие пятна. Осень! Пора гриппа, депрессии, смерти. Никогда не понимал поэтов, описывающих её как нечто радужное и золотое. Скука, маята. Хорошо ещё, у Элленджайтов насморк не приживается. Только хлюпающего носа ко всем прелестям жизни и не хватает.

Каша и гололедица на дорогах сделали своё дело. Неумелые или слишком торопливые водители успели столкнуться на малопроходимых участках дороги, создав заторы. В результате, добираясь до места, приходилось не столько ехать, сколько стоять, бессильно сжимая руками руль.

Со скуки, пытаясь отвлечься от монотонной, острой, изматывающей тело и сознание боли, я успел искурить в пробках почти всю пачку сигарет. Сунувшись за очередной, выругался с досады — оставалось три штуки.

Светофоры мигали разноцветными глазами, в тумане расплываясь светящимся зловещим облачком. Но по-своему в этой мороси было уютно. Живая она была, хоть и серая. Привычная толкотня. Привычная суета. И то, и другое сонное от низкого давления.

Чтобы отвлечься, попытался включить радио. Там бодрыми голосами дикторы излагали факты и события, до которых мне лично не было никакого дела.

Никакого отвлечения, на самом деле. Одно раздражение.

И эта чертова боль! Стихнет она хотя бы на секунду?!

Наконец за поворотом, словно Летучий Голландец среди серых волн океана, из тумана выплыл медицинский институт. Тпру, лошадка. Цель достигнута.

«Я жду тебя внизу, — натыкал я СМС-ку. — Не задерживайся».

Может быть, не очень вежливо с моей стороны? Да без разницы. Мне нужно было оповестить о моём присутствии Катрин, чтобы мы элементарно не разминулись в этом тумане. Ещё невежливее будет, когда она притопает в полупустой номер Отеля.

Ответа я не получил.

Злится? Ну и чёрт с ней. Позлится — перестанет.

Наконец-то в дверях мелькнул знакомый силуэт. Времена меняются, но женщины остаются неизменными. Они всегда жертвуют удобством и логикой во имя красоты. Ведь видно же, что в драповом светлом пальто ей прохладно и зябко, а уж ходить по скользкому неровному асфальту на шпильке?..

Как обычно, выходила Катрин не одна, а в сопровождении улыбчивой подружки. Не уверен, кажется, это младшая сестрёнка Линды? Запомнил имя, хоть убей.

Я где-то читал, что мужа всегда раздражают подружки жены. Вроде бы я ещё далеко не муж, но девочка, чьё имя не удержалось в памяти действительно сильно меня раздражала. Против неё лично я ничего не имел, моё раздражение относилось к разряду типа: «Бывают дни, когда я рад видеть вас, сударыня, но только этот день — не сегодня».

Подмигнув фарами, я поприветствовал Картин, заодно давая знать, что приехал.

Девушки остановились, о чём-то оживленно переговариваясь. Судя по жестам, Катрин пыталась уговорить на что-то подругу. Та, к моему удовольствию, с улыбкой отнекивалась.

Выйдя из машины, я шагнул им навстречу:

— Добрый день, красавицы!

— Добрый день, — кивнула Катрин. — Альберт, помоги мне уговорить эту упрямицу. У нас сейчас две машины и пешком домой в такую погоду я ни за что её не отпущу.

— Не говори глупостей, — засмеялась девушка. — Мне до остановки отсюда идти меньше, чем тебе до твоей хваленной машины.

— Я не принимаю возражения, — отрезала Катрин.

— Тебя ждут, — всё ещё пыталась проявить деликатность девушка.

— Альберт, ты ведь не против, если я подвезу Мередит? — обернулась ко мне моя названная невестушка.

Оставалось только улыбаться и кивать. Ну что же я, садист какой, заставлять девушку ковылять на своих двоих да в такую погоду? Конечно, я согласен. Давай, Катрин, подвезём Мередит. Я, словно патрульно-постовой, поплетусь за вами в хвосте. Прелесть какая!

Вот одна из причин, по которой я всегда предпочитал убивать время со шлюхами. Последним ты никогда ничего не должен, кроме доллара. Ты не обязан вникать в их капризы, заботиться об их настроении.

Но Катрин не шлюха. Она невеста. Причём богатая. Причём все мои деньги у неё. Поэтому улыбаемся, как на вспышку фотокамеры и ласково соглашаемся следовать за Мередит, которую куда охотнее проводил бы в Тартарары.

— Катрин права. Не следует идти в такую погоду пешком. К тому же видеть твою дорогую сестру мне всегда очень приятно и, надеюсь, это взаимно.

Взгляд Катрин, внимательный и цепкий, задержался на моём лице. Она пыталась понять, что конкретно кроется за моим сарказмом.

— Ну, смелее, девушки — по машинам. Не стоит тут толпиться. Промочите ваши хорошенькие ножки и простудитесь.

Прямо от стоянки и всю дорогу мы плелись, хвост в хвост, еле-еле, в час по чайной ложке.

Я проклял всё, что можно и по батюшке, и по матушке. Да, в былые времена не было удобств чудо-техники, но и о такой вот радости мы тоже понятие не имели.

Миновав туннель, тусклый, похожий на длинную кишку проглотившего тебя чудовища, парочку перекрёстков, где мы простояли ещё добрых полчаса, въехали, наконец, на мост, перекинувшийся через пролив. И вот тут встали намертво.

Была пятница. Около половины пятого вечера. Автомобили стояли так тесно, что между ними было невозможно было даже пешком протолкнуться — бок в бок, бампер к бамперу.

Никогда не был подвержен фобиям, а тут вдруг сделалось не по себе. Причём настолько, что хотелось распахнуть дверцу, бросить машину и пешком прорываться к берегу.

Вытащив предпоследнюю сигарету, сжал её зубами и, чиркнув зажигалкой, я глубоко затянулся, стараясь напустить дым и отогнать панику. Что за хрень такая творится?

А потом пришло видение. Чёткое и ясное.

Я видел, как внизу, под нами, ломается одна из бетонных конструкций, увеличивая нагрузку на поддерживающие мост тросы. Не выдержав, перекручивается стальной канат и разлетаются звенья — один, другой, третий. Мост качается, как исполинские качели, кренится. Машины, словно игрушечные, бьются.

Вырывается открытое пламя, перекидывается с одной машины на другую. Люди в панике мечутся в поисках пути к спасению.

Сигарета дотлела. Я тряхнул головой, отгоняя от себя пугающие картины.

Да что такое творится? Я делаюсь нервным, как нежная барышня.

Подумать только — видения? Кажется, откровения Синтии подействовали на меня сильнее, чем я думал.

Мы доехали уже до середины моста, когда бетон под колёсами начал медленно подрагивать, будто огромное испуганное животное.

Желание покинуть машину и быть рядом с Катрин и этой, не помню, как — Меридит, кажется? — стало непереносимым.

Где-то вдалеке раздались людские крики. Голоса были встревоженными, но паники в них пока не слышалось. Однако, не в силах больше оставаться на месте, я выскользнул из обманчиво безопасного нутра авто и шагнул на асфальт.

Не успела дверь за мной захлопнуться, как под ногами поднялась та самая большая волна из видения.

Время замедлилось.

Помню только ощущение, будто в груди застыл кусок льда. Нет, это был не страх. Вернее, то был страх, но не за себя.

Я понимал, что сейчас произойдёт нечто из ряда вон, как в тех страшных фильмах-катастрофах, где гибель людей идёт даже не на десятки, а на сотни.

Пятница. Вечер. На мосту настоящее столпотворение. Начнётся давка, мешанина из металла и людей.

Я почти бегом бросился к машине Катрин. В открывшемся окне белым пятном возникло напряжённое лицо:

— Что случилось?

— Выходите!

— Но...

— Выходите! Быстро! Без вопросов!

В туманном мраке раздался оглушительный, очень неприятный звук. Даже не знаю, с

чём его сравнить? Будто стонало огромное животное. Впрочем, звук, издаваемый покорёженным металлом, ни с чем не спутаешь, даже если до этого никогда раньше не слышал ничего подобного. Тревожный, тоскливый, угрожающий. Совершенно нечеловеческий.

— Выходите же! — заорал я, теряя терпение.

Мужчина из соседней машины высунул голову в окно, тревожно поглядывая в нашу сторону.

— Эй, парень? Какие-то проблемы?

— Да. И очень крупные. Мост сейчас рухнет.

— Что?!

За его спинами я видел маячившие лица детей. Откуда бы он их не вёз, лучше бы ему было ехать домой другой дорогой. Ладно, мне нет дела до чужих. Своих бы вытащить.

Черт! Сколько же детей вместе с родителями могло застрять в этой чёртовой пробке?!

— Послушайте доброго совета, — обратился я к нему как можно спокойней. — Выбирайтесь из машины и идите в сторону ближайшего берега. Детей держите за руки. Не отпускайте их от себя ни на шаг.

— Откуда вы знаете? Откуда вы это знаете?

— Просто знаю. Хотите спасти детей? Так выбирайтесь из машины.

— Папа! Папа! — запричитала девочка за его спиной. — Что говорит красивый дядя? Я боюсь!

Не знаю, звук ли моего голоса, недавний скрип или что-то ещё, но мужчина, судя по выражению его лица, решил меня послушать.

— Ты с ума сошёл? — зашипела рассерженной кошкой Катрин.

Слава богу, из машины они обе с Мередит всё-таки вышли.

— Что ты вытворяешь? Зачем пугать детей?

— Через несколько минут всем здесь придётся испугаться. Лучше они получают шанс выжить испуганными.

Теперь и Мередит выглядела обеспокоенной.

— Я не понимаю, что происходит?

— Мост с минуту на минуту рухнет. Нужно убираться.

— Ты точно рехнулся! — вырвала у меня руку Катрин, глядя то ли с отвращением, то ли с жалостью.

Хреново быть Вещей Кассандрой. Моё знание могло спасти нам жизнь. Ещё как могло, но так всё эдак и растак! Как убедить людей предпринять отчаянную попытку спастись?

Из соседних автомобилей высовывались лица, бледные, встревоженные, сердитые. Все они приговорены. Что сделать? Как убедить приблизиться к черте, где спасение не гарантировано, но ближе, чем отсюда?

— Я из ФБР, — проговорил я, поднимая водительскую карточку и от всей души желая всем чтобы они видели удостоверение.

По крайней мере верили, что видят. Им большего и не нужно.

— Сохраняйте спокойствие. На мосту ожидается теракт.

— Да что ты несёшь?!

Мередит схватила Катрин за руку, вынуждая замолчать.

— Все выходите из машин и идите в сторону берега.

Тоскливый звук скрежещущего металла повторился, делая мои слова куда более

весомыми.

К моему облегчению люди выбирались из автомобилей и направлялись в сторону более близкого берега.

— Что за каприз выставять себя посмешищем? — фырчала Катрин, пока я тащил обеих девушек за собой. — Зачем весь этот фарс?

— Ты можешь помолчать хотя бы минуту? Бери пример со своей молчаливой подруги.

Мерedit тихо засмеялась:

— В кои то веки меня называли молчаливой. С ума сойти!

Мы не прошли и половины того отрезка, что отделял нас от спасительной черты, как мост принялся крениться к центру. Вернее, он и без того до этого провисал, но теперь это стало заметно невооружённым взглядом — ровная дорога превращалась в горку, по которой приходилось взбираться снизу-вверх.

Со всех сторон доносились возгласы — взволнованные, испуганные, гневные. Машины, оставленные хозяевами, медленно катились в сторону склона.

Пока ещё медленно.

Я почувствовал, как ледяные пальчики Катрин крепче сжали мою правую руку:

— Так ты это серьёзно насчёт теракта?

— Куда уж серьёзней?

— Но откуда ты...

— Я это вижу. Чувствую. Не знаю откуда, просто... просто это так.

— Но теракт? Откуда ты о нём знаешь?

Она меня теперь в подрывной деятельности подозревать станет?

— Катрин, людям нужно было как-то объяснить необходимость убраться отсюда. Я ляпнул первое, что пришло в голову.

Я судорожно пытался придумать, что нам делать. Судя по моим ощущениям, добраться до безопасного места мы не успеем.

Внизу, в ста футах под нами была ледяная вода. При ударе с такой высоты выплыть шансов у людей нет. Просто займётся дыхание и дальше кто угодно камнем пойдёт под воду, если только спасатели не будут ждать поблизости. А откуда им взяться?

Хотя, судя по мельтешению огней и звуку сирены кто-то уже спешил на помощь несчастным, застрявшим в воздушной ловушке.

Как я сам не догадался позвонить в 911? Правда, потом бы пришлось объясняться и оправдываться, но это могло бы спасти чью-то жизнь.

— Быстрее! Быстрее! — поторапливал я девушек.

Обеих-то мне точно не вытащить. Чтобы плыть и держаться на воде, нужна хотя бы одна свободная рука.

Мерedit побежала первой, лавируя между машинами.

Ужасный звук раздался в третий раз.

«Как в театре, после третьего звонка», — промелькнула шальная мысль.

И начался ад.

Я... я правда не хочу это вспоминать.

Когда я видел картину мысленно, они ужасали. Но в реальности всё было ещё хуже. Огромное количество людей, пытаюсь спастись, предпринимало отчаянные попытки спастись, изначально обречённые на поражение. Слово «трагедия» на глазах обрело подлинное значение.

Как всегда, как бывает в минуту X все маски были сорваны. Кто-то спасался сам, готовый идти по трупам. Кто-то до последнего пытался спасти близких, протягивая руку помощи даже незнакомым людям. К слову сказать, последних, сохранявших человеческое лицо, было больше.

Люди сбивались в нечто маленьких стаек, пытаясь прорваться к спасению.

Вместе со всеми мы то бежали, то скользили, то пытались удержаться за металлические перила моста. В носу стоял запах гари.

Потом, когда металлические опоры рухнули, ветер засвистел в ушах и всё смыла вода.

Я изо всех сил старался не выпускать рук Мередит и Катрин. Прилагал все усилия к тому, чтобы не потерять сознание.

Нам повезло. Будь мы в роковой момент чуть ближе к берегу, разбились бы; чуть дальше — и, скорее всего, выплыть бы уже не удалось. А так нас подхватили спасательные шлюпки, курсирующие по воде.

Не могу вспомнить, кого из девушек подняли первой. Кажется, Мередит. Она, как и я, была в сознании и дрожала, как осиновый лист, когда полицейский набрасывал ей на плечи теплое одеяло.

На самом деле одеяло нисколько не согревало. Холод словно навечно поселился в каждой клеточке тела.

— Вы в порядке, сэр?

Я не сразу понял, что усатый полицейский обращается именно ко мне. В современных реалиях отвык быть «сэром».

— Вот, выпейте, полегче станет.

В закрытой пластикой чашке он протянул мне суррогат, который в здешнем Макдональдсе продают под видом кофе. Но суррогат — не суррогат, неважно. Главное то, что он был горячим.

Я сжал пластик в руках, не рискуя подносить ко рту. Если начну сейчас захлёбываться кровью меня точно с миром не отпустят — начнут лечить. И, боюсь, слишком много сюрпризов ждёт в моём организме современную медицину. Лучше не рисковать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Катрин была бледная до синевы, и не приходила в себя, хотя я мог поклясться, никаких повреждений у неё не было.

Глядя снизу-вверх на остов того, что несколькими часами раньше было мостом, на отблески пламени, бросающие оранжевые всполохи по всему небу, на дробящееся отражение пожара в воде, я не мог не думать о бренности всего живого.

И о том, что совсем не знаю жизни.

Мы, Элленджайты, привыкли смотреть на людей свысока, как человек порой смотрит на собаку. Он может даже очень её любить, но при этом она всё равно остаётся для него всего лишь собакой — партнёрство, далёкое от равенства.

Сама хрупкость человеческой жизни впервые предстала передо мной в таком ракурсе. И мне этот ракурс не нравился.

Потому что я, такой весь из себя умный, красивый, богатый, сексуальный, аристократичный и многое другое в превосходной степени ничего, мать его, не мог сделать для того, чтобы спасти людей. В час X я был перед лицом испытаний такой же овцой, хаотично мечущейся в поисках спасения, как и любой другой, в моём видении не такой красивый, умный и сексуальный.

Я был бессилен что-либо изменить. Трясущимися руками кое-как удалось выхватить у смерти всего лишь две жизни! А перед глазами мелькало столько лиц! Женщина в красной куртке, отчаянно кричавшая, что ей нужно домой, к дочке, что у них кроме друг друга никого нет. Муж и жена в летах, около шестидесяти лет, оба кругленькие, как поросята, но с добрыми лицами. Они не смогли протиснуться ближе к берегу через ряд машин. Им обоим было страшно. И по лицам видно, до какой степени хотели жить.

А отец с двумя детьми? Удалось ли ему спасти девочку со смешными косичками?

Я ничего не смог для них сделать. Почти ничего. Может быть моё предупреждение и дало какой-то шанс, но этого мало в игре с такими ставками.

— Эй, парнишка. Ты в порядке? — похлопал меня по плечу всё тот же полицейский с усами, что минутой раньше предлагал кофе.

— Похоже, у него шок, — предположила женщина в бело-синей униформе.

Наверное, врач? Или медсестра.

— Со мной не всё в порядке, но шока у меня нет, — отрезал я, всучив полицейскому обратно в руки бесполезный для меня кофе.

Я думал, мы выбрались из Ада, но на самом деле он поджидал нас и на берегу. Раненные — их было так много!

— Боже мой! — выдохнула Мередит, глядя расширившимися от ужаса глазами на добрую сотню людей, лежащих кто где — на носилках, подстилках, а кто-то и просто на голой земле.

Из реки поднимали новых пострадавших. Не всем повезло так, как нам: летящие вниз балки и автомобили дробили конечности, головы, вонзались в тела.

При виде молодой девушки, из бока которой торчала металлическая амбразура, я почувствовал, что меня сейчас вывернет на изнанку.

Сколько раз втыкали ножи в меня, сколько раз, бывало, я сам развлекался подобным образом с Ральфом, но... то было совсем другое. Не так.

Девушка была в сознании, кричала, что ей больно.

— Потерпите! — прикрикнула на неё молоденькая медсестра, по годам немногим старше Мередит или Катрин. — Лежите смирно! Вы меня слышите?!

Медсестра орала на раненную. Скорее всего не потому, что была бездушна. Ей самой было очень страшно.

Но девушка не могла лежать спокойно, потому что я даже отсюда чувствовал её боль.

— Я хочу жить. Не хочу умирать! Не хочу! Пожалуйста! Помогите! Пожалуйста...

Я присел, опустившись рядом с ней на колени.

— Вы врач? Вы можете?..

Голос её затихал, на губах пузырилась тёмная, густая, вязкая кровь. Становилось понятно, почему медперсонал обходил девушку стороной — спешили к тем, кого, по их мнению, ещё можно спасти, а в глаза смерти глядеть никому не хотелось.

— Вы ведь врач... вы врач? — судорожно хватала она меня за руки.

На щеках девушки лихорадочно горел румянец, глаза туманились.

— Я не врач.

— Я... я ещё не жила совсем... — всхлипывала девушка слабо. — У меня даже парня не было... я даже не целовалась ещё ни разу! Я... я к маме хочу... домой...

Слова делались едва различимыми.

Я видел, что душа её вот-вот покинет тело. Она и так держалась только желанием жить

и страхом перед смертью.

— Вы... вы не поможете? Так больно! Так... хочется... жить...

— Я помогу. Только ничего не бойся. Считай, что это всего лишь сон. Ладно?

Девушка слабо кивнула.

Если выживет, и впрямь будет думать, что я явился ей в бреду.

Склонившись над её губами, я коснулся их так, как прикасаются при поцелуе.

Коротким ударив себя кулаком в область желудка заставил собственную кровь внутри моего тела подняться вверх, переливаясь из моего рта в её, будто разделяя собственную силу на две части, делясь с ней даром (или проклятием?), данным мне от рождения.

Боль, грызшая меня с самого утра, усилилась, будто зверь принялся терзать внутренности. Я застонал, не сумев сдержаться.

Девушка обмякла в моих руках, засыпая.

Кровь Элленджайтов это кровь Элленджайтов — волшебный целебный эликсир, заживляющий любые раны.

Рывком вытащив металл из бока девушки, я зажал рану рукой, одновременно пытаюсь обезболить процесс.

Она слабо застонала, ресницы её задрожали.

От моей руки шло отчётливо видимое золотистое свечение, будто я прикрывал ладонью свечу.

Зверь жрал внутренности всё беспощаднее. Перед глазами плавали противные мелкие чёрные мошки. Зато девушка осталась жива. На месте рваной раны в её боку остался лишь порез, довольно глубокий, но внутренности восстановились и нормально функционировали — я это чувствовал.

Поднявшись на ноги, я понял, что меня штормит.

Я закашлялся, пытаюсь отделаться от изнуряющей боли хоть на секунду, но каждый вздох не облегчал, а лишь усиливал ощущения.

Неприятное чувство, будто за мной наблюдают, заставило обернуться.

Катрин стояла рядом и глядела на меня. Не знаю, что она видела. И что из увиденного поняла.

— Ты в порядке?

Боюсь, голос мой звучал несколько грубее, чем мне того хотелось.

— Что ты делал? Что я сейчас видела? Кто из нас сошёл с ума — я или ты?

— Я спас девушке жизнь. Допускаю, что со стороны процесс смотрелся полным извращенцем.

Я сделал шаг навстречу к моей слишком правильной, слишком рациональной невесте.

— Не подходи ко мне! — испуганно отшатнулась Катрин, с ужасом глядя на мои руки.

До меня только сейчас дошло, что окровавленный прут я ещё так и не отпустил.

Я решил не фиксироваться на случившемся, переключить её внимание на другое%

— Катрин, это чертовски здорово, что ты пришла в себя. Ты же почти врач?

— Я не врач. Я ещё даже не интерн.

— Не врач, так медсестрой вполне сгодишься, — отмахнулся я. — Погляди, скольким людям вокруг нужна твоя помощь. Своё презрение выльешь на меня позже. Сейчас нам есть чем заняться.

Она понимающе и согласно кивнула.

— Дядя? Красивый дядя!

Девочка из машины? Живая? Слава богу!

— Привет, красавица, — подхватил я малышку на руки. — А где твой братик и папа?

— Не знаю. Папа пошёл искать братика.

— Вы его потеряли?

Девочка смотрела на меня круглыми глазёнками и молчала. Впрочем, ответ очевиден.

— Видишь ту тётю? — кивнул я на женщину полицейского. — Беги к ней. И не отходи от неё ни на минуту, ладно? Как только отыщу твоего папу или братишку, дам тебе знать.

— Обещаешь? — всхлипнула девочка.

— Даю слово.

Девочка послушно направилась к тёте, на которую я ей указал.

— Думаешь, её отец жив? — тихо спросила Катрин.

Я пожал плечами. Другого ответа у меня не было. Я Элленджайт, а не бог.

— Пойдём, посмотрим, кого ещё спасти, — потянул я Катрин за собой. — На пару-трое подвигов меня ещё хватит. Остальных будешь спасать сама.

Катрин и Мередит перевязывали раненных.

Я попытался путём наложения рук снять болевой синдром у пациентов с ожогами. Способ с кровью задействовать на виду у людей не решился. Да и силы потихоньку убывали.

Отдельно спасибо Синтии. Если бы не её вчерашние упражнения, я бы вырубился, наверное, значительно позже.

Когда я очнулся в больнице рядом была Катрин. Она сидела на табурете и невозмутимо читала книгу.

Солнечный свет больно ударил по глазам. Я попытался закрыться рукой, но не получилось. Она была всё равно что привязанная из-за дурацкой трубки, ведущей к капельнице.

— Эй! Это ещё что? — возмутился я.

— Глюкоза, — охотно пояснила Катрин, откладывая книгу. — У тебя была большая кровопотеря и общий упадок сил.

— Сами диагностировали, доктор? Или кто помог? — с сарказмом поинтересовался я.

— Я не доктор, — снова напомнила Катрин мне.

— Вот что, не доктор и пока ещё даже не интерн, отстегнуть эту ерунду сумеешь?

— Сумею. Но не стану. Тебе нужно лежать и поправляться.

— Я сам справлюсь. Глюкозы в трубках в этом процессе лишнее.

Рука Катрин легла на мою ладонь, прижимая её к кровати:

— Альберт, будь благоразумен.

— Я прекрасно могу поправиться в куда более уютно обставленной комнате. Зачем ты вообще позволила приволочить меня в больницу?

— Ну, на самом деле меня не особенно спрашивали.

— Тебе следует научиться командовать.

— Думаешь?

— Уверен. Я планирую завести большой штат прислуги. Так что тебе потребуется быть не только красивой, но и властной.

Попытавшись сесть, я обнаружил, что мне не особенно-то полегчало. Внутренний голодный зверь никуда не делся и продолжал с аппетитом терзать меня болью.

— Альберт? — изменилась в лице Катрин. — Что с тобой?

— А что не так?

Мой голос снова звучал почти грубо. Но пойдёшь, проконтролируй себя, когда всё тело ломит при каждом движении так, будто тебя на ленточки маньяк порезал.

— Ты болен, — мягко сказала Катрин, будто разговаривала с ребёнком или душевнобольным. — Тебе нужно...

— Катрин! Мне не помогут витаминки. Так что не вижу смысла дольше здесь находиться. Кстати, а сколько времени я тут, по твоим словам, отдыхаю?

— Со вчерашнего вечера.

— Не так уж и долго. Вот ведь черт! Я планировал романтический вечер примирения, а вышла такая пакость. Ну ладно. Это исправимо.

— Ты действительно хочешь собраться и уехать из больницы? Альберт! Это же безумие! Ты не в том состоянии...

— Принеси мне одежду и... — взглянув ей в лицо, я невольно смягчился, — и не будем тратить впустую время.

Разобиженная и расстроенная (вот чем я её обидел и расстроил, а?!) она вышла из палаты. Надеюсь, что всё-таки за одеждой, а не за психиатром с большим шприцом снотворного и смирительной рубахой.

В светлой до дурноты палате было прохладно, спокойно и пахло лекарствами.

Нет, витаминки боль унять не смогут. Тут нужно средство посерьёзней. А стоит начать снова принимать наркотики, и я на шаг приближусь к себе из прошлого.

Теперь, наверное, их выбор куда разнообразнее? И эффект — интереснее?

Чёрт, неужели я всерьёз обдумывая этот вариант?!

Но как ни сильна у человека воля, рано или поздно он всё равно начинает искать облегчения своим мукам. А тут выбор — либо вернуться к Синтии с просьбой снять наведённую ею порчу, блин. Либо попытаться снять болевой синдром как-то иначе.

Синтию я точно просить ни о чём не стану. Не дожждётся. Потерплю, пока терпится. А когда станет невтерпёж... вот тогда и вернусь к варианту номер два.

— Вот твоё одеяло.

Катрин аккуратно положила её на стул.

Она усиленно напускала на себя независимый, холодный вид, но обида так и проскальзывала через все её маски.

— Наверное, следует вызвать такси, — я решил делать вид, что ничего не замечаю. — Наши авто, как понимаю, теперь на дне залива?

— Хорошо. Я вызову.

— Можешь подождать меня внизу. Не обязательно подниматься по лестницам сто раз.

Я неторопливо натянул брюки, туфли и светлую водолазку (раз уж обожаемые мной белые рубашки с пышными рукавами остались в далёком прошлом, пришлось искать возможный аналог), уже собираясь застегнуть ремень, когда проворные, шаловливые женские ручки возбуждающе скользнули по ширинке, обнимая со спины.

— Помочь, милый?

Это совершенно точно не Кэтти. Не её амплуа.

— Вообще-то... сам справлюсь, — ответил я, поворачиваясь к Синтии лицом.

Она продолжала меня обнимать, глядя с провокационной, вызывающей улыбкой, одновременно полной обещания и издёвки — фирменная улыбка Синтии.

— Вообще-то ты, на самом деле, неважно справляешься. Я бы сделала это лучше.

— Очень может быть. Но на это у меня сейчас нет ни времени, ни настроения. Сестрёнка, не поверю, будто ты не заметила — меня ждёт моя невеста.

Остро наманикюренные ногти вонзились мне в шею, оставляя на неё алые царапины:

— Дерзишь? — ласково протянула Синтия. — Не боишься Пожалеть?

— Нет. — сжав её руку я снял её с шеи.

Синтия теперь выглядела сердитой и расстроенной. Не поручусь, что обида её была искренней, а не напускной.

— Когда мы увидимся? — тряхнула она головой. — Нам нужно поговорить.

— Я позвоню.

— Когда?

— Завтра. А сейчас — уходи. Не хочу расстраивать Катрин.

— Вот как?! А как же на счёт меня? Мне можно расстраиваться.

— А с какой стати?

— С какой стати?! Не успела я найти тебя, как ты едва снова не погиб! Ты за смертью по пятам бегаешь, что ли? Никак не оставишь свои суицидальные наклонности?

— Синтия, это случайность. На этот раз никаких преднамеренных глупостей я не делал и даже не собирался.

— Трудно поверить.

— На мосту было много людей. Следуя твоей логики, все они склонны к суициду? Иди и будь спокойна. Я буду жив и здоров.

— Ладно, — тряхнула она головой. — Будь, по-твоему. На сегодня я тебя отпускаю. Но завтра жду у себя.

Синтия ушла.

Царапины, оставленные ею, быстро затянулись. А саднящее неприятное чувство осталось.

ГЛАВА 5. Катрин. Соперницы

Катрин была бы рада оказаться в любом месте где светло, где звучат людские голоса. В темноте всплывали картинки из недавнего прошлого: вода, отчаяние, кровь, смерть.

С тех пор как они приехали в Эллинж жизнь изменилась не в лучшую сторону. На поверхности всё выглядело гладко, но постоянное напряжение, предчувствие надвигающейся беды не оставляло её ни на минуту.

Беда эта была связана с Альбертом — всё было связано с Альбертом так же тесно, как жизнь с дыханием.

Его присутствие причиняло боль словно засевшая заноза. Но даже самой себе Катрин не желала признаваться, что больше всего страшится того момента, когда Альберт уйдёт.

А в том, что рано или поздно он уйдёт, она даже не сомневалась и потому изо всех сил пыталась бороться с тягой к красивому, странному, совсем не похожему на других людей, юноше.

Но можно ли не слушать музыку? Не вдыхать свежий воздух, напоённый запахом трав? Не подставлять лицо дующему ветерку? Не оборачиваться на резкий, как выстрел, звук?

Не влюбиться в Элленджайта, когда он рядом?

Есть вещи и явления, которые объективно вызывают определённую реакцию. И есть люди, на которых невозможно не реагировать.

Цветок поворачивается за солнцем потому, что это в его природе. Люди проникаются

необычным и красивым, потому что такова их природа. Можно сколько угодно спорить с природной — нельзя её победить.

Холодный ветер студил шею, теребил волосы и норовил забраться под воротник. Катрин подняла его выше.

Свет от фонаря коротко мигнул. Фигура, сливающаяся до этого с тенью, отделилась от стены, двинувшись навстречу — тонкая женская фигура, затянутая в чёрное. Кожаные брюки, кожаная куртка, высокий конский хвост. Капризные губы, яркая помада, густо подведённые глаза. Катрин с трудом признала в этой девицу, похожей на ночную бабочку, свою мучительницу из склепа.

Госпожа Элленджайт...

— Привет, — остановилась Синтия в нескольких шагах, подчёркнуто-демонстративно разглядывая её.

Катрин не ответила.

Ей казалось, что при виде проклятой сестрички Альберта ей должно стать страшно. Это логично бояться того, кто непонятно каким чудом исхитрился пережить столетия и воззвать из праха брата, пролежавшего мёртвым добрую сотню лет.

Это нормально, испытывать страх перед существом столь упёртым, что его не останавливают никакие преграды и запреты. Кто, идя к цели, готов пройти даже по трупу собственной матери.

Но Катрин не испытывала страха. Она испытывала ненависть.

Это вульгарно одетая красотка, фальшивая от начала до конца, потому что ни в малейшей степени не была тем, кем выглядела, стояла между Альбертом. Если бы не эта светловолосая гадина, он был бы другим. В Альберте много хорошего. По-настоящему хорошего. Такого, что не часто встретишь в людях.

Но эта змея-искусительница делала всё, чтобы пробудить в нём всё самое темное.

Хуже того — ей это удавалось.

Нет, Катрин, конечно же, не была настолько наивна чтобы полагать, что Альберта, будто телка на верёвочке, можно повести куда-то против его воли. Но, не будь Синтии, не было бы и этой многолетней привязанности, этой извращённой любви, наполовину состоящей из дружбы, наполовину из общего прошлого и на треть из дикой, кровосмесительной, противоестественной похоти.

Если Альберта представить картиной — Синтия была пачкающей её грязью; если драгоценным камнем — затаённая трещиной, если цветком — шершнем.

Как ни глянь — змея! Ненавистная гадюка.

Пусть Альберт выбрал бы другую девушку, Катрин со временем, смогла бы с этим смириться. В конце концов, ей не привыкать уступать лавры другому — так уж сложилась жизнь, что на её долю всё чаще выпадала работа, а не праздник. Но знать, что, выбирая Синтию он выбирает тёмную сторону самого себя было не просто душевной раной — это походило на ожог.

Синтия его погубит.

Тот мягкий свет, что был в нём — она погасит его. Раз за разом будет пытаться превратить его в подобие самой себя: пустой, как могила и холодной, как мертвая царица.

Если бы только ненависть могла убивать!

Но что ненависть для той, что пережила столетия?

— А ты живучая! — ухмыльнулась Синтия в лицо Катрин.

Глаза белокурой стервы были спокойны и темны, как омут. И так же холодны.

— Всё никак не сдохнешь?

Катрин глубже запустила руки в карманы. Хочет спровоцировать её на ответную грубость? Обломается — не дождётся.

— Ты ведь Альберта ждёшь? — сощурилась Синтия, сделавшись похожей на кошку, готовую вот-вот прыгнуть и придавить лапой мышь, с которой до этого только играла.

— Жду.

— О! Всё-таки умеешь говорить? А то я, грешным делом, начала думать, что ты немая.

Катрин передёрнула плечами:

— Я сделала ошибку, что вышла из больницы. Там ты, возможно, не посмела бы ко мне приставать.

— Приставать? — рассмеявшись, облизала кровавые губы Синтия. — Хотя... смотря какой смысл вкладывать в эти слова. Но ты права в одном, мам слишком много света. А я не хочу, чтобы Альберт видел нас вместе. Он, дурачок, привязался к тебе — мужчины любят незащищенных женщин. А Альберт, ты, наверное, заметила? Он такой рыцарь!

— Возможно, всё дело в том, что он благодарен мне за то, что я помогла ему выжить? Я не бросала его, как ты.

— Я его тоже не бросала. Мне просто было нужно, чтобы вы оказались рядом. Как бы иначе ты смогла в него влюбиться? Выйти за него замуж? Я не жадная, бери, пользуйся. Всё равно ты скоро сдохнешь. Исчезнишь, будто тебя никогда и не было.

— Альберт в курсе твоих планов?

— Признаться, он их не одобрил. Это для него свойственно — всё усложнять. Но пока я вынуждена с ним считаться — живи.

— Спасибо.

Синтия вздохнула:

— Альберт моё единственное слабое место. Вот так шестёрка и бьёт туза, а змея кусает собственный хвост. Любовь — это слабость, от которой не хватает сил отказаться, потому что в мире без слабостей сила теряет смысл.

— Мне не интересны твои чувства, Синтия. Я не собака, чтобы мне со скуки изливали душу.

— Я изливаю её тебе вовсе не со скуки. Я хочу, чтобы ты знала своё место. Не смей переходить мне дорогу. Альберт — мой! Он принадлежал мне до твоего рождения и станет принадлежать после твоей смерти.

— Если ты так сильно в этом уверена, что ж пользуешься каждой свободной секундой, чтобы лишний раз мне об этом сообщить?

— Встанешь у меня на пути, и я тебя уничтожу.

— Уже одно то, что ты всё это мне сейчас говоришь, способно внушить надежду.

Катрин говорила правду. Если до этого момента она планировала тихо отойти в сторону, то теперь её охватило неистовое желание бороться. Почему нет? Если бы не было шанса, соперница перед ней сейчас не стояла бы и не сыпала сквозь зубы угрозами.

— Надежду на что?

Синтия наступала агрессивно, но Катрин не была намерена ей уступать.

— Кто ты такая, чтобы мне мешать? Девочка, ты раскрываешь рот на кусок, который тебе никогда не проглотить.

— Откуда ты можешь это знать? Я, как и ты, Элленджайт. И пусть тебя не смущает мой

обманчиво кроткий вид. Возможно, я не смогу до конца постоять за себя, но я, однозначно, буду пытаться.

— Прежде чем пытаться, нужно для начала определиться с целью, которую хочешь достичь. Готова ли ты всю жизнь быть второй? Или, может быть даже первой, но никогда — единственной? Всю жизнь делить того, кого любишь, со мной? А помимо меня, его постоянной тени, будут другие, вспыхивающие, словно звездочки, бабочки-однодневки. Альберт и сам-то едва запомнит их имена или лица. Но ты будешь знать — они были, они есть, они будут. И жить с этим знанием очень больно.

Синтия вздохнула, зябко поведя плечами. Ничего удивительного. Её эффектная куртка как-то не производила впечатления тёплой и комфортной. Для комфорта на ней было слишком много острых заклёпок.

— Я знаю, Катрин, у тебя нет причин меня слушать. Ты видишь во мне врага, но на самом деле я не хочу тебе зла. В моём отношении нет ничего личного — имею ввиду ту маленькую сцену в склепе. Просто я хотела получить Альберта, а ты была моим лотерейным билетом. Тебе удалось выжить? Отлично. Я не против. Но теперь для твоего же блага самое время отойти в сторону. Чтобы ты там себе не придумывала, ты не такая как мы — он и я. Жизнь с нами превратится для тебя в ад.

Катрин в упор посмотрела на эту пантеру, которая не пойми с какой радости решила прикинуться пушистой кошечкой.

Да за кого она её держит?! Неужели и впрямь думает, что можно купиться на сладенький сироп в её голоске? Фальшивая злобная стерва! Змея. Гадюка.

— Я не собираюсь жить с тобой. Я на порог тебя не пушу.

— Придётся. Не может же брат не знаться с родной сестрой? — издевательски засмеялась Синтия. — Увидимся, Катрин. Думаю, скорее, чем тебе бы хотелось.

Поспешное отступление Синтии объяснялось появлением Альберта.

Они почти столкнулись, обменявшись взглядами и довольным он явно не выглядел.

— Ты ещё здесь? Ты же обещала...

— Не нервничай, братец, я уже ухожу. И ничего плохого я твоей невесте не сделала, — мурлыкнула Синтия, посмеиваясь. — Правда, крошка?

Круто повернувшись на тонких высоких шпильках, Синтия Элленджайт направилась в сторону огромного, агрессивно сверкающего в отсвете фонарей, джипа.

Катрин так и подмывало толкнуть бесовку в спину. Но, естественно, она этого не сделала.

— Тебе нужно было бы подождать меня в больнице. Здесь слишком холодно, — передёрнул плечом Альберт, распахивая перед Катрин дверь в нутро автомобиля.

В салоне было не теплее. Пока мотор не прогреется, придётся терпеть.

— Далеко отсюда до отеля?

— Мы не поедим в отель.

— А куда поедем?

— Домой.

— Нет у меня дома, — буркнула Катрин, поглубже запуская руки в карманы куртки.

Альберт скользнул по ней взглядом:

— Есть. Ты просто пока ещё к нему не привыкла. Но он всё равно ждёт тебя.

— Я...

— Не спорь. Ещё утром я распорядился перевести наши вещи. В доме уже хозяйничает

прислуга. Наверное, протопили комнаты и накрывают на стол?

— С трудом представляю, что смогу проглотить хоть кусочек.

Катрин чувствовала себя вымотанной и уставшей. Меньше всего ей хотелось выяснять отношения, ковырять болячки. Но, с другой стороны, если она не заговорит о Синтии сейчас, не обсудит то, что случилось, потом обсуждать проблему станет поздно, словно бы и ни к месту.

Альберт вёл машину так ровно и мягко, печка, наконец, нагрела воздух и тянуло в сон.

— Приехали, — вырвал Катрин из полудрёмы его тихий голос.

Дом во мраке походил на корабль. Светились окна на первом этаже. На втором в некоторых будто ловили его отсвет. Наверное, камин?

— Идём, — позвал Альберт.

Тепло охватило иззябшие руки, обнимая за плечи ласково и расслабляюще.

Альберт взял Катрин за руку и потянул за собой вглубь дома.

Она переступила порог большого особняка, не чувствуя к белокаменному исполину ни симпатии, ни отторжения. Сложно представить, что когда-нибудь может прийти время, и эти ступени, перила, эстампы на стенах могут стать ей родными.

Дом выглядел более жилым и обитаемым, чем в прошлый раз. Чувствовалось присутствие людей, но они были словно невидимки.

— Я распорядился, чтобы нас не ждали, — пояснил Альберт, прочитав вопрос в глазах Катрин.

— Когда успел?

— По телефону это недолго.

Он упал в одно из мягких светлых кресел, окруживших кофейный столик стройным рядом.

— Мне хотелось, чтобы этот вечер запомнился чем-то особенным. Правда говорят, с желаниями нужно поосторожнее. Обыденным день не назовёшь, это верна. Но я как-то иначе представлял себе его события. Ты так и будешь стоять? — откинув упрямую светлую прядь со лба, раздражённое тряхнул головой Альберт.

— Боюсь, если сяду, встать уже не смогу. Усну прямо в гостиной.

— О чём вы говорили с Синтией?

Вопрос прозвучал с неожиданностью выстрела. И почти так же резко.

— Она тебе угрожала?

— Нет. Скорее давила на психику. Говорила, в общем, очевидные вещи...

— В чём же их очевидность?

— Ты собираешься поставить точку в ваших отношениях? — задала она прямой вопрос. — Я понимаю, после всего, через что мы прошли сегодня, говорить об этом не совсем уместно. Я и не настаиваю на немедленном ответе. Но я не хочу притворяться. Для меня вопрос принципиальный и он встанет ребром: либо я — либо она.

Синтия предполагает, что она вне конкуренции. Её легко понять. За ней прошлое, вы во многом похожи. А я даже не уверена, что мне вообще есть что тебе предложить. Кроме твоих денег, разумеется. Это всегда пригодится.

А вообще, если говорить на чистоту, мне непонятно, как такая умная Синтия допустила, чтобы наследницей оказалась не она?

— Сложно притворяться моложе чем ты есть из столетия в столетие. Это накладывает определённого рода ограничения. Так что Синтия здесь не причём. Ей просто приходится

играть по чужим правилам.

Катрин поморщилась:

— Мне безразличны трудности Синтии. Если они и вызывают во мне что-то, то только злорадство. Если ты не заметил, твоя драгоценная сестрица мне не нравится, Альберт.

— Чего не отнять у неё, так это искусства внушать ненависть другим женщинам. Наверное, это особенность компенсирует талант внушать страсть мужчинам?

Катрин фыркнула:

— Это ты сейчас на место меня так поставил? Вроде как: «не завидуй, не ревнуй, не пытайся достичь недостижимого»? Отвечу на это просто — трудно проникнуться симпатией и сочувствием к человеку, знакомство с которым началось с его попытки тебя убить. Мне не нравится роль жертвы, что вы упрямо пытаетесь мне навязывать: Синтия с ненавистью, того хуже, с жалостью.

— Я не считаю тебя жертвой.

— А кем ты меня считаешь? — вскинулась она. — Кто мы? Что нас связывает? Необходимость? Обстоятельства? Какие обязательства мы имеем друг перед другом? Я согласилась стать твоей невестой с тем, чтобы в дальнейшем сделаться фиктивной женой. Если мы только друзья и ничего более, то я хочу услышать об этом от тебя здесь и сейчас. Я готова играть по любым правилам, но считаю, что заслуживаю хотя бы узнать их! Я требую честности, Альберт. Честности и уважения. Я имею на это право.

— Согласен, — кивнул Альберт.

— Тогда скажи мне, чего ты ждешь от нашего союза?

Альберт вздохнул:

— Для меня странно обсуждать такие вещи словно контракт. Как-то все это слишком прямо, по-деловому, в лоб.

— А для меня неприемлемо и мучительно теряться в догадках, мучиться подозрениями и переживаниями. Может быть это и не романтично? Я не сильна в романтике, в искусстве флирта и обольщения. Во всём том, что у твоей Синтии на сто очков вперёд.

— Оставь уже Синтию в покое, — поморщился Альберт.

— Это пусть она оставит меня в покое! — вскипела Катрин. — Я не искала её общества ни тогда, ни сейчас! Я не угрожала ей. Не переходила дорогу. Не говорила колкости. Не ко мне, а к ней следовало обратить эту фразу! Чему ты улыбаешься? — раздосадовано воскликнула Катрин.

— Ты закатываешь мне сейчас сцену ревности? Я правильно понимаю?

— А это смешно?

— Вот умница, даже отпираться не стала? Катрин, но для начала ты бы хоть поцеловалась со мной для приличия, что ли? А то предъявляешь права, избегая обязанностей.

— Прежде чем взять на себя обязанности, я хочу понять, какие права... — Катрин вдруг осеклась на полуслове, замолчав, понимая, что говорит совсем не то, что следует, а главное, вовсе не то, что чувствует.

Права? Обязанности? Её заботит не это.

— Альберт, я... я не хочу любить того, кто меня не любит — не полюбит никогда. Не хочу изводиться пустой ревностью, исходить злостью. У меня одно сердце, и я хочу подарить его тому, кому оно может принести если не счастье, так хотя бы радость и покой. Мне нужен мой дом. Мой! Не роскошный, не полный прислуги и дорогой мебели — просто место, где

мне будет хорошо, даже если этот дом будет в одно маленькое окошечко, я буду там счастлива.

Синтия сегодня наговорила много ерунды, но одно она сказала совершенно правильно — я не сложный человек. У меня всё просто. Любить одно, увлекаться другим, хотеть чего-то третьего — мне это непонятно. Я хочу то, что я люблю. И отдам себя этому всю, без остатка. Не делаясь на половинки, четвертушку и восьмушки.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что хочу услышать от тебя в ответ правду. Любую — но правду! Хочу знать, кто я, что я для тебя — друг, средство, пустое место? Чем суровее и отрезвляющее это прозвучит, тем лучше! Я не хочу ложной надежды...

— Ты для меня не пустое место, Катрин. И не средство обогащения и выживания, это точно. Ты и сама это прекрасно знаешь. Я в это верю.

— Я не знаю.

— Так чувствуешь! — перебил ей Альберт, поднимаясь. — Не можешь не чувствовать, — сказал он, приближаясь. — Хочешь правды? Изволь. Не я возвожу между нами барьер. Не я боюсь любить. Не я кутаюсь в свое одиночество, как в плед. Это делаешь ты.

— Потому что не хочу, чтобы ты разбил мне сердце.

— Каким образом?

— Позволишь мне поверить, что мы можем быть вместе, а сам уйдёшь к своей Синтии! А если не уйдёшь, так будешь ходить к ней от меня, что ничуть не лучше — даже хуже!

— Представь, что я не позволю поверить тебе ни во что. Просто соберу сейчас вещи и уйду. Тебе будет лучше?

Катрин моргнула, уставившись на Альберта в недоумении. Пытаясь понять, насколько он серьёзно это сейчас говорит. Судя по выражению лица — вполне себе.

— Ты не можешь уйти

— Почему? Потому что мне так нужны твои деньги? А если ты ошибаешься? Если они не так уж много значат, как ты воображаешь? Хочешь знать, какое значение имеет для меня легат Элленджайтов?

Катрин кивнула.

— Для меня это семья — то, что от неё осталось. Когда-то Элленджайты были силой, с которой приходилось считаться. Вместе, ты и я, мы сможем это возродить. Ты сильная, ответственная, чистая. Ты станешь мне хорошей женой, прекрасной матерью нашим детям. Хранительница очага, хозяйка Кристалл-Холла. Никто другой не сможет тебя заменить. Ты — моё будущее. Ты то, чему я буду служить. Ради чего стану жить.

— Служить ты будешь мне, а страсть и огонь отнесёшь Синтии? Я останусь на свету, а на будет в тени? Её ты любишь, а меня всего лишь хочешь любить?

Он мотнул головой, словно отгоняя навязчивый видения:

— Катрин! Чего ты от меня хочешь?! Я не отрекись от своей сестры!

— Так она и сказала!

— Но я не позволю Синтии отравлять тебе жизнь. Я не говорю, что наши... наши отношения будут продолжаться. Конечно, этого не может быть.

Голос Альберта звучал, как натянутая струна. Не фальшиво, но с каким-то надломом.

— Я просто не понимаю, что мне сделать, чтобы ты наконец услышала меня и поняла. Дай мне шанс — нам обоим. Если у нас ничего не получится ты всегда сможешь сделать то,

что хочешь сделать сейчас — уйти.

Думаешь, ты проявляешь этим силу? Уйти всегда легче, чем остаться. Любить труднее, чем отталкивать или прощать. Да тебе меня прощать пока и не за что.

— Хочешь сказать, что с момента воскрешения держишь целибат? — насмешливо фыркнула Катрин, но её попытки скрыть ревность были довольно жалкими. И она сама это понимала.

— Если у меня и были любовники, я не считаю это изменой, ведь у нас с тобой в этом плане ничего не было. Ты всё время ставишь меня в положение, в котором я должен оправдываться в чём-то. По-твоему, это правильно?

Она медленно покачала головой.

— Дай нам обоим время, Кэтти. Просто дай нам время.

Альберт, обняв Катрин за плечи, привлёк её к себе и запечатлел на лбу почти отеческий поцелуй.

Нельзя сказать, что Катрин это порадовало.

ГЛАВА 6. Альберт. Самоубийцы попадают в ад

Мне понравилось просыпаться в собственном доме. Обожаю чувствовать себя хозяином.

Я был в настолько благостном настроении, что всерьёз начал верить, что наши отношения с любимой сестричкой способны держаться в принятых обществом рамках.

Я мечтал о том, как женюсь на Катрин, обзаведусь бизнес-центром для себя, медицинской клиникой — для неё, возьму в рамки и буду крепко в них держать Рэя Кинга и его не на шутку разгулявшегося уличную банду. Словом, в то утро я планировал восстановить былую Ангельскую империю.

Может быть даже удастся завести детей? Конечно, после полунаучного-полумистического воскрешения не факт что на такие подвиги я ещё способен. Но помечтать-то можно?

Вновь падал снег. На этот раз густыми и белыми хлопьями. Пока смотришь на такой из окна, мир, окутанный им, кажется уютным. Но колёса на дорогах превращают белизну в грязь и в мутные воду. Однако не стоит себя расстраивать просящимися с голову аллегориями. На душе впервые со дня (а уж если быть точным — с ночи) встречи с Синтией было спокойно.

— Доброго утра, — раздалось с порога.

В отеле Катрин обычно носила джинсы и свитера.

Сейчас на ней был очаровательный халатик тёмно-вишневого цвета. Мне казалось, что выглядит она в нём очаровательно. Её не портили даже тёмные круги, залегшие под глазами.

Тут ничего не поделаешь. Предыдущая ночь, увы, стала не самой приятной в нашей жизни.

— Доброго утра, — с искренней радостью улыбнулся я ей. — Как спалось на новом месте?

— Кошмары, — передёрнула она плечами. — Но после вчерашней ночи они нашли бы меня в любом месте. Интересно, как чувствует себя Мередит?

— Обещаю спросить.

— Ты едешь к Филтам? — нахмурилась Катрин.

— Мне нужно кое-что обсудить с Линдой.

— Может быть, мне поехать с тобой?

— Тебе лучше отдохнуть.

— Как в этом огромном доме выпить кофе? — благоразумно предпочла Катрин сменить тему.

— Два вариант: первый — можно пройти на кухню и приготовить его. Второй — позвонить прислуге и потребовать принести.

— То есть, каждый раз как я захочу кофе, я должна звать прислугу?

— Ты ничего никому здесь не должна. Это твой дом. И кроме меня (а в некоторых случаях и включая меня) все тут должны тебе. Делай всё, что захочешь. Ну так что? Пошли на кухню? — протянул я ей руку.

Дождался, пока маленькая ладошка оказалась в моей ладони и потянул собой.

Мы миновали коридор и вошли на кухню.

— Как мило! — восхитилась Катрин, обводя взглядом помещение с терракотовыми стенами и белоснежной мебелью.

— И вправду уютно. Кофе, чур, готовишь ты. Справишься?

— Если только с растворимым, — смущённо улыбнулась Катрин в ответ.

— Растворимый кофе — это не кофе вовсе. Ладно, присядь. Постараюсь справиться сам.

Катрин послушно села на стул с белыми подлокотниками, больше походящий на кресло.

Пока я готовил, она сидела, чинно сложив руки на коленях, словно пай-девочка. Солнце золотило её светлые волосы, они нимбом окружали её хорошенькую головку. В эти утренние часы Катрин была неотличимы похожа на тех, чьё имя мы носили — настоящий ангел.

Надеюсь, такой она и останется.

— Капучино? Или чёрный?

— Капучино. С сахаром. Ты поедешь к Линде после завтрака?

— Да. Нужно получить от неё кое-какие документы и сведения. Поговорим о деле.

— Что за дело?

Вот ведь неугомонная!

— Катрин, прошу тебя, не утруждай мой несчастный мозг необходимостью пересказать то, что ему придётся делать. Возня с бумагами и финансами скучнейшая вещь на свете. Правда, до той поры, пока не впадёшь в азарт и не перестанешь видеть в мире ничего кроме них. Буду надеяться, меня эта доля минует.

— Можешь не вдаваться в подробности. Только скажи, что эти твои дела с бумагами никак не связаны с Рэем Кингом?

— Не могу я такого сказать. Потому что с ним они в первую очередь и связаны.

— Альберт!

Пальцы Катрин разжались. Серебряная ложечка с жалобным треньканьем упала на стол.

— Ты в своём уме?! Зачем подвергать Линду такому риску?!

— Риску? Какому риску?

— Как — какому риску?! Если то, что ты рассказал мне в прошлый раз правда, этот Кинг опасный безумец. Дорогих людей от такого следует держать подальше.

— Ну, не так уж мне эта хладнокровная юристка и дорога.

Лицо Катрин застыло. Вместо ангела передо мной сидела настоящая Снежная Королева.

— Пошутил, — тут же пошёл я на попятный.

Тем более, что это была правда.

— Не волнуйся. Не собираюсь я рисковать твоей драгоценной Линдой. Всё, что от неё

потребуется, составить подробный отчёт о движении финансовых средств по некоторым счетам. Всё! Даже из офиса выходит не придётся.

— Обещаешь?

— Слово скаута.

— Вообще, знаешь, у тебя несмешные шутки.

— Ты формируешь во мне комплекс неполноценности.

— Тетя и Ирис приедут сегодня? — снова поменяла Катрин тему разговора.

— Предложи им этот вариант. Но если они решат остаться в отеле, я плакать точно не стану, — сказал я, поставив на стол опустевшую чашку.

Голова закружилась от новой вспышки резкой боли. Ею мой организм отозвался на попытку пополнить потраченный энергетический запас за счёт напитка с кофеином.

Но пусть болит себе на здоровье сколько угодно. Главное, что прогресс на лицо — я перестал изрыгать из себя фонтаны крови всякий раз, как проглатывал кусочек пищи. Там глядишь, и до нормального пищеварительного процесса дойду.

— С тобой всё в порядке? — озабоченно спросила Катрин, не спуская с мне глаз.

— А что не так?

Она нахмурилась.

— Что? — повторил я.

— Не знаю. Может быть я схожу с ума? Или у меня в глазах двоится? Но ощущение такое будто невидимая фея вдруг наложила на тебя макияж. Ты словно светишься.

— Понятно. Иногда так действительно бывает. Привыкай.

— Когда так бывает?

— Когда крылья растут, — засмеялся я, поднимаясь из-за стола. — Ладно, если я хочу успеть сделать всё, что запланировал, мне нужно бежать. А ты отдыхай. Поспи, развлекись.

— Мне станет скучно, — пожаловалась Катрин.

— Не станет. Пока только с домом познакомишься уже полдня пройдёт. А часам к трём я вернусь.

— Если удержишься, позвони, — попросила она. — Боюсь, мне будет здесь одиноко.

— Ты не одна. В доме прислуга. Но я позвоню, не вопрос.

Я покидал дом в отличном расположении духа. Всё было так по-человечески, по-настоящему, так хорошо.

Машина завелась с пол-оборота и, крутанув руль, я рванул с места.

Но до пункта назначения не добрался. Меня ждала встреча с Ливианом. Я столкнулся с ним на пороге магазина, куда заскочил за сигаретами.

Есть люди, с которыми приятнее общаться в полумраке и в наркотическом угаре. На свету их предпочтительней не встречать. Ливиан Сатклиф как раз из таких.

Стоило мне его увидеть и ощущение чистоты и правильности, наполнявшие душу с утра ушли сразу, как вода через пробойну.

Судя по выражению лица Ливиана, он был мне рад не больше, чем я ему. Но мы столкнулись нос к носу, так что притворяться не признанными не было смысла.

— Привет, Альберт, — кивнул он сухо.

— Привет.

Взгляд у него был тяжёлый.

Руки Ливиан держал в карманах, глядя на меня с волчьим спокойствием. Ни дать, ни взять хищник в засаде. Может пропустить мимо, но всегда готов к драке.

Я уже было собрался пройти мимо, как из кармана Ливиана неловко выпали ампулы с морфином. Как назло, прямо мне под ноги. Я молча уставился на них, осмысливая происходящее.

— Подсматривать не хорошо, Альберт, — холодно протянул Ливиан, поднимая то, что уронил.

— Я не подсматривал. Но это не мешает мне задаваться вопросом, на какой срок потянет распродажа наркотиков в магазине?

— Не смешно.

Где-то я уже сегодня это слышал? Может с чувством юмора у меня действительно не так хорошо, как я думаю?

— Зачем тебе столько морфина? — поинтересовался я.

— Для личного пользования.

— Тут лошадиная доза даже для нас. Планируешь с кем-то делиться? С нашим любимцем Энджелом? В компанию не возьмёте? — зачем-то брякнул я.

Морфин мне и в самом деле не повредил бы. Боль совсем меня замучила.

Ливиан какое-то время смотрел мне прямо в глаза, а потом всё тем же ровным, спокойным, невыразительным голосом произнёс:

— У меня есть ещё один брат. Хочешь, познакомлю?

— Прежде чем скажу «да», хотелось бы уточнить, сколько же всего у твоего отца сыновей? Меня терзают смутное сомнение, что имя вам — легион?

— Что скажешь? Папочка не отличается сдержанностью темперамента и не считается с последствиями. При последнем подсчёте нас, вроде как, было трое: Энджел, я, Артур. Есть ещё Сандра, но её братом точно не назовёшь. Ну так что? Едешь со мной?

Мне бы отказаться, но любопытство и страсть ко всему новому взяли надо мной вверх.

— Еду. Расскажешь, почему об этом Артуре ты никогда раньше не упоминал?

— Откровенно говоря, мы не очень ладим. Я не горю желанием выставлять на общее обозрение моего брата. Артур впечатлительный и глупый дурак, — процедил Ливиан зло.

— Как-то не очень нежно ты о братике, — прокомментировал я полученную информацию. — Почему он впечатлительный-то?

— Тебе зачем?

— Ну, интересно. К тому же вдруг со своей равнодушной, эгоистичной точки зрения я смогу что-то дельное тебе посоветовать? Вдруг пригодится в налаживании отношений?

— Ты у нас эксперт по извращённой братской любви?

Не сдержавшись, я хохотнул, забрасывая руку на плечо Ливиану:

— Ты попал в яблочко почти не целясь, друг мой.

— Друг? — Ливиан бесцеремонно стряхнул с себя мою руку. — Ты всегда спишь с друзьями?

— Не всегда. Если секс со мной противоречит их религиозным или нравственным ценностям я, обычно, не настаиваю. К чему портить хорошие отношения из-за пустяков?

— С твоей железной логикой ведь и ведь не поспоришь.

— Ты, вроде как, собирался мне о братце что-то такое, клубничное рассказать?

— Угу, — угрюмо кивнул Ливиан. — Ваниль в шоколаде.

— Заинтриговал. Я весь обратился вслух.

Ливиан улыбнулся:

— С тобой сложно говорить серьёзно.

Улыбка делала его сумрачное лицо красивым. Возможно потому, что смягчала резкие, хищные черты.

— Глупо доверять едва знакомому человеку сокровенные вещи.

— А ты попробуй, — предложил я. — К тому же ведь не смотря на «едва» знакомы-то мы очень близко. К тому же не пытайся убедить меня, что в жизни не делал глупостей* Одной больше, одной меньше? Уверен, это не самая роковая. Не хочешь говорить подробностей? Не надо. Можно сразу перейти к сути дела, минуя откровенности.

Я спросил Ливиана прямо:

— Твоему брату нужна моя кровь?

Маска окончательно слетела с лица Ливиана.

Большинство людей надевают маски чтобы скрыть свои слабости. У Ливиана была маска наоборот. Он притворялся более человечным, уязвимым и ранимым, чем являлся на самом деле. Под улыбками и притворной мягкостью таился каменный лик истукана. Даже не по себе от него как-то.

Перехватив мой взгляд, он поспешно вновь спрятался, как улитка в раковину — черты и взгляд мгновенно смягчились.

— Ты прав, — не стал отпираться он. — Я был бы благодарен за помощь, если ты согласишься её оказать.

— Я, конечно же, не откажу, но... ты сам ведь уже пробовал, да?

— Артуру нужно много крови. Моей ему уже не хватает.

— А твой отец? Энджел? Ты пойми правильно, я не отказываюсь — просто не понимаю.

— Попробую объяснить. Хотя всё непросто.

— В нашей семье никогда ничего не бывает просто.

— Ваша семья не имеет к нам никакого отношения.

— Вот тут ты ошибаешься. Под разными фамилиями, в разные времена мы все равно остаёмся самими собой. Я это теперь точно знаю. Но потрачено как-то слишком много слов. Давай уже короче? Выкладывай, что случилось с твоим братом.

К этому моменту нашего разговора мы сидели в дорогом, словно с рекламного ролика, автомобиле Ливиана.

Вещи многое могут рассказать о своём хозяине.

Автомобиль Ливиана был баснословно дорогим и хрустально чистым. Больше никакой информации в себе не содержал. Даже сказать, как долго он находится на службе у своего владельца не получится — выглядел так, словно вчера с конвейера сошёл. Никаких лишних вещей, украшений, предметов — ничего, что носило бы оттенок индивидуальности.

Безлико. Энергетика не чувствуется от слова «совсем».

— Прежде чем говорить об Артуре, задам тебе ещё один вопрос: что ты думаешь об Энджеле? — спросил Ливиан.

— Я должен о нём что-то думать?

Поймав ледяной взгляд Ливиана, я развёл руками.

— Ладно. Твоя игра — твои правила. Ну, что сказать об Энджеле? Со своей младшей сестрёнкой, будь у меня такая, я бы этого парня точно не стал знакомить. И от своей жены постарался бы держать его подальше. Словом, по моему мнению, Энджел соблазнитель, обольститель и абсолютно бессовестен.

Ливиан криво усмехнулся:

— Будь у тебя младший брат, я бы его знакомить с Энджелом тоже не рекомендовал.

Дальнейших слов можно было бы уже не тратить. Ливиан сказал достаточно, чтобы всё понять. По крайней мере кое-какие догадки у меня уже складывались. Склонен полагать, что верные.

— Между твоими братьями интрижка? — не сдержавшись, фыркнул я, сам не знаю, презрительно или насмешливо. — Почему меня это не удивляет? Ваш отец не то, чтобы старался привить вам правильные нравственные ориентиры. Если он сам спит с вами, почему его должно напрягать, что между собой вы делаете абсолютно то же самое?

— А с чего ты взял, что моего отца это вообще хоть как-то напрягает? — удивился Ливиан. — Да не в малейшей степени. И напрягать вообще-то не может. О существовании Артура он не знает. Вернее, он не знает о том, что Артур его сын.

— Как так? — удивился я.

— Когда Артур родился, Виола уговорила Брэдли забрать ребёнка к себе, а отцу сказала, что тот родился мертвым.

— Рэй поверил в эту ересь?

— Почему ересь?

— У Элленджайтов дети, особенно мальчики, мертвыми не рождаются.

— Рэю на тот момент было плевать, кто у неё там родился, мальчик ли, девочка? Он периодически почти полностью теряет человеческий облик. Потом собирает себя по частям и становится... ну, почти (или сравнительно) нормальным. В хорошие периоды бывает весьма обаятельной личностью: умён, храбр, остроумен, красив, как бог. К нему легко проникнуться симпатией и даже куда более глубоким чувством.

Когда захочет, отец умеет держать своих демонов на поводке. Какое-то время. Но когда срывается, превращается в настоящее исчадие ада.

— Я видел.

— Ты ничего не видел, — с обречённостью и тоской проговорил Ливиан. — И дай бог тебе никогда этого не видеть, — тряхнул он головой, словно стараясь избавиться от мучительных воспоминаний.

— Ты рассказывал об Артуре.

— Да. Я помню. Ну так вот, Брэдли охотно взялся помочь Виоле. У него с Рэем тогда были хорошие отношения. Ну, настолько, насколько это вообще с Рэем возможно. Отец был ему обязан. Как позже выяснялось — обязан из-за меня.

— Как это? — удивился я.

— Рэй никогда не говорил мне, кто моя мать. Но знаю совершенно точно — это не Виола. И ещё знаю, что к ней он относился иначе, чем к матери остальных своих детей.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что, в отличие от Энджела, со мной отец никогда не спал.

Ну и ответ! Я даже растерялся, не зная, что сказать.

— Думаешь, что твоя мать настолько влиятельна, что Рэй боялся последствий их отношений?

Ливиан невесело рассмеялся:

— Боялся последствий? Это Рэй-то? Не уверен, что его в принципе возможно чем-то испугать. Нет. Он как-то говорил мне, что любил мою мать. Рассказывал, как, узнав о связи с его сестрой-близнецом, она отказалась от него. Не исключено, что он после этого её убил. С Рэя станется. Он же сумасшедший, — с тоской закончил он.

Повисла гнетущая тишина.

Голос Ливиана звучал так спокойно, будто ему не было дела до прошлого. Но сильно сомневаюсь, что это действительно так.

— Это твоя история. Но Виола-то с какой стати отдала своего ребёнка чужому человеку?

— Чужому, своему... да тут чёрт хромой лучше, чем родной отец. Она хотела защитить Артура и защищала, как могла.

— В чём заключалась защита?

— В том, что ребёнок не жил с Рэем. Брэдли выдавал его за своего кровного сына. Даже я узнал о том, что Артур — Кинг лишь после того, как... после того, как он выжил в условиях, в которых кроме нас выжить никто не бы мог.

— А что случилось?

— Он сбросился с крыши тридцатиэтажного дома.

Для меня тема самоубийств с недавних пор по понятным причинам болезненная тема.

Внезапно я открыл для себя, что при упоминании о суицидниках испытываю отвращение и гнев. Защитная реакция такая? Или, может быть, они для меня как вечный укор, напоминание о собственном неправильном решении?

Я дезертировал с поля боя, бросив всех, кого любил. И это имело последствия. За мою ошибку платили другие. Это омерзительно, до тошноты печально, непоправимо.

— Хорошо, что твой брат выжил.

Мой голос прозвучал холоднее, чем я того хотел.

— Ты так думаешь? А вот я вовсе не уверен. Наверное, я ужасный человек, но думаю, что было бы для всех лучше, если бы Артур добился своего.

— Он очень страдает?

— Судя по всему — да.

— Понимаю. Нет ничего хуже, чем наблюдать за болью любимого человека, не имея возможности помочь.

Ливиан усмехнулся, и его усмешка показалась мне воистину сатанинской.

— На самом деле есть кое-что хуже, Альберт. День за днём терпеть рядом присутствие человека, к которому не испытываешь ничего, кроме брезгливого презрения. Которого охотнее всего покинул бы навсегда, избегая с ним в дальнейшем всякого общения. Знать, что этот человек тоже не горит к тебе нежными чувствами, но быть прикованным к нему цепями долга. Хуже всего не иметь возможности разойтись.

Было такое чувство, будто температура всё время падала. Я поднял воротник пальто, машинально подув на пальцы.

— Я думал, ты любишь своего брата?

— Не люблю. Бывают даже такие моменты, когда я вполне понимаю Каина.

— Тогда почему ты не сбросишь эту ношу? Отдай Артура отцу. Или Энджелу.

— Энджелу? — прорычал Ливиан, так резко развернув машину, что мы лишь по какой-то счастливой случайности не врезались в столб.

Он посмотрел на меня так, будто видел на моём месте своего брата.

— С тех пор, как Артура парализовало, Энджел не навестил его ни разу! У него есть масса других, куда более увлекательных развлечений, чем сидеть с калекой, у которого хватило ума примешивать чувства туда, где им вовсе не место. Энджел ни разу не предложил мне свою помощь. Ни в чём. Как будто не имеет к случившемуся никакого отношения.

Я молчал. Что ж тут скажешь?

Заглушив мотор мы оба сидели и глядели перед собой, погружённые каждый в свои мысли.

Я думал о неизвестном мальчике.

Откровенно говоря, мне его было жаль. Полностью зависеть от такого человека как Ливиан... да от любого человека? Не сахар.

Древние суеверия правы. Все самоубийцы попадают в ад. Он может выглядеть поразному. И даже со стороны адом вовсе не казаться. Но сути это не меняет.

Мой ад — Синтия.

Ад неизвестного мне Альберта — кто? Ливиан? Энджел?

Он что, действительно влюбился в эту черноглазую белокурую сволочь?

Как можно влюбиться в мужчину? При всём том, что в моём собственном прошлом мужчин было не мало, пусть и в разы меньше, чем женщин, я всё же никогда не понимал, какие эмоции можно испытывать к представителю одного с тобой пола?

Для меня это всегда было игрой. Борьбой характеров. Удовольствием.

Элленджайты любят нарушать запреты, шокировать, ходить по краю, бросать вызов.

Но — любовь?

Если бы я искренне влюбился в мужчину я бы тоже спрыгнул с крыши.

Жаль паренька. Искренне жаль.

— Ну что? Пошли? — глянул на меня Ливиан.

Мне ещё не приходилось бывать в местах, подобных этому. Всё вокруг было серое: дома, деревья, машины, люди, лица. словно в мире не осталось красок. Дома высокие, этажей десять-двенадцать.

Куча покорёженного металла, зачем-то вкопанного в земле — я не сразу сообразил, что это жалкие останки детских аттракционов и качелей, перекрученных и переломанных чьей-то немилосердной рукой.

Предсказуемо и ожидаемо мы привлекли к себе внимание. На сей раз, правда, в глазах местного обывателя читался не любовный, а осуждающий интерес. Как будто окуклившиеся в платки и странные, естественно, серого или грязно-коричневого цвета, пальто, аборигенки заранее не одобряли всё, чего бы мы не сделали.

Мы ничего делать не стали. Просто пересекли грязный, воняющий кошачьей и, что ещё хуже, человеческой мочой, двор, и вошли в грязно-коричневую дверь.

Мир сузился до размеров, способных у нервного человека вызвать клаустрофобию. Стены надвинулись со всех сторон, словно желая раздавить нас.

Громыхая, как вскрытая консервная банка на палочке, лифт, оплёванный и грязный, распахнул перед нами мутное чрево и подкинул нас наверх, точно уж не скажу, на какой этаж, но точно, на один из верхних.

Наконец мы шагнули в квартиру. От серого мира нас отгородила серая дверь.

В квартире было немногим симпатичнее, чем на лестнице. Отсутствие женской руки заметно с порога — явно мужская берлога. Никаких рюшек или украшений, с помощью которых дамы выстраивают то, что представляет им уют.

— Проходи, — швырнув куртку под зеркало на тумбочку, пригласил Ливиан.

Квартира была небольшая. По моим меркам, так и вовсе крохотная. Справа от двери маленькая кухонька, в которой и двое с трудом разойдутся; двери в санузел, коридор не длиннее 10 футов, и две двери, одна напротив другой, ведущие в комнаты, длинные и

прямоугольные. Стены тут будто надвигаются на окна. Своеобразная архитектоника.

А ещё — словно бы совсем нет света. Его тусклое подобие.

Ливиан прислонился плечом к шкафу, скрестив руки на груди мрачно взирал на распростёртое по постели тело.

— Артур, я привёл к тебе гостя.

Я с интересом, к которой с первых минут примешивалась невольная жалость, разглядывал младшего брата Ливиана.

Артура легко можно было бы принять за хорошенькую девушку. Семейная хрупкость здесь усугублялась крайней худобой. Юноша выглядел почти бесплотным — ни дать, ни взять, сильфида. Ну, или в нашем случае, сильф?

Тонкие черты отличались изысканной правильностью. Серые глаза в длинных ресницах прозрачные и чистые, как родниковая вода или бриллианты. Светлые волосы платинового оттенка с лёгким голубоватым отливом без тени золота.

Прекрасный бескровный призрак.

При виде меня Артур встрепенулся, в глазах на миг промелькнула искра жизни. И тут же погасла, будто надежда, на миг вспыхнувшая в сердце так и не успела разгореться в пламя.

Ждали явно не меня.

— Гостя? Какое приятное разнообразие. С виду даже не похож на врача.

— Наверное потому, что я не врач, — подал голос я.

— К чему мне незнакомые гости, Ливиан? — подчёркнуто меня игнорируя, глядел на брата Артур.

Я не обиделся. В некоторых случаях природная обидчивость меня оставляет.

— Я могу попытаться тебе помочь, — сказала я.

По кукольному лицу Артура, словно судорога, проскользнуло выражение крайней скуки, граничащей с раздражением.

— И в чём будет заключаться твоя помощь? — индифферентным голосом поинтересовался он.

— Я поделюсь с тобой своей кровью.

Прозрачные, бриллиантового оттенка глаза обратились ко мне с выражением усталого терпения:

— Я настолько похож на вампира, что предполагается, будто чья-то кровь способна меня порадовать?

— Моя кровь не такая как у всех. В некоторых случаях она творит чудеса.

— В канун Нового года Санта-Клаус приносит детишкам подарки? — холодно блеснув глазами, язвительно процедил Артур.

Голос его звучал тускло, даже зло.

— А в Рождество чудеса повторяются словно серия сериала — для тех, кто пропустил в первый раз... только мне чудеса уже не помогут. Я бы предпочёл морфин.

— Почему не попробовать? Что ты теряешь? Хуже-то тебе уже вряд ли будет?

Он равнодушно скользнул по мне взглядом, пожимая плечами.

— Всегда может быть хуже. Но ты прав — почему не попробовать что-то новенькое? От всего старенького давно уже тошнит, — как лезвием резанул он взглядом по Ливиану.

Тот отлип о стены и направился к дверям:

— Развлекайтесь, мальчики. Я оставлю вас одних.

Скинув пальто, я нашёл, что в комнате довольно прохладно и зябко.

— Тебе не холодно? — поинтересовался я у Артура. — Можно было бы протопить и получше.

— Видимо, коммунальные службы так не думают. Им кажется, что температура оптимальная.

— Что такое «коммунальные службы»?

Артур удивлённо посмотрел на меня, но развивать тему не стал.

Мне она тоже не казалось интересной.

— Не возражаешь, если я присяду?

— Не возражаю, даже если приляжешь.

Взгляд у моего собеседника оставался равнодушным, почти мёртвым.

— Меня уже давно никто не обнимал. Раньше находилось много желающих, а теперь вот всё как-то больше предпочитают держаться на расстоянии. Все такие милосердные! И куда мне от вашего милосердия только деться? Ты вот, по лицу вижу, тоже сострадаешь? — губы Артура скривились зло, почти брезгливо. — К чему мне это?

— Я не собираюсь просто сострадать. Я хочу тебе помочь.

— Как?

— Уверен, Ливиан уже пытался сделать нечто похожее. Просто у него не получилось.

— Что заставляет тебя думать, будто у тебя получится?

— Делать что-то, пусть даже откровенную глупость лучше, чем не делать ничего.

— Делай, что хочешь, — равнодушно пожал плечами Артур, устало откидываясь на высокой горкой уложенные подушки.

Глаза его были равнодушны и неподвижны, словно у умирающего. Или у слепого.

Артур сдался. На самом деле сдался ещё до того, как его тело превратилось в темницу для его печальной души. Он не хотел бороться, не собирался этого делать.

Я в своё время насмотрелся на похожую картину. Ральф вёл себя так же. Он не хотел жить. Всех моих титанических усилий не хватило для того, чтобы заставить его желать нежеланное.

Не знаю — что, но что-то в Артуре меня зацепило. Взяло, как говорится, за живое, за душу.

Эта звенящая струна одним концом была закреплена за Ральфом, уходя за ним в темноту и в пустоту.

Я видел с безотчётным ужасом, что до этой самой бездны у Артура осталось всего несколько шагов. И со свойственной мне глупостью ринулся в битву с очередной мельницей.

— Подвинешься? — обратился я к нему.

— Нет.

— Не можешь или не хочешь? — уточнил я.

— Не могу — в первую очередь.

— Понятно.

Больше не задавая вопросов, я принялся расстёгивать на Артуре рубашку.

— О! Как многообещающе! — приподнял он бровь. — Но что-то мне подсказывает что всё будет целомудренно разочаровывающе?

— Тебя это огорчает?

— А не должно? Хотя оно, конечно, чувственные удовольствия не для калек. Будучи инвалидом это как никогда ясно понимаешь. Ты ведь не на столько добрый, правда?

Серые глаза смотрели колко, к насмешливому взгляду неприкрыто примешивался яд.

— Закрой глаза.

— Зачем? — искренне удивился Артур.

— Когда я гляжу в них, я отвлекаюсь.

Пожав плечами и насмешливо фыркнув для приличия, Артур подчинился, не тратя лишних слов.

С закрытыми глазами он выглядел ещё более ранимым и измученным.

Ещё до начала сеанса (или как назвать то, что у нас происходило?), я понимал, что ожидающие нас обоих ощущения будут не самые приятными. Что-то в хрупком, истощённом теле было поломано почти окончательно, это было видно даже без всякой науки или мистики.

Положив ладони Артуру на живот я, в свою очередь, закрыл глаза и сосредоточился.

Появилось привычное головокружение. Во рту явственно ощущался металлический привкус крови. В ушах зашумела кровь.

Потом резкая боль едва не заставила меня потерять сознание.

Моей главной задачей стало, во-первых, отделить ощущения Артура от собственных; во-вторых, понять, где локализируются его очаги боли. Дальше проанализировать и понять степень проблемы и, в итоге, как следствие, найти способы её решения.

Обычно у моих милых родственничков два крупных болевых очага. Первый, внизу, ближе к паховой области, связан чаще всего с нашей неразборчивой активной половой жизнью. Второй — в области желудка. Там находятся железы, вырабатывающие ферменты и гормоны, отвечающие за скорость регенерации тканей.

Принцип действия понять не сложно. Получив сигнал о повреждении тканей мозг даёт команду к выработке гормонов; гормоны устремляются к очагу поражения и ткани восстанавливают. Все токсины и шлаки снова собираются и возвращаются в область желудка.

Когда процесс завершается, случается то, что в нашей семье принято именовать приступом — вместе с фонтаном крови организм избавляется от всех отработанных продуктов.

Со стороны, естественно, это смотрится жутко. Поэтому, когда случаются приступы, никто из Элленджайтов не стремится оказаться в людных местах, на виду, в центре внимания.

В теле Артура не было острых очагов боли — всё его тело представляло собой сплошной её пожар. От позвоночника боль ветвилась, расходясь острыми лучами ко всем органам.

Боль не стихала и не увеличивалась — она была постоянной и невыносимой. И вместе с сердцем Артура моё сердце начало захлёбываться кровью.

Я отпрянул, с трудом выдерживая его насмешливый и одновременно уставший взгляд.

— Ты точно не хочешь попробовать со мной переспать и за одно почувствовать, какого это? Уверен, ощущения будут феерическими.

— Настолько, что тебе вряд ли удастся их пережить, — зло огрызнулся я.

— Не особо огорчусь если и так. Но я лишён возможности настаивать. Я вообще лишён каких-либо возможностей. Перебитый позвоночник, знаешь ли?..

— Когда принимаешь морфин, ты можешь двигаться?

— Что? — не понял Артур.

— Твой позвоночник давно восстановился, Артур. Ты не парализован.

Он посмотрел на меня, как на идиота. На мгновение на его лице даже промелькнуло нечто, похожее на обиду.

— Правда? Тогда я, наверное, просто ленюсь ходить? Это ведь так приятно, когда тебя в буквальном смысле слова носят на руках!

— Я серьёзно. Ты не парализован. Вернее, тебя парализует не отсутствие связи между нервными рецепторами.

Он всё ещё меня не понимал.

— Это делает боль, — пояснил я. — Ты живёшь с постоянным болевым шоком. Тут особенно не разбежишься.

На лице Артура отразилась смешенная игра чувств:

— То есть, если я сумею научиться терпеть то, что чувствую, способность ходить вернётся ко мне? — с надеждой спросил он.

— Теоретически так, — согласился я. — А вот практически научиться терпеть боль у тебя вряд ли получится. Пытаться её перешагнуть — неправильный путь.

— Есть другой? — раздался за моей спиной голос Ливиана.

И тут же лицо Артура, маска на котором вроде как начала таять, мгновенно замкнулось.

— Думаю, что есть, — постарался обнадежить их я. — В организме Артура восстановился неправильный баланс.

Наткнувшись на одинаковый вопрос в глазах так не похожих друг на друга братьев, я с трудом подавил вздох:

— Как бы это попонятнее объяснить? В нём достаточно наших гормонов для того, чтобы поддерживать в тебе жизнь, но их явно не хватает для того, чтобы продолжился процесс исцеления.

— И что ты предлагаешь это решить?

— Если у человека не хватает своей крови, ему вливают донорскую.

— Мы это проходили.

— Значит, нужно попробовать ещё раз! — заявил я с уверенностью, которой отнюдь не испытывал.

— Предлагаешь мне попробовать в качестве лекарства твою кровь?

Снова тень усмешки коснулась губ Артура.

— Именно.

— От хороших предложений грех отказываться. Если не исцелюсь, так хоть развлекусь?

Ливиан шевельнулся, скрещая на груди руки:

— Особенно приятно осознавать, что развлечение будет весьма близким к твоим излюбленным.

Братья обменялись взглядами, невольно наводящими на мысль о Каине и Авеле. Братской любви в них было — ноль. Отсутствовал даже намёк на симпатию, не говоря уже о взаимопонимании.

— Ты можешь остаться и посмотреть, — сладким голосом пропел Артур. — Это *твоё* любимое развлечение.

Я едва сдержался, чтобы не поморщиться:

— Разберётесь с вашими взаимными претензиями позже, без меня. Ок?

— У нас нет к друг другу претензий, — отрезал Ливиан.

На этот раз тонкая усмешка Артура как бы говорила: «Вот видишь? С ним совершенн

бесполезно спорить».

А кто бы собирался?

— Ну что, пациент? — присел я на край дивана рядом с Артуром. — Будем лечиться?

— Раз вы так решили, доктор.

Мне было не по себе. Когда мы обменивались кровью с родственниками или любовниками, всё чувствовалось и ощущалось иначе. Атмосфера — половина дела. Если бы я знал себе меньше, сказал бы, что чувствую себя скованно и неловко.

Чёрт! Да именно так я себя и чувствовал. Просто не хотел этого признавать.

Серые свет. Серая мебель. Похожий на серого ангела с переломанными крыльями мальчик с платиновыми волосами и глазами, где плескалась даже не грусть — спокойная безнадежность отчаяния.

На мгновение я заколебался, стоит ли говорить всю правду до конца? Возможно, не зная, через что ему предстоит пройти, Артур перенесёт это легче? Поколебавшись несколько секунд, я принял решение за него. Так нам обоим будет легче.

— Что нужно сделать? — полюбопытствовал мой симпатичный пациент.

— Ничего, — заверил я его. — Я всё сделаю сам. А ты наслаждайся или терпи — уж как получится.

Он слабо вздрогнул, когда наши губы соприкоснулись. Поначалу это всегда похоже на поцелуй. Даже сердце бьётся от волнения быстрее.

Артур не вызывал во мне похоти — только щемящее чувство острой жалости. Я всегда это чувствуя, когда вижу перед собой что-то столь неоправданно искажённое.

Чтобы вызвать внутреннее кровотечение, необходимое для ритуала (или как ещё можно обозвать происходящее? В мою голову не сразу порой приходят необходимые нужные сравнения) пришлось с силой нажать в область желудка, посылая импульс энергии внутрь самого себя. Паршивые это вызывает ощущения. Особенно когда изначально чувствуешь себя далеко не хрустящим огурчиком с грядки.

Боль крутым кипятком прокатилась по позвоночнику, снизу-вверх, до самой макушки. Рот наполнился густой, вязкой кровью.

Артур снова слабо вздрогнул, принимая мой дар. Спустя несколько секунд его словно каменное тело расслабилось в моих руках. Кровь Элленджайтов туманит голову лучше вина, её воздействие слаще наркотика.

Для обыкновенных людей наша кровь несёт с собой удовольствие, исцеление, омоложение, увеличение потенции, сексуального возбуждения и ещё бог весть ещё какие чудеса в одном флаконе.

Что касается нас самих, то в здоровом состоянии мы друг с другом кровью делимся редко. А когда исцеляемся...

Тело Артура словно окаменело. Зрачки его глаз резко сузились до такой степени, что глаза стали казаться незрячими. Его резко скрутило в судороге боли и в следующую секунду кровь хлынула горлом чёрный фонтан.

Я ждал подобного эффекта. Для Ливиана это, по всей видимости, стало полной неожиданностью.

— Какого чёрта?! — рыкнул он. — Ты уверен, что ему лучше?

— Сейчас, конечно, нет. Ему станет лучше, когда организм освободится от токсинов, образовавшихся в процессе распада клеток.

— Чего?.. Мог хотя бы предупредить об этом? — брезгливо поморщился Ливиан. — Я

быть хоть таз какой приготовил. Мне же теперь всё это вымывать!

Кровь Артура была не светлее нефти. И сворачивалась почти моментально. Приступ полностью его обессилел. Артур выглядел измученным и слабым.

Ещё одна особенность представителей нашего рода — кровь никогда не смотрится на нас так же отвратительно, как на других людях. И никогда не отдаёт запахом тлена. Наверное, из-за того, что по-своему составу отличается от человеческой?

Ливиан бесстрастно, как будто перед ним была кукла, отёр следы крови с лица, рук, груди брата.

Потом мы помогли Артуру поменять одежду и постель.

— А знаешь, ты ведь прав, — голос его звучал слабо, удивлённо и тихо. — Мне и вправду лучше.

— Так и должно быть. Наш организм устроен так, что обязательно должен освобождаться от отравляющих его веществ иначе отравит сам себя. Если приступ не возникает естественным путём, его необходимо вызывать искусственно.

— Как всё сложно, — вздохнул Артур, вытягиваясь на своём ложе.

Ресницы его дрожали, опускаясь. Он боролся со сном, неизбежным при такой кровопотере.

Полубессознательное состояние было для него сейчас благом. И я, и Ливиан это прекрасно понимали. Никто из нас не стал ему мешать. Мы оба тихо вышли из комнаты.

— Мне следует тебя поблагодарить.

Голос Ливиана звучал суше, чем, мне казалось, должен.

— Раз следует — благодари. Что тебе мешает?

— Ты злишься на меня? У тебя есть для этого повод?

— Мне кажется, что в том, что случилось с Артуром, вина не только Энджела.

Наши взгляды встретились.

Серые глаза Ливиана были злыми, взгляд — колючим, как у волка, не желающего пускать чужака на свою территорию.

Да, я знаю, я слишком часто сравниваю Сатклиффа с волком. Но что поделать? Он и вправду на него похож.

— Ладно. Мне пора, — отступил я.

— Спасибо, Альберт, — голос его смягчился.

Никто из нас не хотел ссоры. В конце концов, мы друг другу нравились и оба желали остаться в приятельских отношениях.

Но моя интуиция меня не обманывала никогда. А сейчас она прямо-таки кричала, что в отношениях Ливиана и Артура есть скрытое дно. Это дно любопытства во мне не вызывало. Просто то состояние, в котором оказался Артур, отравляло то впечатление, что я успел составить о Ливиане.

— Я зайду ещё. Неприятно это говорить, но скорее всего, сеанс придётся повторить.

— Думаю, Артур возражать не станет. Ты, похоже, ему понравился.

— Это проблема?

— Никаких проблем.

На том и расстались.

Всё тело болело. В глазах стояло облако тумана, которое то сгущалось, то немного рассеивалось.

Я мечтал добраться до дома и упасть в кровать.

Кстати, только добравшись до дома, я понял, что так и не добрался до Линды.

— Ты долго, — приветствовала меня Катрин.

— Правда? Успела соскучиться?

— Мередит звонила. Она сказала, что ты к ним не заходил.

Она — что? Отчитывать меня собралась? Или уличать в чём-то?

— Не заходил. Встретил по дороге Ливиана. Он предложил заехать к нему в гости. Знаешь, у него есть брат? Мы познакомились и неплохо провели время. Такой красивый мальчик.

Говоря это, я подходил всё ближе и ближе, пока не прижал Катрин к стенке, заключив её в клетку из собственных рук.

У моей сладкой блондиночки глаза расширились, а губы побелели, то ли от злости, то ли от страха. Катрин явно нервничала. Её страх доставлял мне в этот момент какое-то извращённое удовольствие.

Потом, когда такие настроения стихают, я почти всегда испытываю за своё поведение стыд. Но в момент, когда меня несёт, словно взбесившуюся лошадь, я своё поведение контролирую плохо. Лучше всего в такое время не попадаться мне под руку.

Но Катрин-то этого не знала. С ней-то до сих пор я всегда был хорошим мальчиком.

— Зачем ты говоришь мне это?

— Ты спросила, где я был. Я отвечаю.

— Мне не нравится твой ответ.

— Ладно. В следующий раз совру что-нибудь.

Пухлые, как у ребёнка, сочные губы, кривящиеся в обиде, дышащие теплом, были так близко, что я не удержался и накрыл их поцелуем.

ГЛАВА 7. Альберт. В первый раз

Я чувствовал, как Катрин колеблется между решением оттолкнуть меня и чисто женским желанием подчиниться, дать волю чувствам, позволить себе быть слабой.

Она была хрупкой, как стебелёк цветка и какой-то... прохладной, что ли? Было в ней нечто, напоминающее колбу из льда или чистого стекла. Кажущаяся на первый взгляд уязвимой и ранимой, на самом деле эта девушка была выносливой, прочной, обладала решительным и твёрдым характером.

Мне хотелось разнести к чертовой матери весь её железный самоконтроль. Заставить отбросить всё рациональное, как шелуху и посмотреть, что же получится в сухом остатке?

Катрин вырывалась, билась, напоминая обречённую бабочку, угодившую в липкую паутину паука. Я получал какое-то садистское удовольствие, не давая ей возможности выскользнуть из моих рук, уйти от моих настойчивых, жёстких губ. Это было нечто вроде игры. Своеобразные чувственные шахматы. Дикая охота, в которой жертва стремилась скрыться от собственных желаний, а я загонял её в самое их горнило, как гончие гонят волков на флажки.

Наверное, это можно назвать насилием? Очень часто в женских романах можно встретить сцены его описания. Женщинам нравится игры на грани. Нечто похожее на то, когда согласие сомнительно, когда её чувства начинают зависеть от тебя как будто бы даже больше, чем от неё самой.

Но вскоре я понял, что наше противостояние с Катрин грозит нешуточными баталиями. Не игра, а прямо-таки сражение. И, поняв это, разозлился. Да какого лешего милая дама так

себя охраняет?!

— Что ты творишь?

Глаза Каролина сверкали от злости, а губы слегка припухли от поцелуев.

— Ты пьян?

— Трезв до тошноты. Это следует исправить, — резко отшатнувшись от моей недотроги, я пробежался взглядом вдоль полок бара, прикидывая, чем бы скрасить вечер.

— Как я понимаю, на твою компанию рассчитывать глупо? Случаем, сейчас не время для вечерней молитвы? Мне думается, ты неправильную стезю выбрала. Нужно было податься не в сестры милосердия, а в монашки, — жёстко бросил я.

— Какая муха тебя укусила? Ты ведёшь себя как...

— Как? — уточнил я, деловито вытаскивая пробку из бутылки шампанского.

— Как хам.

— Тебе не с чем сравнить. Моё поведение в данный момент, конечно же, не верх совершенства, но... хам?.. Фу! Как по-плебейски это звучит. Давай сойдёмся на том, что моё поведение дерзко и недостойно джентльмена? В вашем веке смешно вести себя как джентльмен. Может быть, всё-таки выпьешь со мной, красавица? Или уставом монастыря запрещено. Даже наверняка запрещено. А тебе определённо пойдёт монашеский клобук. Когда разведёмся, напомни сделать щедрое пожертвование...

Катрин вырвала у меня из пальцев бокал с Non-dosage и, сверкнув глазами, словно рассерженная кошка, уселась напротив, закинув одну стройную ножку на другую.

— Я протестантка. У нас монахинь нет. Ни о какой келье и речи быть не может.

— Значит смени веру. Уверен, пост, уединение и труд придутся как нельзя больше тебе по душе.

— У тебя есть причины так вести себя со мной?

Как же бесит её дурацкая привычка задавать вопросы, сбивающие с толку!

— Причины?..

— Да, причины, Альберт! Иногда я готова начать доверять тебе, но после таких выходов как сегодня?.. Ты притащил меня в пустой дом, оставил на весь день, шлялся бог весть где, не отвечая на звонки. Вернулся весь взъерошенный, какой-то дикий. Наговорил гадостей. Я уже помолчу о том, что вырвал мне клочок волос и ободрал губы.

— Да. Об этом уж лучше помолчи, — согласно кивнул я, залпом опорожня свой бокал. — Ты определённо ничего не понимаешь в страсти.

— Я понимаю, что такие страсти мне не нравятся.

Катрин сегодня решила взять на себя роль моего психотерапевта. По крайней мере интонации её голоса весьма напоминали одного знакомого из далёкого прошлого.

— Ты злишься лично на меня? Или просто спускаешь пар, накопившийся за день?

Хороший вопрос!

— Пожалуй и то, и другое, — честно ответил я. — И ещё, Катрин, мне не нужно сейчас понимание. Мне нужно сейчас кое-что другое. Более лёгкое.

Лицо её сделалось совсем холодным и отстранённым, будто она опустила невидимое забрало как рыцарский шлем.

— Тебе нужно. Ты — хочешь или ты не хочешь. Ты желаешь или не желаешь. Но за всем этим чётко прослеживается одно: тебе совершенно плевать на меня! Мои желание, мои стремления ничего для тебя не значат. Я недостойна даже того, чтобы просто со мной поговорить?

— Да всё что мы делаем, это только говорим, говорим и ещё раз — говорим!

— А чего ты ждал? Что я кинусь на тебя с поцелуями?

— Да! Что в моём желании сверхъестественного?

— Ты спишь со всеми подряд и удивляешься, что я стараюсь держать между нами дистанцию?

Я окинул её взглядом, не зная, смеяться или швырнуть бокал на пол со злости. Иногда женщины — такие женщины.

— А с чего ты взяла, что я сплю со всеми подряд?

— Ты этого и не скрываешь.

— Катрин, пара интрижек, случившихся у меня за несколько месяцев, даже не стоят обсуждения. Возможно, для тебя мои слова прозвучат открытием (хотя в ваш просвещённый век это просто умилительно, право слово!) но у мужчин (как и у женщин, ага!) есть определённого рода потребности. И время от времени их приходится удовлетворять.

— И ты решил, что удобнее всего было бы удовлетворять все потребности в одном месте?

В её глазах плескался вызов и всё тот же нордический холод. Катрин всё время упрямо выставляла между нами стену.

— Почему ты боишься меня? — спросил я.

— Я тебя не боюсь.

— Ладно, не меня — чувств ко мне. Ты ведь потому так рьяно обороняешься, что боишься ко мне привязаться?

— Я не хочу... — начала она и слова словно пристыли к губам, так и не сорвавшись.

Мои слова её окончательно заморозили.

— Не хочешь — чего? Влюбляться? — услужливо закончил я фразу.

— Именно так. Всё правильно. Я не хочу влюбляться. В тебя.

— Но это уже произошло.

В серых глазах моей прекрасной собеседницы сверкнула молния.

— Тебе это кажется забавным?

— Мне это кажется приятным. Ведь приятно, когда тебя любят. Правда?

— Не знаю. Меня никто никогда особенно сильно не любил.

Это брошенная как бы между прочим фраза отчего-то больно резанула мне по сердцу.

И накрыла состоянием дежа вю.

«Тебе легко говорить, золотой мальчик. Ты же у нас всеобщий любимчик! Чтобы мы не натворили, ты-то всегда чистенький! Для матери ты свет в окошке. Вся семья смотрит на тебя как на слегка запылившегося ангелочка. Даже Ральф любит тебя! Тебе никогда не понять таких как я — тех, кого никто никогда по-настоящему не любил!».

Из-за чего мы тогда с Синтией в очередной раз поссорились уже не помню. Мы всегда ссорились. Из-за чего-нибудь.

Но опять возникло чувство, будто жизнь, раз за разом, ставит меня в похожие ситуации, словно пытаюсь заставить сдать экзамен. Заставляя понять то важное, что всякий раз ускользает.

— Твои родители — они умерли?

Я со стыдом вдруг понял, что интересуюсь ими впервые.

— Слава богу, живы. Просто им нет до меня дела. Впрочем, я удивлена, что они до сих пор не заявили. Деньги-то оба любят, — с горечью добавила Катрин. — А денег у меня

теперь много. Почти как звезд на небе.

Образ Катрин, то ли маленькой домашней девочки, то ли почти бесплотного эльфа, запечатлелся в моей памяти навсегда.

Бывают такие картинки. словно гравюра или снимок с ушедшей реальности. Иногда они ничего не значат. Так я помню колышущиеся на ветру деревья над головой. Воспоминание откуда-то из далёкого-далёкого детства.

А бывают картинки весьма значимые. Образы мамы, отца, дяди Винсента, кузины Стеллы, дядя Ричард и, конечно же, Ральфа и Синтии.

Теперь вот ещё и Катрин.

В своём лёгком одеянии, копной светлых, будто стеклянных волос. Сероглазая Снежная королева. Маленькая и одинокая, горделиво ищущая приют за ледяной стеной, где пытается спрятаться от ранящих привязанностей.

— Катрин? — тихо позвал я её. — Я хочу, чтобы ты знала: ты важна мне не только как наследница легата. Ты важна для меня сама по себе. Я не оставлю и не брошу тебя, чтобы не случилось.

— Ты меня жалеешь? — холодно уронила она.

Я медленно сел на полу у её ног, глядя в лицо снизу-вверх. Осторожно коснувшись ладоней, напряжённо лежавшей на её коленях.

— Разве это плохо?

— Жалость унижительна.

— Тогда назовём это сочувствием? И, я не знаю, как ты, но сам я никогда не сочувствую тем, кто для меня пустое место. Если с кем-то мы делим чувства напополам, это значит, что нас связывает нечто большее, чем мы порою готовы признать.

Посмотри на меня, Катрин. Я не самый хороший человек на планете... ладно, я по многим показателям вообще не хороший человек. Но я никогда не нарушал данного слова. Никогда не бросал тех, кого просил мне довериться. Я могу причинить тебе боль, я могу быть невыносимым — могу быть разным, но, чтобы не случилось, я никогда тебя не брошу, не оставлю и не предаю.

Положив ладонь на её руку, я тихонько сжал хрупкие пальчики:

— Можешь мне верить. Позволь разрушить стену, что стоит между нами. Не возводи её. Она нам ни к чему.

Её ресницы трепетали, как крылья бабочки. А губы походили на лепестки цветка — зимнего цветка, такого как гвоздики или каллы.

Катрин дышала прерывисто и неглубоко, будто только что быстро бежала, но дыхание её постепенно успокаивалось. Тело расслаблялось, будто оттаивая в моих руках.

Я старался быть нежным, а не страстным, интуитивно чувствуя, что первое ей сейчас куда важнее второго. Это было несложно. Её хрупкость, лёгкость, пугливость будила во мне желание покровительствовать и защищать. Хотелось как можно медленнее, как можно бережнее ввести её в царство любви; постепенно, не торопясь, показать все пленительные закоулки этой страны.

Словно трепетная, пугливая лань, готовая в любую секунду встрепенуться и сорваться с места, она поначалу лишь терпела мои лёгкие прикосновения. Потом я почувствовал отклик в её девственном, не знающим ласкающих прикосновений, теле.

Девственницы — с ними всегда сложно. Стоит слегка поспешить, проявить лёгкую небрежность или грубость и можно испортить всю симфонию страсти.

Я старался не увлекаться, чутко следить за реакциями Катрин, при этом не оставаясь партнёром, занятым лишь анализом — в любви нет ничего хуже.

Для того, чтобы костёр разгорелся и грел, необходимо, чтобы дрова в топку летели с обеих сторон. Держать баланс между страстью и разумом отлично помогала нежность, что она во мне будила.

Её короткие вздохи, похожие на всхлипы я сцеловывал с нежных губ, как нектар. Гладкая кожа на щеках, нежнее шёлка — на шее. Мягкая аккуратная грудь, словно просящаяся в ладонь — мои руки с наслаждением изучали её тело. Маленькую ямку на шее, изгиб позвоночника на пояснице, словно специально созданный для того, чтобы легла ладонь, прижимая невесомое тело к себе, удерживая его на весу в тот момент, когда голова со светлыми волосами откидывается назад, будто в танце.

Тонкие щиколотки. Узкие бёдра.

И средоточие женственности, похожее на бутон нераспустившегося цветка, тугое, упругое, тёплое.

Причинять кому-то боль всегда не особенно приятно, если ты не садист. Но в такую ночь словно платишь дань за право быть первым после богов, сотворивших женщину женщиной.

Первым — или последним, завершающим процесс их творения.

В серых глазах на этот раз читалось удивление. И огонёк, тот самый, который был сейчас мне так нужен. Её дрожащая рука неуверенно коснулась моего предплечья. От этого прикосновения по коже распространилось тепло.

Почувствовав, как губы Катрин приоткрылись, я немедленно воспользовался этим, углубляя поцелуй, расширяя рамки дозволенного.

Язык её был влажным и сладким.

Оставшиеся мысли развеяло прахом.

Почти рыча, я сжал в объятиях податливое тело.

Во мне словно бы и не осталось никаких других желаний, кроме одного — ворваться, проникнуть, подчинить, насладиться.

Желание впитать в себя все соки её женского лона.

Мой язык двигался в её рту так, как я сам хотел двигаться в ней — безумно, тесно, влажно, и глубоко, не встречая сопротивления.

Жар, волна за волной, прокатывался по телу. Сердце колотилось бешено.

Грудь Катрин тоже судорожно спускалась и поднималась.

Раз за разом я целовал её сладкие губы, одновременно поднимая её юбку и расстёгивая свои брюки. Мой член налился кровью до такой степени что делалось больно.

Я видел её смущение. Видел страх в её глазах. Растрёпанные светлые волосы беспорядочно падали на спину.

Катрин явно не понимала, как вести себя в подобной ситуации, но я чувствовал, что её тело откликается на мои прикосновения и мою страсть, несмотря на её напряжение.

Мои поцелуи перешли на плечи.

Потом осторожно, боясь спугнуть, смутить, оттолкнуть, я коснулся губами нежной девичьей груди. Сначала легко, потом сжимая сильнее.

Когда я со всей жадностью припал к ним губами, Катрин откинула голову, не сдержав стона.

Языком я принялся играть быстро твердеющим соском. Её возбуждение передавалось

мне, заводило. Мои губы впились в её грудь, в то время как пальцы осторожно исследовали внутреннюю часть девичьих бёдер. Завитки волос под влажными трусиками были мягкими и нежными.

Катрин протестующе застонала, пытаясь отстраниться, сжать бёдра. Но это не помешало мне нащупать упругий бугорок между мягких складок её лона.

Она замерла под этой смелой ласками, явно напуганная, смятённая новыми ощущениями. Какое-то время казалось, что ничего не получится, но её учащённое прерывистое дыхание дало знать, что всё идёт, как надо.

Катрин задыхалась, выгибаясь, как кошка, пока мои пальцы двигались внутри неё всё быстрее. Я чувствовал, что она близка к разрядке. Она уже и не смогла бы остановить меня, даже если бы захотела.

Я понял, что Катрин кончила, когда она зажмурилась, замерев, наслаждаясь волнами оргазма.

Я впитывал её дрожь, предвкушая основное блюдо.

Мне всё труднее было сдерживать свою похоть. Напрягшийся, каменный член болезненно ныл, тело требовало разрядки.

Не отрывая взгляда от серых, потемневших глаз, я медленно, очень осторожно вошёл в неё.

Член обняла жаркая, до предела узкая, девичья плоть.

Мне хотелось двигаться быстрыми, резкими рывками, чтобы освободиться от скручивающей судороги желания, но приходилось медлить — Катрин нужно было привыкнуть к новым для неё ощущениям.

Обняв её за бёдра, я начал двигаться неспешно и размерено, стараясь не кончить сразу.

Она двигалась в одном со мной ритме, интуитивно подхватив его. У моей сладкой девочки определённо был дар любви. Клянусь, из неё выйдет чудесная ученица.

Её голос, её взгляд, её имя — всё для меня отныне будет ассоциироваться с прохладой.

Я чувствую Катрин словно тающие льдинки на языке. Прохлада её души диссонирует с её горячим телом.

Я чувствую, как по моей спине катится солёный пот. Вижу слёзы на её глазах.

Сильнее...

Быстрее...

Голова идёт кругом.

Ещё чуть-чуть... и я кончаю, вздрагивая в ней, зажмуриваясь до рези в глазах, впиваясь пальцами в обивку дивана.

— Альберт...

Оглушённый и ослеплённый, падаю, роняя голову ей на грудь.

Мне так хорошо — слишком хорошо.

Против воли в воображении встаёт картинка.

Красивые блондин и блондинка стоят на пороге дома и целуются. Словно принц и принцесса они идеально подходят друг другу.

Только блондинка эта не Катрин — Синтия.

— Что случилось? — чутко отзывается Катрин на мгновенную перемену в моём настроении.

— Ничего, — вынужденно лгу, стараясь отвлечь улыбкой.

Мне самому тошно от этой полу-лжи. Я не хочу видеть образ сестры и чувствовать себя

изменщиком вдвойне. Будто предаю сейчас и ту, и другую.

Мысль стучит в моей голове, разрывая сердце на части. Причиняет боль.

— Альберт, что-то не так? — приподнялась на локте Катрин, заглядывая мне в лицо.

— Не так? Да что ты? Всё просто чудесно!

И я не солгал.

На свете до неё была только одна женщина, способная удовлетворить меня до такой степени.

Раньше — была одна.

— Но что-то ведь...

— Тс-с! — приложив палец к её губам, я заставил Катрин умолкнуть. — Не говори ничего. Разговоры способны всё испортить.

В серых глазах промелькнул стальной отблеск. Я понял, что разговаривать всё-таки придётся и, если я не хочу, чтобы он повернул туда, где я буду чувствовать себя лживым мерзавцем, нужно самому брать инициативу в собственные руки.

— Мне было хорошо с тобой. Надеюсь, тебя твой первый опыт в любви не разочаровал?

Щёки Катрин заалели.

Вспомнив, как она извивалась подо мной я вновь ощутил прилив желания. С моими аппетитами одного раза мне было мало, но Катрин новичок в любви, так что аппетиты придётся умерить.

— Всегда считала, что все эти восторги в женских романах преувеличены. Но, откровенно говоря, действительность превзошла все мои ожидания, — со смущённой улыбкой проговорила она, прячась от моего взгляда за водопадом собственных волос, упавших ей на лицо.

— Только...

— Что «только»? — переспросил я, заправляя упавшую прядь за ухо, чтобы иметь возможность вновь видеть её хорошенькое личико.

— Только для меня неприемлемы отношения «просто секс». Я так не могу.

— А разве кто-то предлагает подобный формат? Я официально подтверждаю сделанное мной предложение руки и сердца. Мои намерения были самыми честными с первых дней, — со смехом напомнил я. — Сколько раз мне повторять о том, как много ты значишь для меня? И что сделать, чтобы ты, наконец, мне поверила?

Катрин смирала меня долгим, внимательным взглядом и я понял, что сейчас она заговорит именно о том, о чём я говорить всеми силами избегал.

— Я хочу, чтобы Синтия Элленджайт раз и навсегда исчезла из твоей жизни.

Что ответить?

Это было невозможно. Как невозможно отказаться от руки или ноги — части самого себя.

Но и объяснить Катрин почему так — тоже невозможно. Не поймёт. И винить её за это нельзя. Я бы тоже не понял.

— Раз и навсегда получится вряд ли. Даже если я захочу.

— Если захочешь?!

— Она не только была моей любовницей — она моя сестра. Единственное, что осталось от прошлой жизни. К тому же Синтия не согласится просто уйти. Это не от меня зависит.

— И что?! Ты хочешь, чтобы я смирилась с её присутствием в нашей жизни?

Я кивнул.

Я хотел именно этого. И вполне отдавал себе отчёт в том, что прошу слишком многого.

— Альберт, это невозможно, — сверкнув глазами, заявила Катрин, поднимаясь с дивана и потянувшись за одеждой.

— Я не прошу тебя закрывать глаза на нашу связь. Катрин, наши отношения с Синтией останутся в прошлом. Она может перестать быть моей любовницей, но не моей сестрой. Я не могу и не хочу ничего делать с последним фактом.

— Может быть, ты ещё и на свадьбу её пригласишь? — язвительно засмеялась Катрин.

— Ну, вообще-то, планировал.

Смех её резко оборвался.

Она смотрела на меня, как на странное, неизвестное науке, насекомое.

— Ты в своём уме? Я не могу определиться — ты по-викториански наивен? Или наглый сверх всякой меры?

— Вот поэтому я и просил тебя сегодня воздержаться от разговоров. После любви ссориться не лучшее дело.

— Секс.

— Что?..

— Какая уж любовь? Между нами был секс. И он был не плох, тут не поспоришь. Но пока между нами был хороший секс — и только! Ещё нам, хотя не нам — тебе, светит выгодный брак. Любовь же ко всему происходящему не имеет никакого отношения.

Ну вот. Снова — здорово.

— Опять ты за своё? — устало развёл я руками. — Чего ты добиваешься, я не пойму.

— Спокойной ночи, Альберт, — раздражённо сказала Катрин, направляя к лестнице.

— И тебе приятных снов, — бросил ей вдогонку.

И остался один.

За окном продолжал завывать ветер, создавая мрачную, тревожную атмосферу.

Глядя на догорающие угли в камине, сонно размышлял о неизбежности выбора.

Выбирать придётся. Синтия поставит меня перед точно таким же выбором. От этого не уйти.

Рядом с Катрин — будущее и жизнь. Рядом с Синтией — отжившее жутковатое прошлое и... смерть?

Но как оставить Синтию в созданном ею же самой аду? Она заплатила за моё воскрешение большую цену. Наверное, я обязан ей.

Я всегда чувствовал себя её должником. Словно её неудачи и грехи — это моя вина. Но — правда ли это?

В моём чувстве к Катрин все светло и понятно. Оно наполняет меня силой и желанием жить.

А Синтия?..

Ох уж эта Синтия!

И почему у человека только одно сердце? Хотя, если подумать, то и одного бывает больше, чем достаточно.

С другой, будь в моей груди их два, я каждой своей даме подарил бы по сердцу, и все были бы довольны.

ГЛАВА 8. Линда. Похищение

Линда с самого утра была не в духе.

В хорошем настроении она теперь вообще пребывала редко. Между бровей то и дело залегала тонкая, как молния, морщинка недовольства.

Всё складывалось вроде бы и неплохо, но, как известно, дьявол прячется в деталях. Это весьма ценное наблюдение судьба заставила её проверить на собственной шкуре.

С виду могло показаться (да по большей части так и было), что жизнь её благополучна как никогда раньше. Свалившаяся, словно ниоткуда, работа приносила такой доход, о котором полгода назад Линде невозможно было мечтать.

Полгода назад это выглядело бы для неё не просто достатком — это было настоящим богатством. Она вернула себе родительский дом. Обеспечила сестре обучение в самом престижном университете Элленджа, освободив Мередит от необходимости зарабатывать деньги подработкой на ночных дежурствах в должности младшего интерна, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Линда почти поднялась над той социальной ступенькой, на которой прежде удавалось балансировать с таким трудом, лишь бы не сорваться вниз.

У них с сестрой в личном пользовании с недавнего времени было уже две машины если и не класса «люкс», то уж не «эконом» точно.

Были наряды, пусть не от эксклюзивных кутюрье, но из дорогих бутиков. В шкафу Линды одних туфель сейчас наберётся с полсотню, а ведь почти всю свою жизнь она умела обходиться двумя на смену.

Даже в личной жизни наметился позитивный переход: мистер Калхаун решил, что из совместного дела может вырасти неплохой личный союз. Линда была с ним согласна, хотя и не спешила принимать его предложение.

Совершенно непонятно, откуда эта бесконечная тоска? Это предчувствие надвигающейся беды?

Линду не оставляло дурное чувство, будто она нанялась работать адвокатом у дьявола. Это как серый сон, пугающий без видимый причин. Ты знаешь, что опасность рядом, пытаешься вычислить, но вокруг всё тихо. Зверь сидит в засаде и не нападает. Он просто смотрит, но каждое мгновение ты чувствуешь его жестокий, насмешливый взгляд, упёршийся тебе в затылок.

Линда выяснила для себя одно — ей совсем не нравится работать на Элленджайтов. Ни на сумасшедшую белокурую суку из старого особняка, ни на Альберта Элленджайта с его сладкими улыбками, змеиным взглядом и острым, как лезвие, языком.

Причём Альберт ей не нравился больше Синтии. Та хотя бы была гадиной в открытую, не пыталась спрятать капающий яд в чашке с сиропом.

С первой встречи с белокурым падшим ангелочком в душе Линды начал звенеть тревожный звоночек, выстукивая азбукой Морзе: «Опасность! Опасность!».

Альберт Элленджайт до такой степени не нравился Линде, что та даже задалась вопросом — уж не испытывает ли она к нему неосознанного влечения?

Стопроцентно отрицать наличия эротического чувства к нему Линда не могла, но склонна была считать, что дело тут в другом. Привыкшая держать всё под контролем, никогда не доверявшая импульсивным действиям и спонтанным чувствам, она в присутствии Альберта Элленджайта ситуацию не контролировала.

В первую их встречу он произвёл впечатление жуткого шалопая, не разбирающегося в бизнесе, но любящего сорить деньгами. С обычной для себя быстротой и категоричностью

Линда занесла парня в разряд Альфонсов и прожигателей жизни, всегда готовых поживиться за чужой счёт.

С одной стороны, она понимала Катрин, глупенькую девочку, запавшую на такого красавчика, явно умеющего обращаться с женщинами. Ведь сообразил, гадёныш, разыграть карту бедного-несчастливого сиротки!

Расчёт в данной ситуации более, чем верный. На добросердечную Катрин ни одно ухаживание так легко не подействовало бы, как эта кажущаяся беспомощность.

Ну любят люди такого типа, как Кэтти, помогать всем, кому не попадя, без исключения! А Альберт Элленджайт был из тех кому помогать следовало бы в последнюю очередь.

И вот результат — его смазливая физиономия, которой самое место, в лучшем случае, на развороте какого-нибудь глянцевого журнала для девочек, (а можно и для мальчиков специфической ориентации), скоро будет владеть тут всем и уже норовил раздавать указания.

Да ладно, что там норовил? Впрямую указывал!

Линда так и не нашла способа убедить Катрин, насколько глупо и безумно доверять такому человеку, подпуская его к огромному состоянию.

Но дальше — хуже.

Узнав Альберта ближе, Линда поменяла о нём мнения. В худшую сторону.

За легкомысленными улыбками, яркими, как стеклярус, глазами, таился ум, схватывающий всё быстро, практически на лету.

Ум куда более глубокий, чем ожидаешь встретить у человека подобного типа. Ум изворотливый и опасный.

— И почему у тебя такое выражение лица, будто ты запихала в рот целый лимон, предварительно срезав с него шкурку, но забыв при присыпать сахаром? — раздался с лестницы жизнерадостный голосок Мередит.

— Ты в порядке? Лекарства уже принимала?

— Да, мамочка, — усмехнулась проказливая мартышка, на секунду ехидно прищуривая глаза. — Хотя, если уж на то пошло, в лекарствах и их пользе я разбираюсь получше тебя, так что... ты уже собралась на работу, как я вижу? Деловая встреча с Калхауном? — многозначительно фыркнула Мередит, дёрнув плечом. — Я бы на твоём месте блузку одела ярче, каблуки выбрала подлиннее. Да и помаду следовало бы взять на тон посветлее.

— Это деловая встреча.

— Ну а я о чём говорю. Конечно же, деловая. Но на ней ведь не запрещено выглядеть иначе, чем синий чулок? В моей работе вообще то и дело встречаешься с не очень приятными вещами, но это не повод выглядеть сухарём.

— Я встречаюсь не с Калхауном. Довольна?

— Нет. С кем ты встречаешься?

— С вашим драгоценным Альбертом, который чуть тебя не угробил. И у меня нет ни малейшего стимула натягивать на себя романтические блузки для встречи с ним.

— Да-а? — протянула Мередит, растекаясь по перилам над лестницей в позе позирующей фотомодели. — А что ж мы тогда так горячимся-то? Линда, успокой мои слабые нервы, скажи немедленно, что твоё праведное негодование проистекает не из... ну ты понимаешь? Катрин моя лучшая подруга и, насколько я знаю, она собирается замуж за того, кто уже вообразил себя нашим боссом. Если ты станешь из-за этого переживать, у меня может возникнуть конфликт интересов.

— Не мели чепухи. Этот мальчишка совершенно не в моём вкусе.

— Ну да. Так все говорят. Но это никому не мешает пускать слюни.

— Что за выражения? Я — что?! Не заслужила хотя бы видимость уважения?! И я... я не пускаю слюни. Я беспокоюсь.

— Из-за чего?

— Из-за всего. Ты едва не погибла. Калхаун возится с документами, напрямую связанными с мафией Кинга. Катрин совершенно сошла с ума и не просто намерена выйти замуж, а вздумала передать всё своё состояние...

— Его законному владельцу? Мне представляется это, с одной стороны — логичным, с другой — справедливым.

— Да с чего ты взяла, что этот ваш Альберт вообще Элленджайт?!

— У тебя есть сомнения? Почитай мамину книгу, возьми ножик и пойди проверь. Сомнений не останется.

— Ты ещё скажи, что веришь во весь этот бред с воскрешениями!

— Нет, в это я конечно не верю.

— Слава богу!

— Мне только кажется странным, что на портрете в Хрустальном доме с надписью: «Альберт Элленджайт» изображён некто, один в один похожий на нашего общего знакомого. Кое-как это можно объяснить семейным сходством. Только почему-то ни с кем другим до таких мельчайших подробностей оно не прослеживается.

— Может быть ты и права. Может быть этот твой Альберт...

— Он не мой.

— ... действительно один из Элленджайтов. Может быть Катрин совершает мега-разумный поступок, готовя пакет документов, чтобы передать своему неведомо откуда взявшемуся жениху всё движимое и недвижимое имущество. Но знаешь — что?..

— Что?

— Держись от них обоих подальше!

Лицо Мередит приняло ту упрямое, замкнутое выражение, которое (Линда по опыту это хорошо знала) послушания не предвещало.

— Чем тебе не угодила Катрин? Она же ангел. Что можно сказать про неё плохого?

— То, что она связалась с дьяволом! Из-за него ты чуть не погибла в прошлую пятницу!

— Ты с ума сошла?! Пугаешь божий дар с яичницей. Да если уж на то пошло, это Катрин и Альберт чуть не погибли из-за меня, ведь если бы они не поехали меня подвести, не оказались бы на том мосту. А вот у меня без них шанс выжить был минимальный. Я знаю, Линда, тебя невозможно переубедить. Если ты решила повесить на Альберта всех собак, ты это сделаешь.

— Почему ты его защищаешь?

— Я никого не защищаю. Я лишь пытаюсь воззвать к твоему голосу разуму. Не знаю, что с ним приключилось? Ты обычно так себя не ведёшь.

Неожиданно Линда почувствовала себя как проколотый иголкой шарик. Сквозь маленькую невидимую дырочку гнев вытек весь, и внутри стало пусто.

Мередит, всегда чутко отзывающаяся на любую перемену настроения старшей сестры, не изменила своей привычки и сейчас. Она не сводила с Линды внимательного пытливого взгляда.

— Я не понимаю, что с тобой происходит? Почему ты злишься на Альберта? Он сделал

что-то, чего я не знаю?

Линда села на кресло и покачала головой:

— Ничего он не сделал. Если не считать того, что поручил Калхауну разобраться с документами Рея Кинга.

— А кто такой Рэй Кинг?

— Мне страшно, Мередит.

— Страшно? Почему? Ты никогда прежде не верила предчувствиям?

— В ясновидение я и теперь не верю. Но иногда наш мозг успевает понять то, что мы сами не желаем осознавать. Может быть, не желая принять истину, мы задвигаем её в подсознание, и оттуда оно даёт о себе знать неясными страхами?

— Я не совсем тебя понимаю, но мне уже тоже делается не по себе. Но вернусь к своему вопросу: кто такой Рэй Кинг?

— Один из местных мафиози.

Бровь Мередит недоверчиво дёрнулась.

Линда предпочла это понять по-своему.

— Ладно. Вовсе не «один из». Рэй Кинг самая крупная акула, которая за последние пять лет сожрала в Эллингхе и его окрестностях всю рыбку поменьше. В его руках сосредоточены основные наркотрафики, бордели, торговля оружием — весь теневой бизнес.

— И ты полезла в это дерьмо?! — ужаснулась Мередит.

— Нет, конечно. Я не полезла. Я же не сумасшедшая!

Линда не то, чтобы врала. Если строго по форме, в дела Рэя Кинга она, конечно же, не лезла. Но по сути, внедряясь в финансовые потоки его тёмного капитала, отыскивая пути их распределения, способствуя созданию плотин, перекрывающих денежные потоки, парализуя и замораживая счета, перераспределяющая деньги в оффшорные зоны, она, конечно же, дёргала тигра за усы.

— Я жалею о том, что мы вернулись в Эллингх. Не могу отделаться от желания постоянно мыть руки. Хоть позолота тут даже не унитазах, она не в силах скрыть гниль, прущую из всех щелей.

— Линда, ты и меня порядком напугала. Никогда не припомню за тобой таких упаднических настроений. Тут есть два варианта.

Линда смерила младшую сестрёнку вопросительным взглядом.

— Либо всё и в самом деле плохо и нам пора собирать чемоданы. Либо...

— Либо?

— Тебе нужно найти кого-то потемпераментнее твоего зануды Калхауна. Кажется, он тебя плохо удовлетворяет.

— Мередит! — поперхнулась Линда, скорее смешком, чем возмущением. — Не смей так говорить о моём будущем муже!

— Ну, то что он твой будущий муж, не способно отменить того факта, что ужасная зануда, — закатила глаза Мередит. — Если всё-таки решишь последовать моему совету, постарайся сделать так, чтобы твоим новым предметом не сделался Альберт.

— Вот городуля! — кинула в сестрёнку подушкой Линда.

Потом поднялась, оправила юбку.

Лицо её снова приняло строгое, деловое выражение.

— Мне пора. Будь умницей. Сиди дома и принимай лекарства. Обещаешь?

Мередит кивнула, обнимая старшую сестру:

— Обещаю. Ты тоже будь осторожна. Не забывай, как сильно я люблю тебя. Не забывай ни на минуту.

— Не забуду.

— Ты меня кормила, поила. Ты мне мать заменила. И я теперь твоя зона ответственности. Так что — береги себя.

— Непременно.

Линда улыбалась так старательно что, казалось, улыбка прилипла к её губам намертво.

Даже после того, как она села за руль и завела машину, она всё ещё улыбалась.

Улица сменялась улицей, за очередным поворотом следовал новый. Мигали светофоры. Привычно гудела и бежала куда-то жизнь, суетливая, бестолковая, милая.

Линда припарковалась у паба, сверяя название на вывеске с названием на бумаге. Вроде бы всё сходилось.

Вид у заведения был презентабельный и неожиданно яркий на заснеженной улице. Яркий красный фасад горел, как огонёк.

Войдя внутрь, Линда заскользила взглядом вдоль кожаных диванов и мягких кресел, ровным строем окруживших круглые столики под красное дерево. В приглушённом, неярком свете ни одно лицо не бросалось в глаза.

Поскольку сама Линда понятия не имела, как будет выглядеть её предполагаемая собеседница, оставалось только выбрать свободный столик и присесть в надежде, что та найдёт её сама.

Ожидания не обманули.

Собеседница появилась почти сразу. Высокая, стройная, очень эффектная. И (подумайте только, какая неожиданность) блондинка! Настоящая кукла Барби с каскадом вьющихся в тщательно продуманном беспорядке локонов, спадающих на дорогое в своей простоте, платье.

— Линда Филт, — это прозвучало скорее как приветствие, чем как вопрос. — Ты не так сильно похожа на свою мать, как я воображала.

— С кем имею честь говорить?

— Мы встречались когда-то в прошлом. Тогда ты была маленькой девочкой. Впрочем, я ведь не так уж намного старше тебя. Мы обе выросли. И изменились.

Женщина опустилась на стул напротив, закидывая ногу на ногу. Ткань натянулась, обрисовывая изящное бедро.

— Я — Виола Кинг.

Линда ощутила, как по спине потянуло ледяным сквозняком.

Она подняла глаза и в упор уставилось на сладко-приторное в своей безупречной красоты лицо.

— Я получила письмо, в котором утверждалось, что его автор знает, что случилось с моими родителями.

— Так и есть. Я знаю, что случилось с твоими родителями.

— Вы знаете, кто их убил?!

— Знаю. Не возражаешь, если я закурю?

Линде было плевать.

Выудив из сумочки длинные сигареты, Виола щёлкнула золотой зажигалкой. Вверх заструился сизый сигаретный дым.

— Я пришла сюда потому, что... — начала Линда, но Виола перебила её.

— Я знаю, зачем ты пришла. На моей памяти ты не первая кошка, что гоняется за собственным хвостом. В большинстве случаев бессмысленное и бесполезное занятие. Уверена, у меня есть ответы на всё твои вопросы. Правда, получив их, ты вряд ли станешь счастливее, Линда Филт.

— Мой интерес понятен. Нет секрета в том, почему дочь интересуется смерть отца и матери. Что тебя заставило отыскать меня, чтобы сказать правду?

— Ну, отыскать тебя не составляло большого труда. А причина, по которой я сделала это, тоже без заморочек — я хочу, чтобы Рэй Кинг сдох. Желательно в адских мучениях.

— Нельзя сказать, что ваши цели были гуманны. Хотя, чего только в жизни не бывает?

— Кое-чего не бывает. Я, например, никогда не получу желаемого. Рэя невозможно убить. Мне это известно, как никому другому. То, что другим страх и боль — ему лишь развлечение.

Линда наконец почувствовала приступ того самого раздражения, к которому была готова. Проблемы богатенькой дурочки, готовой мстить своему бывшему за измену или не купленную полюбившуюся обновку её волновали мало.

— Я назначила вам встречу потому, что вы связаны с Альбертом Элленджайтом, — проронила Виола. — Не трудно догадаться, что именно он планирует сделать. Но вы никогда не подберётесь к нашим счетам. Рэй далеко не дурак, обскакать его будет нелегко.

— Мне, откровенно говоря, нет дела до этих войн. Вы обещали рассказать мне о родителях?

Виола закатила густо подведённые глаза.

— Обещала.

— Вы назовёте имя убийцы?

— Назову. Но что ты станешь с ними делать? В суд их не отнесёшь. Да и доказательств у тебя нет.

— Я просто хочу знать! — вскипела Линда.

— Хочешь, так знай. Твоих родителей убил Кинг.

Взгляды женщин скрестились.

— Подумать только, какой неожиданный, в общем контексте разговора, поворот событий, — с горькой иронией процедила Линда.

— Это правда.

— Какой смысл Кингу было убивать моих родителей?! Для чего это ему понадобилось?! Он был в хороших отношениях с моим отцом...

— Твой отец был тут совершенно не при чём. Филт был один из немногих действительно хороших людей, которых я знала. И Рэй, по-своему, насколько это для него вообще возможно, уважал его. Дело было не в твоём отце, а в твоей матери.

— В маме?.. Быть не может!

— Твоя мать писала книгу об Элленджайтах. В своих эфемерных поисках она слишком глубоко копнула под Синтию, нашу тeneвую госпожу. Та приказала Рэю убрать её. А твой отец оказался просто случайным свидетелем. Его пришлось убить... за компанию.

— За компанию?!

— Боюсь, что так, — без тени сочувствия проронила Виола. — Я не слишком вдавалась в подробности. Тогда у меня были несколько другие проблемы, — с насмешкой, полупрезрительно фыркнула блондинка.

Виола вдруг резко наклонилась вперёд, сжимая влажной ледяной рукой пальцы Линды.

Она зашептала лихорадочно, как в горячке:

— Я отдам тебе всё: коды, адреса, пароли! Всё, что поможет взломать систему и свалить Рэя. Больше того — я передам флэшку с документами, фотографиями, адресами связанных и списком тех, кто умер по его вине. Все доказательства, каких у меня накопилось немало. Только пообещай, что вы сделаете это.

— Сделаем — что? — пересохшими губами спросила Линда.

— Уничтожьте его! Сначала приведёте к краху с такой тщательностью выстроенную им империю. А потом — у бьёте его самого.

Линда смерила Виолу испытывающим взглядом, пытаясь проникнуть в замысел этой женщины, нисколько не внушающей её доверия.

— Какой смысл вам копать под того, от чьего благополучия зависит ваше собственное?

— Ты можешь мне верить. Нет человека, который бы желал его падения так же, как я. Я не сообщница Рэя Кинга — я его жертва. Знаю, что ты думаешь, Линда. Это написано на твоём лице. Но если бы ты только знала... да, я жалкая наркоманка и шлюха! Но даже у меня, у такой, какая я теперь, есть остатки... нет! Скорее даже не остатки — огрызки нормальных человеческих чувств. Но у Рэя их нет.

Рэй Кинг мой брат, мой близнец, отец моих детей. Отвратительно, правда? — смех Виолы был полон горького безумия и боли. — Ты видела его когда-нибудь?

Линда судорожно сглотнула комок, образовавшийся в горле и через силу ответила:

— Давно. Он тогда был почти ребёнком.

— Эта тварь никогда не была ребёнком! Он украл моё детство, украл детство моих детей! Красивый, как бог, умный, как дьявол, он хуже зверя, потому что даже зверь не способен изгаляться над своей плотью и кровью так, как делает это Рэй! Он развратил нашего сына ещё до того, как тот успел понять смысл самого понятия «разврат». Он продавал его, пытал, заставлял убивать и совращать других, шантажируя сестрой. Он заставил его спать даже со мной, угрожая иначе меня прирезать!

— Зачем? — удивлённо моргнула Линда.

Слишком немислимым, невероятным, театральным казалось всё то, что говорила Виола.

— Он так развлекается. Это же так забавно, посмотреть, как в итоге люди начинают получать удовольствие от того, от чего их самих тошнит! Он сломал моего сына. Он превратил мою дочь в убийцу. Он обратил мою жизнь в ад. Каждую новую секунду я вынуждена жить в страхе перед тем, какая очередная фантазия посетит его больную голову? Я хочу от всего этого освободиться. Неважно, сдохнет ли он, наконец, или сядет в тюрьму. Пусть хоть без вести пропадёт — всё, что угодно, лишь бы больше никогда его не видеть! Возьмите это, мисс Филт и передайте тому, кому следует. Так мы обе отомстим за себя, каждая по-своему.

Между тонких красивых пальцев скользнула флэшка.

Секунду поколебавшись, Линда подняла руку, чтобы принять то, что ей предлагали.

— Не стоит этого делать, — раздался над ними глубокий, низкий насмешливый голос.

Линда медленно подняла глаза на высокого мужчину, нависшего над их столиком. Она успела отметить про себя, как резко побледнела Виола, будто была нарисована акварелью и на неё вдруг плеснули стаканом воды — краски как вымыло.

Линда помнила Рэя Кинга подростком. Он и тогда выделялся из толпы словно бриллиант среди булыжников.

Существует тип людей, очень красивых в молодости, но течение времени равняет их с толпой. К сожалению, Рэй Кинг к ним не относился. Пришлось нехотя отметить, что годы пошли ему лишь на пользу.

В высоком поджаром теле не было ни жиринки, ни перекаченных мускулов. Длинноногий, узкобёдрый, широкоплечий — мерзавец был отлично сложен. Лицо под стать фигуре — лепные скулы, полные губы, тонкий, с небольшой хищной горбинкой, нос. Ресницы длинные, пушистые, как у куклы, из-за них глаза казались чёрными. И лишь хорошенько приглядевшись, понимаешь, что чернота эта вытекает из густой, почти полумночной, синевы.

Густые, чёрные волосы слегка вились и, если бы не резинка, удерживающая их на затылке, наверное, спадали бы на плечи мягкими волнами, которых некоторые красавицы добиваются, платя баснословные суммы стилистам.

— Что ты здесь делаешь? — зашипела Виола.

— Соскучился по тебе, дорогая, — с улыбкой проговорил Рэй, отодвигая стул и небрежно опускаясь на него. — Всегда бывает не по себе, когда не знаю, куда очередная нелёгкая унесла твою легковесную особу.

Смеющиеся жёсткие глаза смотрели прямо, будто бросали вызов и подначивали его принять.

— Не устаёшь вонзать мне нож в спину, дорогая сестричка? И жизнь тебя ничему не учит? Не стану обсуждать моральную сторону вопроса. Понимаю, в нашей аморальной жизни это лишнее. Но тебе не приходило в голову, что печальным следствием предпринятой тобой авантюры может стать отсутствие денег, которые ты так любишь? Не на что будет покупать сумочки из крокодиловой кожи, бриллиантовые гарнитуры, сотысячную пару обуви? Я уже помолчу о героине, без которого твои мозги перестанут функционировать даже в той слабой степени, в какой это возможно сейчас?

Но я понимаю, во имя великой цели можно чем-то и пожертвовать. К тому же у тебя наверняка есть план «В», правда? План «В» есть всегда и, как правило, он так же всегда полный отстой. Именно этот маленький, но существенный фактик мешает ему стать планом «А».

Не нужно также быть особым умником, чтобы понять, в чём твой план «В» заключается? Конечно же, Энджел не только твой любовник, но и ещё и твой сын. И, конечно же, учитывая эти два фактора, он тебя не бросит. Будет продавать себя для тебя ничуть не хуже, чем делает это для меня. Количество сумочек и наркотиков подсократится, но не иссякнет полностью, что делает для тебя вариант более, чем приемлемым.

Мисс Филт, — с нарочитой предупредительностью развернулся в сторону Линды Рэй Кинг, — вас не утомляют наши маленькие семейные дразги?

Предупредительная улыбка сменилось хищной ухмылкой:

— Надеюсь, что нет, потому что это только начало.

Линда выжидающе смотрела на него. Рэй не заставил долго ждать своей следующей реплики:

— Что вам тут наболтала моя дражайшая, в полном смысле этого слова, половина? Какую из её любимых страшных историй?

— Ту, в которой вы убиваете моих родителей.

Смех, пусть даже и злой, иссяк в глубине его глаз. На мгновение все черты заострились и Линде всерьёз начало казаться, что Рэй сейчас перекинется в зверя в прямом смысле этого

слова. Ни у одного другого человека она никогда не наблюдала подобных метаморфоз.

— О! В этом месте я, наверное, должен смутиться, испытывая глубочайшие муки совести? Я преувеличу, если скажу, что был доволен тем, какой поворот приняли тогда дела. Но совесть меня не мучала. И теперь — не мучает.

На самом деле я вообще не испытываю удовольствия, когда приходится убивать людей. Особенно жаль тех, кто был ко мне лоялен, как твой отец.

Филт был неплохим парнем. Жаль, угораздило его влюбиться. Этим грешит большинство неплохих парней.

Вообще, заметил одну закономерность — плохие парни никогда не влюбляются. Они не готовы рисковать собой не при каких условиях и, к тому же, обычно до тошноты трусоваты, до смешного продажны.

А хорошие всегда влюбляются не в тех баб. Им как по кону достаются либо шлюхи, либо дуры. Второе, по-моему, даже хуже. Вот любопытно, мисс Филт, — пристроив локоть на стол, подперев рукой подбородок, протянул Рэй Кинг, — к какому типу вы отнесёте себя?

— Даже не знаю, что сказать, мистер Кинг, — с сарказмом протянула Линда, разводя руками. — Для шлюхи в моём послужном списке маловато мужчин, а дурой мешает признать себя самомнение.

Рэй ухмыльнулся снова:

— Вы не взяли флэшку.

— Не успела.

Рэй дёрнул бровью:

— А если бы успели, то взяли бы?

— Не исключено.

Рэй поморщился, будто слышал неверно взятую в пассаже ноту, а мелодия до сего момента казалась ему вполне сносной:

— Одной только фразой вы походя подтвердили все опасения и развеяли сомнения... если бы они у меня были. Я вот тут знаете о чём подумал?

— Я не телепат.

— Исходя из моей собственной теории, я ведь не просто неплохой — я замечательный человек. Ведь столько лет, несмотря на обилие других женщин, терплю около себя мою милую сестричку, которая и шлюха, и дура — в одном флаконе.

— Это ваши проблемы, мистер Кинг. А сейчас, вы если вы не против, я бы хотела...

— Я против, — вскинул глаза Рэй.

Линда замерла на полуслове и полу-движении, поняв, что красивый уход отменяется.

— Ты ещё не поняла, что из тебя хотели сделать подставного поросёнка? — протянул Рэй.

— Я думала, меня планируют использовать в другом качестве.

— Курьера, например? Ан нет. На самом деле эта флэшка не более, чем бутафория. Предполагалось, что пока мы будем следить за Виолой, встречающейся с тобой, кое-кто другой передаст Альберту подлинник. Так ведь, дорогая? — сощурившись, исподлобья смерил взглядом Виолу Кинг.

Линда заметила, как та вздрогнула.

— Вот уж кто бы мог подумать, что придёт время, когда ты станешь играть с Сиреной в одной команде? Что ты там говорила о риске при достижении целей, милая? — сверкнул он глазами.

И хотя Рэй улыбался, так и хотелось поёжиться от этой улыбки, спрятаться за что-нибудь.

— Риск — это замечательно, правда? Такая весёлая игра! Особенно, когда рискуешь чем угодно и кем угодно, но только не собой. Вот скажи, когда с этой девочки я шкуру живьём сдеру, тебя совесть мучить не будет?

— А тебя? — тяжело дыша спросила Виола.

— Что за глупый вопрос? — скривился Рэй. — Со мной-то всё ясно. Но ты же вроде как за белых и пушистых пытаешься играть?

— Подождите! — вмешалась Линда. — Что вы собираетесь со мной сделать?!

— Ну, нет, свежевать живьём я тебя конечно же не буду. Не целесообразно. Просто отдам моим ребятам, пусть развлекаются.

— Вы, конечно, шутите?

— Конечно, нет.

— Вы сидите и спокойно рассуждаете о том, как посмеете подвергнуть меня насилию?..

— А мне-то тут из-за чего нервничать?

И снова в синих полу-прищуренных глазах Рэя Линде мерещился вызов.

И снова поверить в то, что этот лощённый, красивый человек прямо посреди уютного, наполненного людьми кафе, всерьёз говорит о подобных вещах было сложно.

Линда рассмеялась. Немного деланно.

Рэй улыбнулся, не разжимая губ.

— Ладно. А что будет потом? Скормите меня вашим цепным псам, предварительно устроив расчленёнку? Могу я, как лицо заинтересованное, полюбопытствовать, за что меня подвергнуть столь суровым санкциям? Я ведь провинилась только в том, что пришла на встречу с вашей... хм-м? Женой? Сестрой? Даже не знаю, как обозначить ваш странный, слава богу, не распространённый для практики, случай?

— В данном конкретном случае дело вообще не в тебе.

— Я вас не понимаю.

— Ты из тех, кого пригласили к праздничному столу, но лишь в качестве закуски. Альберт хотел объявить мне шах? Ты будешь моим ответным ему посланием.

— А не могли бы вы уладить свои дела как-нибудь без меня?

— Мне отчего-то кажется, что с тобой это будет короче и доходчивей. А интуиция меня никогда не подводит.

— И вы предполагаете, что я просто так позволю вам распоряжаться собой?

— Ну, не просто так, — протянул Рэй Кинг. — Определённо после небольшого волевого усилия с моей стороны. Но ты пойдёшь. Я я не предполагаю — я знаю это.

Взгляды Линды и Рэя встретились.

Голова наполнилась странным туманом. Дальнейшее происходило словно в каком-то странном забытии. Навалилась сонливость. Линда словно пребывала в состоянии изменённого сознания.

Она помнила, как встала из-за стола, миновала ряд столиков и, поддерживаемая тихо посмеивающимся Рэем под руку, вышла из кафе.

На улице было прохладно и Рэй бережно накинул капюшон Линде на голову.

Случайные прохожие улыбались, возможно видя в парочке двух влюблённых голубков.

Очнулась Линда уже сидя в машине. Ухватившись за дверцу, чисто машинально потрясла её лишь затем, чтобы убедиться — двери заблокированы.

— Видите, мисс Филт, всё оказалось куда проще, чем вы думали? — сказал Кинг, заводя мотор.

Паники ещё не было, потому что в то, что всё на самом деле очень плохо, Линде верить не хотелось. Как учили психологи в университете и на стажировке, если тебя не насилюют и не убивают сразу же, у тебя есть время.

Нужно попытаться вступить с тем, кто может представлять угрозу, в контакт. Правило гласило: «Говори и как можно больше». Согласно этому правилу для потенциального агрессора жертва чаще всего должна оставаться безымянной. Чем больше он видит в тебе личность, тем больше шансов уйти живой. А уж невредимой — это как получится.

— Вы убедили меня в серьёзности ваших намерений, — процедила Линда.

Пока её поддерживал гнев, сохранять голову на плечах было легче.

— Может быть, теперь просто подвезёте меня до ближайшей остановки и забудем об инциденте?

Рэй хмыкнул:

— А вы мне начинаете нравится. Забавная девица. Но вынужден настаивать на своём предложении.

— И кто же вас к этому вынуждает?

— Не кто, а что, красатуля. Мои извращённые принципы.

— Но согласно вашим извращённым принципам, разве я не невинна? Я ведь даже в руки не взяла вашу чёртову флэшку!

— Я, кажется, уже брал на себя труд объяснять, что твоя невинность в любом аспекте не стоит выеденного яйца. То, что ты ни в чём не успела напакостить, безусловно, зачтётся. Я ведь не собираюсь тебя убивать?

Виола истерично, зло рассмеялась.

Линда повернула голову в её сторону:

— И вы ничего не скажете?! Не вмешаетесь?! Я же попала в эту нелепую ситуацию из-за вас!

— Не трудись взывать в Виоле. Во всем мире мою дорогую сестрицу интересуют три вещи: шмотки — наркотики — секс. Она спокойно стояла в сторонке, когда насильовали её собственного сына. Так станет ли она ради тебя рисковать? Кроме того, у нас с сестричкой предстоит свой разговор.

— Мне повезёт, если я не окажусь там же, где и вы, — холодно процедила Виола сквозь зубы.

— Вы не могли бы ехать чуть-чуть помедленнее и капельку аккуратнее? Я совершенно не тороплюсь ни на тот свет, ни туда, куда вы меня везёте, — рыкнула Линда, когда они каким-то чудом разошлись с мчавшимся навстречу лексусом.

Хотя, если по справедливости, это они неслись по чужой полосе.

Линда тут же пожалела о сделанном замечании. Расхохотавшись, почти как шкодливая мальчишка, Рэй прибавил скорость, бесшабашно и дерзко перестраиваясь из ряда в ряд.

Его только веселили и подстёгивали несущиеся вслед возмущённые гудки.

— Какого чёрта ты творишь?! — вырвалось у Линды, когда из-за них чуть не столкнулись лоб в лоб две машины. — Сбавь скорость, мать твою!

— Если у кого-то плохая реакция, это их проблемы, — пожал Рэй плечами. — А вот если ты ещё раз посмеешь мне указывать, да ещё и вспоминать мою матушку, это может плохо для тебя кончиться.

Наконец они затормозили. К удивлению Линды, у какой-то, судя по виду, промышленной зоны, заброшенной вот уже несколько лет.

Отовсюду торчали куски арматуры, металлические двери, запаянные намертво проходы, уводящие куда-то в глубь непроглядным тёмных дыр.

— Это что? Декорации к фильмам ужаса? — не смогла она удержаться от шпильки.

— Можно сказать и так, — снова подхватив Линду под руку, Рэй вытащил её из машины одним рывком, усмехнувшись в лицо мягко и нагло, как кот, намеревающийся сожрать пойманную им мышку. — Если только ты не любишь групповуху так же, как люблю её я.

Линда попыталась выдернуть руку, но он только крепче сжал пальцы.

— Идём, дорогая. Упираться бессмысленно.

— Зато приятно!

— Ну, каждый получает удовольствие доступным ему способом. Кто я такой, чтобы за это тебя осуждать?

— Отпустите меня, пожалуйста, — взмолилась Линда.

Она не особо верила в успех предприятия. Но попытаться всё равно стоило.

Внутри металлических ангаров было ненамного уютнее, а главное, ненамного теплее.

К удивлению Линды, они вошли в лифт. Тот начал медленно опускаться в шахту.

И вот тогда её стало по-настоящему страшно. Солнце, люди и жизнь оставались наверху, а тут словно живым в могилу опускаешься.

«Я хочу верить, что сплю и просто вижу страшный сон», — пронеслось в голове.

Спокойный и невозмутимый, будто идёт на работу в офис, с бумажками копать, Рэй Кинг шагнул в длинный узкий коридор, с множеством металлических дверей.

— Что это такое? — не удержала вопроса Линда, с испуганным изумлением рассматривая подземный город.

— Мой дом. Как и полагается червям, мы живём под землёй. Ничуть не менее удобно, между прочим, даже комфортнее, чем в небоскрёбах. Если правильно всё обустроить, конечно.

— И вы, конечно же, всё обустроили правильно? — язвительно протянула она.

— Конечно, — хмыкнул Рэй.

Он толкнул одну из комнат, открывая взгляду Линды даже не комнату — судя по размерам, скорее, зал. Людей здесь было не меньше двух десятков, от лиц в глазах зарябило. А сердце сжалось испуганным воробушкам, когда все они разом притихли и принялись, словно школьники, подниматься с мест.

— Привет, ребята, — кивнул им Рэй. — Отдыхаете?

— Мы это заслужили, — не слишком уверенно захорохорился чернявый тип, судя по внешности, латинос. — Парни имеют права немного повеселиться после того ада, через который прошли ради тебя.

— Да я не против. Даже привёл вам красотку чтобы добавить в ваш скучный мальчишник немного перчика.

Линда едва не кинулась бежать со всех ног, куда глаза глядят. Удерживало только сознание, что бежать некуда. Со всех сторон стены, охрана, замки, вооруженные до зубов мужчины.

— На проститутку она не похожа.

— Наверное, потому, что не проститутка? — сощурился Рэй. — Она работает на нашего конкурента, и я хочу доставить ему, своего рода, предупреждение. Так что, развлекайтесь,

ребята. «Всё включено», платить ни за что не придётся. Одно маленькое условие — что бы вы там не делали, девушка должна остаться живой.

Линда никогда и представить себе не могла подобного ужаса. В её отношениях к мужчинам всегда в приоритете были принципы равенства и взаимного уважения. Умная и сдержанная, она никогда не позволяла себе попасть в сомнительную ситуацию.

Лишь в этот раз всё пошло не так.

Линда чувствовала себя загнанной в нору лисицей, окружённой свирепыми псами. Всюду горящие похотью глаза, всюду глумливые улыбки, потные майки, липнущие к телу.

Самое неприятное, что в другой ситуации она сама могла бы счесть многих из окруживших её сейчас самцов очень даже ничего. Подтянутые, накаченные мачо знойного испанского типа. Но как не хорош волчара, лань, которой он вышел навстречу, знает только одно — это конец! Для неё не существует ничего, кроме осознания собственной боли и страданий. Все другие качества кроме острых клыков для приговорённой жертвы не имеет значения.

Единственным препятствием между ней и пускающими слюни хищниками был Рэй Кинг. И Линда бросилась к нему за защитой, чисто инстинктивно хватая за руку:

— Пожалуйста! Пожалуйста, нет! Не делайте этого. Я не переживу! Я не смогу!..

Рэй стряхнул её с себя, словно надоедливую букашку. Его лицо было словно каменным.

— Не мои проблемы.

— Пожалуйста! — упала Линда перед ним на колени, пытаясь удержать, не дать уйти. — Я сделаю всё, что угодно! Только не заставляйте меня пройти через это!

— Я Ну и что мы на меня смотрим?! — обернулся он к своим парням. — Уберите уже её от меня.

— Будь ты проклят! — заверещала Линда, чувствуя, как чужие липкие руки поднимают её с пола и тянут за собой, словно бесы в ад. — Мерзавец! Гад! Гореть тебе в аду! Тебе мало было убить моих родителей! Отнять детство, счастье, любовь!!! Тебе всего мало, ненасытная тварь! Ради пустой забавы ты отнимаешь последнее, что у меня осталось — чувство собственного достоинства. Если бы я могла, я бы собственными руками стёрла тебя в порошок!

Волосатые короткопалые пальцы одного мужика лапали её, другой мертвой хваткой глумливо удерживал, не давая возможности увернуться, уйти, отбиться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Лучше убей меня!!! — взывала Линда. — Ты, чокнутый придурок!!! Если пришла в голову фантазия насиловать меня, сделай это сам, долбанный пидарас! Всё, что ты способен делать это стоять и смотреть, жалкое подобие мужчины! Импотент! Или единственная, у кого на тебя стоит, это твоя сучка-сестричка, такая же жалкая психопатка?!

В зале стало так тихо, что, наверное, было бы слышно, как пролетела муха.

Если бы муха тут, конечно, летала.

Медленно, угрожающе, как в замедленной съёмке, Рэй Кинг остановился на полпути, не дойдя до двери несколько шагов.

Развернулся, поглядев через плечо.

С белого лица, красивого по всем понятиям и канона, глядели жуткие глаза разъярённого монстра.

Так же вальяжно, как лев, уверенный в собственной силе и непобедимости, Рэй приблизился к всхлипывающей Линде.

«Сейчас он меня убьёт», — подумала Линда. — «Ну и пусть! Всё лучше, чем то, на что меня решили обречь».

Она вскинула голову, с вызовом глядя в ненавистное лицо.

— Что ты сказала? — тихо спросил он.

— Сказала: хочу, чтоб ты сдох! Как собака. Медленно и мучительно. Хочу, чтобы ты заплатил за всё, что сделал с моей семьёй.

Её трясло.

Линда понимала, что с рук ей её слова не спустят. Но чего ей ещё бояться?

— Нет, — покачал головой Рэй. — Ты не это сказала — совсем другое. Сомневаешься в моей способности оттрахать тебя, куколка?

Пальцы его клешней до боли сомкнулись на её подбородке:

— Думаешь, тебе придётся это по вкусу?

— Мне пришлось бы по вкусу другое.

— Правда в это веришь? — насмешливо хмыкнул Рэй. — Что у тебя хватит силёнок прикончить меня?

— Пороха бы, может, и хватило, — прорычала Линда. — Да жаль, ружья нет.

— А ружьё я тебе дам, — весело проговорил он, блестя сумасшедшими глазами. — Пит?..

— Да, сэр? — откликнулся один из Кинговских головорезов.

— Давай, одолжи-ка даме свой пистолет.

Линда с недоумением глядела на протянутое ей оружие, зажатое в белых длинных пальцах Рэя.

— Ну? Что медлишь? Вот он я, перед тобой. Стреляй. Если сможешь.

Линда ошарашено поглядела на протянутый ей пистолет, переводя взгляд с чёрного дула, вблизи кажущегося огромным, на смеющееся, жёсткое лицо Рэя Кинга.

— Ну? — картинно выгнул брови он. — Чего медлишь? Выглядишь так, будто пребываешь в замешательстве. О чём думать? Или, на самом деле, ты уже не так сильно уверена в том, что жаждешь моей смерти? Нет, ты её, конечно, жаждешь, но рассчитывая посмотреть из-за угла на чью-то работу, держа собственные ладошки чистенькими, не замаранными ни в чьей крови. В этом вы, женщины, похожи друг на друга. Предпочитаете таскать каштаны из огня чужими руками.

— Я не...

— Так докажи это! Возьми оружие и спусти курок.

Его голос и взгляд были откровенно провоцирующими. Она нервно выхватила протянутое ей оружие.

Линда не была уверена в скрытых мотивах Кинга. Она даже не была уверена в том, что они, эти скрытые мотивы, вообще существуют.

— Аккуратней, мисс Филт. Курок взведён, пистолет может выстрелить. Если вы преждевременно снесёте себе башку, то испортите нам всё веселье. И не волнуйтесь вы так. Обращение с оружием требует хладнокровия. И ещё, если вы намерены застрелиться, тогда всё путём, но если хотите пристрелить меня, его следует держать иначе.

Линда трясущимися руками направила пистолетное дуло в сторону Рэя.

Её трясло одновременно и от пережитого только что страха и от переполняющей душу ярости. От того, с каким насмешливым любопытством вся компания наблюдала за разыгрываемым бесплатно развлечением.

— Отлично! Итак, мисс Филт, вы это сделали. Молодец. Ну а теперь постарайтесь прицелиться... хотя самому мне представляется с трудом, что можно промахнуться буквально с трёх шагов, но я видел, как некоторые всё же ухитрялись проделывать подобное.

Линду трясло всё сильнее. Дуло заметно отклонялось то вверх, то вниз.

Пистолет был крохотный. Он мог поместиться в сумочке у Линды. Но при этом тяжёлым. Ощущение, будто держишь в руке монолитный кусок стали.

— Спокойнее, мисс Филл, спокойнее. Руку держите ровнее. Можете прислонить её к стене, или к чему-то, что поможет держать упор. Так будет легче. И учтите, что как только вы нажмёте на гашетку, будет отдача. Постарайтесь при этом оружие не выронить.

Любопытно, что чисто машинально Линда проделала всё, что Кинг советовал.

— Теперь положите указательным палец вот на этот маленький рычажок и, не забывая держать дуло направленным на меня, плавно спускайте.

Линда расширенными глазами смотрела на стоявшего напротив Рэя Кинга, спокойным голосом инструктирующего, как лучше себя пристрелить.

Ситуация откровенно абсурдная.

Она понимала, что с ней играют. Возможно, пистолет вообще не заряжен?

— Вы что-то долго целитесь, мисс Филт, — скучающим голосом протянул её мучитель. — Это становится неинтересным. Вы вообще собираетесь стрелять?

«Нажми на курок. Сделай это».

Она была уверена, что сможет. Когда на одной чаше весов лежит твоя жизнь, на другой — чужая, долго думать о приоритетах не стоит.

Тёмные волосы Кинга рамкой обрамляли бледное лицо. На нём не было ни тени испуга — он не боялся. А не бояться он мог только в одном случае — если точно знал, что находится в безопасности.

Придя к такому выводу, Линда испытала облегчение. Это просто проверка. Пистолет либо не заряжен, либо заряжен холостыми.

Зажав пистолет обеими руками, она медленно опустила его вниз, в пол.

— И только-то! — разочарованно протянул Кинг. — В итоге — пустой салют.

— Вы не дали бы мне заряжено оружие. Неужели вы думаете, что я этого не понимаю?

— Не дал бы заряженного оружия? — Кинг казался искренне удивлённым. — Это ещё почему?

— Вы игрок. Но, сдаётся мне, в некоторых случаях вы не прочь смухлевать.

— Даже если допустить, что вы правы, тем более нет поводов колебаться. Стреляйся, мисс Филт. Стреляйте.

— И что мне это даст? — сощурилась Линда.

Кинг рассмеялся:

— Да, откровенно говоря, ничего. Вы правы: я мухлюю. Правда, не так, как думаете. Пистолет-то заряжен. Но даже если вы выпустите в меня всю обойму, вашу участь к лучшему это не изменит. Просто даст мне лишний раз возможность покрасоваться, демонстрируя себя, любимого, в полный рост.

Говоря это, Кинг приблизился вплотную. Пистолет в руке Линды перестал прыгать туда и сюда, потому что теперь его дуло упиралась Рэю в грудь.

Если точнее, в область солнечного сплетения.

— Вы хотели задеть моё самолюбие, упрекнув в мужской несостоятельности? Положим, вам это удалось. На это «слабо» ведутся все без исключения особи мужского пола, отвечая

на вызов не одним, так другим способом, — в глазах Кинга плескалось злое веселье. — Я в любом случае теперь докажу вам, насколько я горяч и могуч. Но если вы в меня ещё и выстрелите, я сделаю это с нимбом мученика над головой. Так будет интересней, не находите?

Линда помотала головой:

— Для меня интересней всего будет тот вариант, в котором вы меня попросту отпустите.

— Нет уж, попалась, так попалась, бабочка. Ну, так что? Смиренно примешь участь жертвы? Или же, для начала, пусть и без толку, но побрыкаешься?

В глазах Рэя Кинга не было ничего, способного внушить Линде надежду.

Именно в этот момент она поняла, что он не шутит.

Секунда, другая.

В голове пронеслись мысли одна шальней другой. Что лучше? Групповое изнасилование? Или мгновенная смерть? пытка, через которую придётся пройти, унижение и боль?

Или куда более достойная смерть?

Всё в Линде протестовало против принятого решения. Она сама с собой была не согласна, но колебаться не было времени. Второго шанса не будет.

Видимо, что-то в её лице промелькнуло такое, что заставило Рэя Кинга насторожиться. Реакция у него была быстрая, молниеносная, как у кобры.

Линда не успела поднести пистолет к своему виску. Рэй выбил пистолет из её руки.

Выстрел прозвучал оглушительно. Резко и едко запахло пороховой гарью.

Оглушённая, пребывая в лёгком шоке, Линда стояла и смотрела на исказившееся лицо Кинга.

Видимо, в её восприятии время текло чуть дольше, чем было на самом деле. Потому что для неё момент, когда она выстрелила и удар по лицу, последовавший за этим, разделялся томительно текущими секундами. А одно, скорее всего, сразу последовало за другим.

— Да уж! Женщины никогда не устают удивлять. Этого варианта я почему-то не учёл, мисс Филт. Один — ноль, в вашу пользу. Ваш выбор вам зачтётся. Приступим к десерту.

— Нет!!! — рванулась Линда, с тем же успехом, с каким бабочка бьётся о стекло.

— Отдай её мне, отец.

Линда готова была благословить вмешавшегося уже за одно то, что руки, деловито задравшие ей юбку, замерли на бёдрах.

Рэй медленно повернул голову на звук раздавшегося голоса. Заплаканная, затравленная Линда сделала то же самое.

— Ливиан? Что ты здесь делаешь?! — прорычал Рэй Кинг.

Высокий и стройный молодой человек стоял у металлической лестницы, по которой, судя по всему, спустился минутой ранее.

— Ты столько раз приглашал меня после нашей последней ссоры. Вот я и решил, наконец, зайти. А тут такое дело... Знаешь, я приму твоё предложение отец. Но с условием.

— Кто бы сомневался? — скривился Кинг, не выпуская Линду из своих рук. — Какое условие?

— Я хочу эту женщину для себя.

— Да неужели? Решил поиграть в спасателя?

— Каковы бы не были мои мотивы, моё условие — это она. Я сделаю то, что хочешь ты,

но лишь после того как ты сделаешь то, что хочу я.

— Эта женщина нужна мне для другой цели.

— Тебе решать, какая из целей для тебя важнее, — невозмутимо отозвался Ливиан.

— Обе важны. Но если ты так настаиваешь, я тебе её отдам. Желание детей закон для родителей.

Ливиан скривился, как если бы у него внезапно и сильно заломил зуб.

— Но и желания родителей следует исполнять, — продолжил Рэй. — Мне нужно доставить с этой женщиной послание нашему сладкому Альберту Элленджайту. Послание это должно быть хорошо читаемым и недвусмысленным. Возьмёшься сделать это сам?

— Что именно?

— Изнасилуешь эту куколку для меня здесь и сейчас, в кругу товарищей? Или кишка тонка?

— Я давно подозревал, что у тебя крыша не то, что потекла и поехала. Тут уже до фундамента коррозия дошла. Я сделаю это. Так, как ты скажешь и так, как захочешь, Рэй.

— Серьёзно? Станешь насиловать плачущую женщину? — смеясь, проговорил Кинг. — А как же все прошлые разговоры о высоких материях, сын?

— Повторяю, я сделаю всё, что ты захочешь. Но я буду единственным. Никто другой, включая тебя самого, её и пальцем не коснётся.

— Всегда подозревал, что ты жадина, — засмеялся Кинг. — Что ж? Твоё предложение разумно. И вашим, и нашим, как говорится. По рукам. Можешь приступать.

Линда испуганно переводила взгляд с Рэя на Ливиана.

— Ты хочешь, чтобы я сделал это прямо здесь? — брезгливо поморщился Ливиан.

— Именно.

— Почему?

— Я тебе не доверяю, — ухмыльнулся Рэй. — Вдруг ты чего-то не доделаешь, а эта приткая красотка станет потом всюду утверждать, что не только отец, но и сыночек слабы в проявлении мужской силы.

— Ты больной на всю голову.

— Правда, что ли? — продолжал зубоскалить Рэй.

Ситуация конечно же наметила тенденцию к лучшему. Один, в данном случае, куда лучше двух десятков, спору нет. Но когда тебя собираются прилюдно отыметь это тоже не фонтан.

«Просто сожми зубы и терпи», — приказала себе Линда. — «Выбора всё равно нет».

Скользнув по лицу Рэя ненавидящим взглядом, Линда на ватных ногах двинулась в указанную ей сторону. Ливиан тоже, судя по всему, восторга от предстоящего не испытывал. Это радовало.

— Надеюсь, ты не стыдлива? — тихо выдохнул он, беря Линду за руку и толкая к стене, закрывая от многочисленных любопытных, похотливых, насмешливых и просто безразличных взглядов.

— А если стыдлива? Что тогда?

— Тогда ничего, — кивком отбросил он упавшую на глаза чёлку.

Адреналин, кипевший в крови, ушёл. На смену ярости, гневу, истерике пришло странное, но в какой — то степени спасительное оупение.

Запас человеческой прочности столь велик, что остаётся только удивляться.

Ещё вчера, кто бы Линде рассказал о возможности такой, прямо сюрреалистичной,

ситуации, она бы с уверенностью утверждала, что не вынесла бы ничего подобного. Такое унижение немыслимо. И переживать его, наверное, даже и не нужно.

Но когда судьба тебя ставит перед препятствием и не оставляет выбора, ты просто закрываешь глаза, смиряешься и плывешь по течению. Она исчерпала все бывшие в её запасе средства защиты. Если бы продолжила истерику дальше, не факт, что Рэй не решил бы вернуться к первоначальному варианту где «все — все — все с ней одной». Ливиан был лучшим из худшего.

Сжав зубы, Линда заставила себя стоять спокойно и не сопротивляться.

Она пыталась себя уговорить, что всё не так уж и плохо. Он не стар, не толст, в иной ситуации его легко было бы счесть привлекательным. Даже пахнет дорогим парфюмом.

В действиях Ливиана нет садисткой грубости, желания её унижить.

Весьма вероятно, он, как и сама Линда, просто делает то, что должен. И, в сложившейся ситуации, нужно отдать ему должное, делает со всей возможной в этой ситуации деликатностью.

Когда рука Ливиана, скользя к Линде в трусики, попыталась немного приласкать её, она дёрнулась, зашипев рассерженной кошкой:

— Это лишнее!

— Предпочитаешь на сухую? — индифферентным голосом поинтересовался он.

— Заканчивай с этим поскорее!

— Нравится роль мученицы? — хмыкнул он, в то время как его пальцы со знанием, умело делали своё дело.

Никакого неземного удовольствия Линда, естественно, не получала. Обстановка не располагала. Но её неудобство и дискомфорт были большей частью духовного плана. Физически боли она не ощущала.

Ливиан был бережен и аккуратен, осторожен и при этом методичен, как машина. На счастье, или на беду, но проблем с его потенцией у них не возникло.

В жизни Линды до этого было всего двое мужчин. Ни с одним из них дело до оргазма так и не доходило. По сути, когда отношения достигали определённой стадии, Линда просто делала то, что считалось правильным — она притворялась, изображая отсутствующую разрядку и считала это нормальным.

Считается, что у зрелой особи должен быть секс? Он был. Кто возразит?

С её стороны страсть слиянию никогда не предшествовала. Скорее, в действие приходила схема: надо — значит надо. Решение принимал разум, а не тело или чувства.

Секс казался Линде чем-то смешным, даже досадным, но тем, что терпеть можно и даже нужно, если собираешься строить отношения с мужчиной.

Не чувствуя совершенно ничего ни на одной из стадий процесса, начиная от поцелуя и заканчивая фрикциями, Линда, естественно, не понимала, что заставляет людей к этому стремиться. Время, потраченное в постели с любовником, было для неё убитым временем, которое куда с большим успехом можно было бы разменять на что-то для себя полезное или хотя бы интересное: чтение книги, просмотр фильма, разговор, наконец.

Поэтому неожиданно приятные ощущения внизу живота застали Линду врасплох. Она никогда не верила в «тело предало её», да по большому счёту, тело её не придавало никогда: ни тогда, прежде, ни сейчас.

Ничего в ней не плавилось, не переполнялось эмоциями. Эмоций как раз вообще не было. Никаких. Линда чувствовала себя в этой сфере пустой, как выеденная скорлупа

грецкого ореха.

От неё в процессе участвовало только тело.

Но самое странно, что ему-то, как раз, вроде как всё и нравилось. Её тело, в отличие от самой Линды, не имело ничего против совершенно незнакомого человека, кажется, моложе неё самой, чьего лица она толком даже не успела рассмотреть.

Возможно, мозг Линды так извращённо реагировал на дикую ситуацию, в которую она попала?

Возможно, перенасыщенный адреналином организм, всё-таки не до конца избавившийся от гормонов, выдал то, чего с ним ещё не случалось до сей поры ни разу — оргазм?

Но в любом случае всё это никак не походило ни на восторг, ни на радость. Это было мерзко, постыдно и гнусно. Линда предпочла бы сладкой судороге, скрутившей внутренности, острую. боль.

В этой ситуации боль стала бы её защитой, барьером, бронёй.

Сдавленные стоны Ливиана действовали на Линду как оголённый провод на нервы. Этот глубокий и тихий, как сдавленное рычание, стон был ей ненавистен.

Её от него тошнило.

И от себя — тоже.

Линде невыносимо неприятно было видеть его дикий и долгий взгляд, когда Ливиан поднял голову.

Омерзительно было слышать, как он дышит сквозь сжатые зубы.

А Ливиан, как назло, всё ещё прижимал её к себе, стискивая за плечи.

Чувствуя такую злость, на которую раньше считала себя попросту не способной, Линда тихо прошипела, как змея, которой придавили хвост:

— Пусти!

Ливиан подчинился.

Разжав пальцы, он отдёргнул от неё руки, будто обжёгся.

Линде казалось, что она слышит свой собственный плач со стороны. Такой же болезненные и горький, как удары её сердца.

Мыслей не было.

Мысли словно обратились в мёртвых птиц. Они усыпали сознание чёрными перьями. Внутри души как будто поработала мясорубка.

Линда не смогла заставить себя даже взглянуть в лицо человеку, который только что владел ею. Пусть и не по своей воле, может быть даже без желания сделать это.

Всё это не скрашивало ситуацию — оно делало её ещё более безнадёжной и гадкой.

Не хотелось ни видеть, ни жить, ни дышать.

Но это ничего. Она, как лисица, заползёт в свою нору, отлежится, залижет раны.

Она выживет.

Должна выжить, чтобы заставить заплатить *эту* тварь за то, что он с нею сделал.

Не Ливиана — Рэя Кинга.

Линда тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения, но вместо того, чтобы рассеяться оно, напротив, приобрело более навязчивые черты и сделалось ещё более жутким — за спиной Ливиана, бледный, похожий на призрак самого себя, стоял Альберт.

Заметив замешательство в её взгляде, Ливиан обернулся. Как раз вовремя, чтобы нарваться на кулак, со всего размаха, точно молот, ударившего ему в лицо.

— Какого?!. — грязно выругался Ливиан, инстинктивно хватаясь за разбитый нос.

— Ах ты тварь!

Но нанести удар ещё раз у Альберта не получилось. Подоспевший Рэй перехватил его руку и ловко скрутил парня, заведя её за спину.

— Тихо, тихо, милый! Для мальчика из хорошей семьи у тебя слишком горячий нрав и плохие манеры.

— Пусти меня, — холодно процедил Альберт.

Глаза его отливали зелёным кошачьим огнём.

— Конечно, пушу. К чему нам долгий и близкий контакт, если мы не планируем заняться ничем интересным? Но ты бьёшь не того парня. Ливиан тут играет за белых, спасает девицу, а ты ему тут витрину портишь...

— Спасает девицу? От чего же он её спасает таким странным экзотическим способом?!

— Ты будешь смеяться, но — от меня. От странных людей при невероятных обстоятельствах спасают самые неожиданные поступки.

— Ты опустишь мою руку или нет? — прорычал Альберт.

— Даже и не знаю. У тебя такая замечательная попка, что я уже начал подумывать, а не подбить ли тебя всё-таки на более тесный контакт? Ну да ладно. Сначала дело — потом удовольствие.

Рэй отступил на шаг, выпуская Альберта из медвежьего захвата.

Тот потёр руку и оглянулся на Линду:

— Ты не пострадала?

— Зная Ливиана, я бы скорее рискнул предположить, что твой адвокат получила удовольствие, — усмехнулся Ливиан. — Я вообще-то иначе всё задумывал, но в итоге так тоже получилось неплохо. В моей жизни уже встречался этот весьма странный тип женщин, что от оргазмов страдают больше, чем от разбитого носа. Где ты откопал эту фригидную бабу?

Альберт ответил лишь разгневанным взглядом.

— В общем, мысль моя проста. Если ты ещё раз посмеешь сунуть нос в мои дела (имеется в виду финансовая часть, а что касается личной, тут я тебе только рад), то на месте твоего адвоката окажется твоя невеста. И не факт, что белый рыцарь, вроде моего старшего сына, окажется рядом. Всё может пройти не так...чистенько. Надеюсь, ты усвоишь урок, сладкий, — протянул Рэй. — Ну а теперь, если тебе нечего сказать, забирай свою сучку. Валите отсюда оба.

ГЛАВА 9. Альберт. Противостояние

Я надеялся на спокойное, мирное, сладкое утро — достойное продолжение ушедшей в прошлое ночи. Надежды мои не оправдались.

Впрочем, начиналось-то всё замечательно.

Мы проснулись, пообнимались с Катрин, пошли завтракать.

Кэтти нельзя назвать первоклассной поварихой, но кофе и омлет она сварганила вполне сносный. И, вопреки моим ожиданиям, вела себя естественно и непринуждённо, кажется, нисколько не жалея о случившемся вчера.

Современные девушки, в отличие от моих современниц, никогда не жалеют о случайном сексе. Никак не могу привыкнуть к тому, с какой простой люди нового века воспринимают интимную сторону жизни. Порядочные девушки в моё время искренне

сокрушались о связях вне брака, бегали отмаливать свои грехи в церковь и считали, что их ждёт ад.

А нынешних девушек я вообще никак не могу разделить на «тех, на ком женятся» и «на тех, кто для развлечения». В век демократии стёрлись не только сословные, но и другие различия между людьми.

— Я хотела поехать к Мередит, потом от неё заеду к тёте, — делилась со мной планами на день Кэтти. — Может быть, удастся убедить её и Ирис переехать к нам?

— Может быть и удастся, — вздохнул я. — Вот только зачем это делать?

Мне всегда прежде казались забавными анекдоты про тещу и, хотя тётке Катрин тещей мне стать не светило, а с её родной матушкой я так и не удосужился познакомиться, всё же чувства мои были весьма... симптоматичны.

— Как это зачем? — искренне удивилась она. — Не могут же они до скончания жизни жить в отеле? Ты же сам говорил, что так нельзя.

— Ты что-то путаешь, любимая. Я говорил о том, что сам не намерен жить в отеле, а против пребывания там твоих родственников ничего не имею. Чего не скажешь об их переезде сюда.

— Но Альберт...

— Если ты считаешь, что им нужно жильё — купи его. Что хочешь, где хочешь, за любую цену. Только, ради всего хорошего, не тащи их сюда! Это наш с тобой дом. И я хочу, чтобы это так и оставалось. Если же твоя, темпераментная до любой хозяйской деятельности, тётка сюда ворвётся, считай-пиши пропало.

Я ожидал, что Катрин вознегодует, но она прыснула со смеха.

— Да уж! Тут ты прав. Но я всё равно к ним заеду.

— Против этого даже мысленно не возражаю.

— И спрошу — не хочет ли она иметь свой дом?

— Да сколько угодно.

Со стороны, наверное, казалось, что у меня отменный аппетит. Однако есть, как всегда, приходилось через силу, через боль. Но что поделать? Нельзя уступать собственному организму, потакая его капризам, иначе он запросит только легкоусвояемую пищу — кровь. А вот фигурки ему!

Раздалась звонкая позитивная трель.

— Сотовый? — приподняла брови Катрин, намекая на необходимость ответить.

— Мой? У моего, вроде бы, другая музыка?

— Ты вчера развлекался тем, что менял её раз восемь.

— Правда? Чёрт! И где ж он лежит?..

Мелодия оборвалась. Потом принялась звякать по второму кругу. Когда я всё-таки отыскал мобильник на его экране высвечивался незнакомый номер.

— Слушаю.

— Альберт?

Голос был красивый, глубокий и низкий. Но я его не знал.

— С кем имею честь?..

— Имеешь честь? О! Любопытные варианты. Я и слов-то таких не знаю. Ты меня не узнал, сладкий мой?

Я закусил губу.

По тишине, воцарившейся на кухне, понял, что Катрин наострила ушки, усиленно

прислушиваясь и пытаясь угадать, кто звонит? О чём разговор? Зуб даю, видимо, подозревала мою милую сестрёнку.

Опасаясь, что мои не слишком добрые и радостные чувства крупными буквами написаны у меня на лице, я повернулся к Кэтти спиной.

— Уже узнал. Ты так соскучился, что разыскал мой номер?

— Да на самом деле это пара пустяков. Но разговор не об этом. У меня для тебя новость.

— Почему меня это не радует?

Рэй рассмеялся:

— Я — Чёрный Плащ! Я обожаю портить людям настроение.

— Предлагаешь тебе посочувствовать?

— Предлагаю ужаснуться моему коварству и трепетать предо мной.

— Будет считать, что я так и делаю. По какому поводу должны оголиться мои нервы?

— По поводу твоего симпатичного адвоката.

— Ты о чём? — отбросил я шутливый тон, как стриптизёр — ненужные одежды.

— О Линде Филт. Не умно было ввязывать её в наши разборки.

— Я не... где она?!

— В моей тёплой компании.

— Не трогай её!

Про Катрин с её тонким слухом я в тот момент начисто позабыл.

— Буду, — довольно прозвучало их трубки. — Исключительно тебе в назидание. Ну и для собственного развлечения, конечно же так, самую капельку.

Перед глазами промелькнули недавние сцены. Сколько не пытался, так и не сумел их «развидеть».

— Чего ты хочешь? — спросил я, понизив голос.

— Я же уже сказал. Отдам твоего стряпчего моим парням. Пусть порадуются.

— Чего ты хочешь взамен на то, чтобы этого не делать?

Я очень старался не закипать. Смысла сейчас вопить и плевать ядом как истеричная девица?

— Я сделаю это при любом раскладе.

— Зачем?

Я всё ещё старался не повышать голос.

— Затем, что могу и хочу. Чтобы ты понял, мальчик, кто в городе главный и больше не под каким предлогом не смел переходить мне дорогу. Или, как вариант, всё-таки её перешёл, объявив настоящую войну. А то что-то в последнее время развлечений совсем не стало. Скучно.

— Ты чёртов сукин сын!

— Конечно. Только жаль, что не имею радости знать ту суку, что произвела на свет наш милый щенячий выводок. Ладно, сладенький, если поторопишься, может, быть сумеешь отскрести то, что останется от твоей драгоценной адвокатессы от плит моего ангара. Жду тебя с нетерпением, красавчик.

— Рэй?..

Но в трубке слышались лишь короткие гудки. Связь была прервана.

С размаху в ярости я ахнул мобильник об стену с такой силой, что он разлетелся по комнате, брызгая пластиком и электронной начинкой.

— Что случилось?

Только услышав её голос, я вспомнил, что Катрин всё это время была рядом. Но сообщать ей о бедственном положении нашей дражайшей Линды я был не намерен. К тому, что она тоже встанет на хвост от переживаний никому легче не станет.

— Альберт? Что-то не так?

— Да. Кое-что, — раздражённо отмахнулся я, направляясь к двери.

— Ты куда? Да что происходит? — по пятам следовала она за мной.

— Мне нужно срочно встретиться с одним...хм-м, назовём его деловым партнёром?

— Каким ещё деловым партнёром?

— Ненадёжным и противоречивым. Пожалуйста, Кэт, — вскинул я руки. — Не мучай меня сейчас вопросами. Мне и так тошно.

— Но...

— Объясню всё позже. А сейчас, задавая лишние вопросы, ты только заставишь меня лгать.

Я несся на всей скорости, которую можно было выжать на городских, запруженных машинами, улицах.

Откровенно говоря, мне чертовски хотелось придушить Рэя. Хотелось до такой степени, что руки иголками кололо.

Он объявил мне войну? Он её получит!

Свернув на уже знакомую дорогу, уводящую от основной трассы к псевдо-военный ангарам, я стал ближе к цели ещё на несколько миль.

Удовлетворения от этого было сомнительное.

Откровенно говоря, я испытывал ужас перед тем, что мог увидеть.

Перед глазами мелькали картины недавнего убийства. Представить на месте той несчастной Линду разум отказывался. И в тоже время просчитывал как возможный именно этот, худший вариант событий.

Что я скажу Картин? Что я скажу Мередит? Ведь именно мне придётся брать на себя организацию похорон, если что.

Я тряхнул головой, стараясь избавиться от прокручивающихся в моей голове, один за другим, кадров. Не получалось. Они лишь делались ярче, обрастая кровавыми подробностями и реалистичными деталями.

Напрасно я изо всех сил давил на педаль газа, так, что мотор ревел раненым зверем, надрывно и зло, напрасно пытался лететь быстрее догоняющих мыслей.

Если эта пададь убьёт Линду, мне придётся дальше жить с сознанием, что это произошло по моей вине. А я терпеть не могу муки совести.

Белое полотно снега брызнуло порванными грязными лоскутами из-под колёс авто, когда я резко ударил по тормозам перед преградившими дорогу воротами.

Невысокий, перекаченный охранник в кожанке, демонстративно похлопывая себя по бедру, намекая на притаившийся в кобуре пистолет, в раскачку, как обожравшийся медведь, приблизился к моей машине и заглянул в окно:

— Кто такой? — прорычал он любезно.

Яркая иллюстрация того, насколько чувство безопасности, в котором мы пребываем, по сути, ложно. Благодаря стероидам его мышцы перекачены в тугие валики, под рукой пушка и он считал меня слабым, а себя — хозяином положения.

Но, как писал великий Экзюпери: «В действительности всё иначе, чем на самом деле».

Для того, чтобы уничтожить качка, мне достаточно просто пожелать и немного потерпеть боль (обычная плата за осуществление желаний подобного рода). Даже из машины выходить не нужно. Даже стекло в окне опускать не обязательно. Он сдохнет под моим взглядом от остановки сердца или оторванного тромба. Ни одна медицинская экспертиза меня к его смерти никаким боком не привяжет, комар носа не подточит — никто не подкопается.

Никто, кроме меня и бога не будет знать, кто виновник печального события.

Всё, что отделяет от смерти самонадеянного бычка — моя совесть. Именно она гарант его безопасности, а не его стероиды и пистолет.

Благо, совесть у меня она, в отличие от Рэя и Синтии, хотя бы есть. Качок — счастливчик и сам не знает об этом.

— Альберт Эллэнджайт, — небрежно бросил я. — Кинг ждёт меня.

Ворота распахнулись. Не то, чтобы дружелюбно, но проехать можно.

За воротами поджидали ещё два охранника. Они охотно составили мне почётный эскорт в путешествии к центру земли, сопроводив через тускло освещённые бетонные переходы и длинные, унылые металлические лестницы.

Когда передо мной толкнули очередную дверь, сердце пропустило несколько ударов, пока взгляд обегал комнату, а мозг анализировал полученную информацию.

Хорошо было то, что Линда всё-таки жива — гора с плеч! Плохо то, что положение, в котором я её нашёл, не назовёшь достойным.

«Насилие — крайняя степень нужды», — говорил когда-то Ральф.

Вряд ли он имел тогда нечто подобное.

Картина была неприглядная. Скорее гадостная, чем жестокая. И самое тошное, что в роли насильника выступал Ливиан.

Я успел по-своему к нему привязаться. Я уважал его.

При виде меня лицо Линды исказилось и, если её лицевые мышцы устроены так же, как у большинства людей, оно выразило неприкрытую ненависть. Возможно, у неё были на то причины. Даже без всякого «возможно» — были. Если бы не я, она бы сюда не попала.

Когда Ливиан имел неосторожность обернуться, я не стал сдерживаться и позволил себе со всего маха расквасить ему нос, испытывая садистское удовольствие при виде крови, залившей ему лицо.

Да, я знаю, что для Эллэнджайтов даже под фамилией Кинг сломанный нос не проблема. Ровно через пять минут кости срастутся и даже синяка не останется. Но я не преследовал цели его изувечить. Это всего лишь сигнал о том, что намечающаяся дружба скончалась на месте.

Прежде чем я успел повторить, моя рука оказалась в контрзахвате.

— Тихо, тихо, хозяин жизни! Для мальчика из хорошей семьи у тебя слишком горячий нрав и плохие манеры.

— Пусти, — потребовал я, откровенно говоря не слишком хорошо представляя, что будет, когда Рэй откажется выполнить мои требования.

— Ты бьёшь не того парня, — просветили меня. — Ливиан играет за белых, а ты витрину ему портишь.

Мне не потребовалось много времени, чтоб понять, что Линда физически в порядке. Судя по всему, пережитый страх и унижение сделали своё дело, выглядела она подавленно.

Однако, кидайте в меня какими хотите тапками и камнями, но психологические травмы не так опасны для жизни, как физические.

Психологические травмы люди могут пережить по своему желанию, собрав волю в кулак, а вот преодолеть физические — не от них зависит.

— Забирай свою сучку и валите отсюда оба, — небрежно бросил Рэй, отпуская мою руку.

— Увези отсюда Линду, — бросил я Ливиану.

Он вопросительно дёрнул бровью, но вопросов лишних задавать не стал.

— Давай! — повысил я голос, сверкнув на него глазами.

Пока с тобой женщина или ребёнок, ты всегда уязвим, связан по рукам и ногам.

Рэй стоял, небрежно опираясь одной рукой на перила. Слишком длинные пальцы, той формы, что легко представляются на струнах или гитарном грифе, белели под резким синтетическим светом. На безымянном пальце левой руки сверкал бриллиант, отбрасывая сияющие блики. Черты лица, тонкие, как лезвие и чёткие, как тени в солнечный полдень, врезались в память с первого взгляда.

Чёрные густые волосы, волной спадающие на широкие плечи и стекающие вниз, почти достигая узких, крепких бёдер, могли принадлежать женщине и любую дурнушку сделать, поменьше мере, привлекательной.

Рэй Кинг являл собой апогей нашего семейства: доведённые до совершенства красота и разнузданный порок.

В Рэе мне так явно виделось сходство с Ральфом, что не оставалось сомнений в том, чьё ДНК моя предприимчивая сестричка использовала для создания этого блистательного монстра.

Перед глазами промелькнули картины прошлого.

То, как Ральф любил развлекаться, насилуя девушек. Как ему нравилось принуждать их, против воли получать удовольствие от того, от чего поначалу их тошнило. Как он ловил кайф, заставляя людей понижать внутренние нравственные барьеры и моральные планки. Провоцировать, искушать, играть словно кошка с мышью. Он был по-кошачьи беспощаден и жесток с подвернувшей под руку добычей.

Совсем как Кинг.

Но была между ними и разница. Ральф никогда не опускался до нанесения людям физических травм. Оправдывать наши развлечения не приходится. Как говорят теперь, мы были «те ещё отморозки». Но мы были «отморозки в рамках и границах». Наша жестокость всегда носила лишь психологический характер. Мы не били девушек по лицу, не ломали им рёбра, не отдавали десятку скотов, способных вывернуть их наизнанку.

Рэй же мог всё это сделать, не изменившись в лице.

Чувствовал ли он что-нибудь при этом? Хотя бы тень сомнения? Хоть эхо совести?

И что за жизненные обстоятельства породить такое странное создание?

Если страсть к сестре-близнецу я, несколько того не одобряя, (несмотря на собственный опыт, а может быть именно благодаря ему) ещё могу понять, но то, что Рэй превратил её жизнь в ад, шантажируя жизнью собственных детей, хвала Высшим Силам, не доступно моему пониманию.

Как не дано мне постичь того, зачем заставлять родного сына работать в борделе. Или растить из собственной дочери бездушного убийцу-киллера?

Как можно спать с собственными детьми?

— Жду с интересом продолжения. Мне чертовски любопытно, что ты там придумашь, мой сладкий? С тем, что с воображением у тебя всё в порядке, я уже знаю.

Кинг недвусмысленно давая понять, что не постоит перед любой ценой в случае, если между нами разразится война. И хотя меня распирала ярость, прежде, чем ввязываться в драку, следовало обдумывать — готов ли и я поступить так же? Как далеко я могу зайти?

Готов ли рисковать чьей-то жизнью, кроме своей?

— Вижу, ты не готов покинуть меня? Пойдём, присядем? Выпьем? Обсудим случившееся? — предложил Кинг.

Дождавшись, когда дверь за Ливианом и Линдой закроется, я решил воспользоваться его предложением. Мы сели за столик, друг против друга.

Он отхлебнул вино прямо из горла распечатанной, глядя на меня яркими, сияющими, смеющимися глазами.

— Ну? — улыбаясь, протянул он.

— Я хочу сделать тебе предложение, — начал я.

Кинг ухмыльнулся:

— Поздно. Я уже женат, дорогой.

— На твоей сестре, полагаю?

— Ошибаешься.

Его ухмылка сделалась шире и жизнерадостней.

— На твоей сестре.

Я непонимающе моргнул.

Он с наслаждением продолжил:

— Наша славная госпожа Элленджайт, красотка Синтия тебе сестра, верно? В своё время я имел неосторожность жениться на ней. Не устоял перед искушением завладеть мифическим состоянием наших канувших в чёртово пекло предков! Для мальчиков из подворотни богатые девочки никогда не теряют привлекательность. Но чёртова шлюха в очередной раз меня поимела. Всё, что я получил, это просто бабу и ни на доллар больше, — рассмеялся Рэй, пожимая широкими плечами. — Но так или иначе, — с притворно тяжёлым вздохом продолжил он, — я женатый человек как де факто (ах, моя милая любимая сестричка, рожаящая мне одним за другим ублюдков, от которых в Эллиндже скоро будет тесно!), так и де юро (ах, твоя любимая сестричка, прожжённая бессердечная стерва, не брезгующая падалью в поисках острых ощущений).

Даже не знаю, что ранило меня сильнее — сама новость об этом нелепом браке или осознание того, что Синтия могла бы сама рассказать мне о нём, не дожидаясь, пока это сделает Кинг.

Похоже, пока я спал, в мире произошло гораздо больше интересного, чем я думал.

— Ну так, что ты там хотел мне предложить? — лениво протянул Кинг, отсалютовав уже наполовину опустошённой бутылкой.

Густая, алая жидкость оставляла жирные следы на тонком стекле.

Омерзительно похоже на кровь.

Откровенно говоря, не удивлюсь, если она и есть. При чём кровь самого Рэя.

Что делать? Во время приступов всё время сидеть в изоляции скучно, а бокал вина с алой жидкостью способен сделать идущую горлом кровь менее заметной для чужих любопытных взглядов.

— Предложение? — напомнил Кинг о поднятой мною теме.

— Ты не станешь отрицать, что у нас с тобой возникли весьма противоречивые разногласия, Кинг. Кстати, дурацкая у тебя фамилия. Сам выбирал? Или кто другой постарался? За тысячью лье отдаёт театральщиной.

— А что ты хотел? Театральщина у нас в крови. Но ты всё время норовишь сбиться с курса.

— Неправильная у тебя фамилия, Рэй. Слишком громкая для ублюдка.

На этот раз его взгляд сделался таким же вязким, как напиток в его чаше.

— Законнорожденность в наше время — пшик. Ничто.

— Ты ублюдок не потому, что остался без роду и племени — ты ублюдок по состоянию души. Для тебя ничто не имеет значение. Даже собственная семья.

— Ты меня не знаешь, милый. Как же можешь меня судить?

— Ещё немного, я и обольщусь мыслью, что тебя огорчает моё предвзятое мнение?

— Нет, к сожалению. На самом деле я был бы даже рад немного огорчиться. Или обрадоваться. Или влюбиться. Но — увы! Всё, что я могу чувствовать в последнее время — лишь жалкое подобие прежнего азарта. Вялый интерес.

Ты никогда не замечал, милый, до какой степени людям не хватает глубины? Когда я был молод, они, люди, казались мне увлекательными как новые книги — взять в руки, вдохнуть аромат, познать содержание. Но чем дольше читаешь, тем яснее понимаешь, что сюжетец чаще всего тухлый — концовка слита, внутри полно нелогичностей и всё так невнятно. А главные герои всё время не дотягивают до чего-то... а до чего, и сам никак не поймёшь. Хватаешь одно, другое, третье. Разочарование становится сильнее и горше.

Как по-твоему, милый мальчик из старинного дома, что движет людьми?

— Зависит от человека. У разных людей разные устремления.

— Разными людьми движет всего две страсти: похоть и жадность.

— А тобой что движет: похоть? Или жадность?

— Жадность. Люблю коллекционировать чужие пороки.

— Зачем тебе это?

Кинг усмехнулся, пригубливая бокал, слизывая языком рубиновые капли, оставшиеся на губах:

— Приятно не быть в одиночестве, милый, — он подался вперёд, насмешливо глядя на меня. — А ты как относишься?..

— К пороку или к одиночеству?

— К тому и к другому, — длинные тонкие пальцы Кинга потянулись ко мне.

Нельзя сказать, что это было приятно. Подобным жестом ласкают женщин. Я же не нуждаюсь ни в нежности, ни в ласке.

В сексе с мужчинами меня всегда привлекала боль, борьба, сходная с поединком и возможность выплеснуть ту, самую чёрную сторону моей натуры, которую чаще всего показывать женщинам я не решался.

За исключением Синтии. Она-то знала меня целиком.

Кинг это почувствовал — мою тьму.

Отведя волосы с моего лица, он ухмыльнулся, склоняясь почти к самым моим губам:

— Ты не любишь причинять боль — тебе нравится получать её. Скажи, что приятного в этом?

— Думаешь, я хочу об это говорить?

— Почему нет?

Он отодвинулся, подпирая подбородок рукой и насмешливо, явно провоцируя, в упор посмотрел на меня:

— Я жду обещанного. Что ты хотел предложить мне, милый? И в обмен — на что?

— В обмен на то, что ни ты, ни я не станем вмешивать в наше противостояние дорогих нам людей.

— Дорогих нам людей? — он потянулся, словно кот, демонстрирующий острые когти.

Я не был мышью, у него нет когтей. Так что его ленивая вальяжность не слишком впечатлила.

— Думаешь, я поверю, что у тебя их нет? — покачал я головой. — Я не такой, как другие, Кинг. Веришь или нет, но в нашем случае наблюдается полный паритет сил... хотя, нет! У меня всё-таки сил больше. Потому что деньги у меня.

— Пока они не у тебя, а у той маленькой дурочки, что угораздило в тебя влюбиться.

— Те, кто стоят рядом с нами обречены рано или поздно влюбляться в нас. Таково наше проклятие.

— Большинство людей посчитало бы это даром.

Наши взгляды встретились.

— Большинство людей — да. Но ты-то не большинство, Кинг. И мы, — после небольшой паузы добавил я, — мы — не люди. Ты никогда не был человек. А я... я даже не знаю, что я теперь такое. Проклятое отродье, вырванное из ада ведьмой? Человек вне времени, привязанностей и законов?

Я есть, но меня вроде как бы и нет? Что я такое: чья-то иллюзия? Воспоминание? Болезненная навязчивая идея?

Мне вовсе не хочется понимать, до какой крайности я способен дойти, если мы объявим друг другу войну.

Кинг, тебя ведь не вводят в заблуждение мои белые локоны и нежный взгляд?

Я видел, что ты такое. Что такое я — ты не знаешь. Да откровенно говоря, я и сам уже представляю смутно. Я изо всех сил держусь за кое-как скроенную иллюзию об обретённых привязанностях. Разрушишь их? И я сам не знаю, какая тварь вырвется их клетки.

Я серьёзно, Кинг. Как на исповеди. Я прошу тебя не трогать женщин, стоящих за моей спиной. Я, в ответ, не трону твоих — ни твою сестру-жену, ни твою дочь.

— А если мне плевать, тронешь ты их или нет?

В тёмно-синих, как небо полуночи, глазах Рэя скользнула тень чудовищ, что залегли где-то на дне его глубокой, как Марианская впадина, души.

Тёмной и непроглядной души монстра, которому самое место в аду.

— Давай разрешим этот вопрос о лидерстве только между собой, не включая в наши игры никого третьего. Только ты и я, — закончил я мысль.

Рэй смотрел на меня, раскинув руки в сторону.

Узкие длинные пальцы спокойно, даже безвольно лежали на спинке дивана, по которому он растёкся.

— Только ты — и я... как многообещающе! Я весь в предвкушении главного десерта! Что же ты предлагаешь, мой сладкий?

— Поединок.

— Поединок? — расхохотался Рэй, словно с разочарованием откидываясь назад, на подушки. — Поединок? Как скучно!

— Будет достаточно весело, — пообещал я.

— И на чём предлагаешь драться? — скучающим голосом протянул Рэй.

— Я же сказал: ты и я. Никого и ничего лишнего. Только сила воли и концентрация внимания.

— Я не слишком хорошо понимаю, о чём ты?

— Я предлагаю выпустить наружу всех наших внутренних чудовищ. Пусть зверь сорвётся с поводка и хорошенько порезвится. Пусть наш чёрный кровавый дар вырвется. Пусть наша боль станет нашим оружием.

— Ты же понимаешь, что существует вероятность того, что один из нас эту увлекательную игру может не пережить?

Я улыбнулся почти нежно:

— Ты хочешь убедить меня в том, будто боишься смерти, Рэй Кинг?

— Боюсь? Я, откровенно говоря, перестал верить, что для такого, как я, она возможна.

Он поглядел на меня с искренним, уже не наигранным любопытством:

— Ты ведь был на той стороне? Что там?

— Ничего. Просто тьма, которую ты даже не осознаёшь.

— Ни бога? Ни дьявола?

— Ни бога, ни дьявола; ни рая, ни ада; ни света, ни тени — пустота. Когда ты умираешь, Рэй Кинг, просто перестаёшь существовать.

— И — всё?

— Увы! Если бы был страшный суд — поверь, уж я бы запомнил. Но всё было просто: в один момент я закрыл глаза — в другой открыл. Между пролетело больше полусотни лет, а для меня — одно мгновение, в котором не было ничего.

Рэй подпёр подбородок рукой, подавляя вздох:

— Значит, не будет ни встреч, ни примирений, ни прощаний? Ни кары? Ни награды?

— Ни искупления, ни кары, — кивнул я.

— Фу! Какой ты скучный! Стоять на позициях грубого материализма для того, кто воскрес из мёртвых как-то... даже слов не подберу, — развёл Рэй руками.

— Слова тут лишние. Ну так что?..

— Насчёт твоего предложения? Почему бы и нет? — равнодушно пожал плечами Рэй.

Равнодушие его не был ни показным, ни разыгранным. Ему, похоже, в самом деле было не особо интересно, выживет он или нет.

— Думаю, для этого мира будет даже лучше, если мы оба проиграем, — усмехнулся я.

Рэй окинул меня саркастичным взглядом:

— Я давно стою на позициях грубого эгоизма. Буду брать то, что смогу и делать то, что захочу, а если кто-то захочет помешать — вот, как ты сейчас, — это может быть интересно. Давай, предлагай своё пари, Альберт Элленджайт. Я тебя внимательно слушаю.

— Рискну тебя развлечь, скучающий хозяин жизни, — насмешливо протянул я.

Рэй вопросительно поднял бровь и поглядел на меня с сарказмом.

«Это я-то?», — читалось в его лице. — «А кто же тогда ты?».

— Мы оба привыкли считать себя хозяевами положения, не так ли? — обратился я к нему.

— Не совсем, — закинул он руки за голову, а ноги на маленький столик, дав мне возможность полюбоваться на его идеально начищенные, отлично сшитые туфли. — Между нами есть существенные различия. Ты родился Элленджайтом, так сказать, в пуховике дворянского гнезда. Трон как бы изначально под тебя был заточен. В моём же случае всё

было совсем не так. Я мальчик из низов — из подвала, из грязи.

— Хочешь сказать, ты всего добился сам, в отличии от меня?

— Можешь что-то возразить на это, мой сладкий? Но главное различие между нами, пожалуй, даже не в этом.

— А в чём же, по-твоему?

Взгляд его словно сделался холоднее на несколько градусов.

— Твоя семья была твоим щитом. Моя семья была моим балластом.

— Звучит отвратительно.

— Будем тратить время на поиски сходств и различий?

— Ты ведь уже понял суть моего предложения, Рэй. Я предлагаю поединок воли и способностей. Мы оба умеем терпеть боль и умеем доставлять её. Давай выясним, у кого это получается лучше?

— Какие детские игры, — рассмеялся Рэй, откидывая с лица упавшие волосы.

— Ты отказываешься?

— Нет, почему же? Иногда поиграть интересно. Особенно — с достойным противником. Но прежде чем игра начнётся, давай чётко обозначим правила. Чтобы в ходе эксперимента не возникло, так сказать, разногласий. Можно использовать подручные средства?

— Какие?

— Ножи, гвозди, стёкла, электропроводку — всё, что способна придумать моя крайне нездоровая, но развитая фантазия?

— Можно. Но как в шахматах — за один раз только один ход. Повторяться самому, как и повторять действия за противником нельзя, — с усмешкой добавил я. — Минус в карму.

— Обижаешь, милый. Повторяют за кем-то что-либо только люди ограниченные и неуверенные в себе, к коим себя ни на секунду не отношу. Что засчитается за проигрыш? — деловито спросил Рэй.

— Проиграет тот, кто первым утратит выдержку.

Рэй засмеялся. Весело и зло. Как будто его веселила одна мысль о том, что кто-то может подумать, что может соперничать с ним.

— Отлично! Правила просты, ясны и понятны. Осталось выяснить самую малость.

— Да? — вежливо откликнулся я.

— Что именно должен будет сделать проигравший?

— Если выиграю я — из города уберёшься ты. А если ты — уеду я.

Из Эллингса я никогда не уеду. Это как змея покинуть собственное логово. Город — часть меня, часть моей семьи, истории, души. Он возник вместе с моей семьёй. Мы, словно кровь, течём по его венам-улицам; словно сердце, приводим в движение всё. Мы и есть Эллингс. Наше присутствие, неосознанно для других, не всегда зримо, но чувствуется тут повсюду.

Уехать из Эллингса? Проще снова умереть.

Я не могу проиграть. И не проиграю.

Именно в этот момент я понял, что Кинг, возможно, думает так же.

Мы с ним две стороны одной медали.

— Идёт, — согласился Рэй.

— Но, чтобы никто не мухливал, чтобы всё было честно, вам нужен кто-то третий. В качестве судьи и арбитра.

Обернувшись на низкий, словно бархатный голос я встретился с чёрными глазами единственной дочери Кинга.

— Сандра, — процедил Рэй сквозь зубы.

Голос его звучал раздражённо:

— Что ты здесь делаешь? Ты же должна сейчас...

— Я уже выполнила твоё задание, папочка, — лицо у девушки было похоже на маску.

Хотя нет, маски вообще не отражают чувства, а во взгляде девушки горела затаённая на долгие годы злоба и ледяная, просто обжигающая ненависть.

Если когда-нибудь, Господи, у меня будут дети (что весьма маловероятно, но чем чёрт не шутит) не допусти, чтобы они на меня так смотрели!

— Вот твой заказ, папочка.

Сандра стояла над нами, опираясь руками на поручень — своеобразный балкон окружал комнату, словно металлический удав. Ногу она поставила на один из поперечных брусьев конструкции. Во всей позе, фигуре, даже в золотистых, как у настоящего ангела, волосах, чувствовался вызов.

К нашим ногам упал чёрный пакет. В такие здесь пакуют мусор.

При столкновении с полом раздался неприятный, характерный влажный звук и меня замутило. Не нужно было заглядывать внутрь, чтобы понять — там отрезанная человеческая голова.

Даже задумываться не стану, откуда я это знаю. Просто знаю — и всё. В нашем роду такое бывает.

Рэй медленно опустил ноги со стола, легко, одним плавным, текучим движением поднимаясь. Глядя на Сандру угрожающе снизу — вверх, как хищник, приготовившийся прыгнуть.

— Ты опять чем-то недоволен, папочка?

Сандра, не спеша, вальяжно, сделала несколько шагов вниз по железной лестнице с острыми, как бритва, ступенями.

— Ты велел мне убрать его этим вечером? Я так и сделала. Или ты не доволен тем, как быстро я стала справляться с работой? Или? — она обернулась на меня, скользнув по мне чёрными, как лакрица, матовыми, словно поглощающими свет из пространства, глазами. — Или боишься, что намеченное тобой очередное развлечение может отвлечься от тебя на меня?

— Какая ерунда, дочка, — острым, словно колючки кактуса, голосом отозвался Рэй. — Я никогда не был жадиной. И всегда готов поделиться с близким человеком радостью. Какой бы она не была.

Сандра замерла.

Я видел, как дрожали её пальцы.

Странная девушка. Самая странная и непонятная во всей их чокнутой семейке.

Удивительно красивая. Опасная. Интересная.

— Ничто не может порадовать меня сильнее твоих страданий, папочка.

В голосе Сандры не было ни язвительности, ни насмешливости. Короткая констатация факта. Холодная и сухая, как цифры финансового отчёта.

— Ничто не может заставить страдать тебя сильнее, чем уязвлённое самолюбие. Так что, пожалуй, я поприсутствую на вашем экзотическом поединке. Ты ведь не будешь против?

— Прямо сказать, я не в восторге от твоей идеи.

— Почему нет? — решил вмешаться я. — Со стороны многое видится более объективно. И если возникнет спорный момент...

— Сандра подыграет кому угодно лишь бы против меня! Но спорных ситуаций не возникнет.

Из голоса и взгляда Рэя исчезли даже тени мягкости и насмешливости.

Он был зол. Впервые на моей памяти зол по-настоящему, открыто.

Черноглазая златовласа его задела? Интересно!

— Займи место в зрительном зале, солнышко, — рыкнул он на дочь. — Начнём? — это уже в мою сторону. — Начнём, пожалуй, с того, что разденемся.

— Рубашку и в самом деле лучше снять, — согласился я.

Без одежды его тело выглядело даже лучше, чем в ней. Идеальная гладкая кожа обтягивала, подчеркивая выпуклость большой грудной, межреберной и прямой мышцы живота с анатомической подробностью, выделяя каждый кирпичик.

У меня выделяющихся рельефов на теле не наблюдалось. Астенический тип сложения делал мои мышцы скорее гладкими и длинными, как у гимнаста или танцора, чем бугрящимися силой атлета.

— Ну? Кто первый? — ухмыльнулся Рэй, перекручивая резинкой волосы.

Злясь на себя, я не мог отвести от него взгляд. Паршивец был не просто хорошо собой — он был идеален. И мне совсем не нравилась та степень эстетического удовольствия, которое я получал, глядя в его сторону.

Я никогда не отрицал ту часть моей натуры, что порой влекла меня к особям одного со мною пола, но принимать этого так и не научился.

— Ладно, — ухмыльнулся Рэй. — Я не гордый. Начну сам. И даже не стану тратить в пустую силу на эффектные трюки, являя чудеса телекинеза.

Подхватив с одного из столов рапиру, он гибким движением от себя со свистом, крест-накрест, рассек воздух между нами.

— Разомнёмся? Лёгкая дистанция в начале отношений не повредит. Правда, милый?

Острая рапира серебряной лентой развернулась в руке Рэя и, словно коготь, легко царапнула кожу, оставив алые росчерк — длинный тонкий надрез, начинающийся от моего правого соска и сползающий вниз, почти до ремня на брюках.

Удар, нанесённый им, скорее дразнил, чем причинял боль. Кожу обожгло, она загорелась, но уже в следующую секунду боль стихла, будто её и не было.

Так же, как исчезла с моего тела сама царапина.

— Тонкая работа, — кивнул я, отдавая дань мастерству противника.

Тащиться к столу за оружием не хотелось — делать лишние движения некрасиво. Взмахом руки я призвал к себе кнут. С твердой рукояткой, заканчивающейся петлёй; с длинным, гибким, чёрным, как глаза Сандры, хвостом, похожим на чешую змеи, сужающийся к концу, он со свистом рассёк воздух, с глухим стуком ударяя по плитам пола.

Со второго замаха гибкое тело кнута обвилось вокруг талии Рэя.

Звук вышел резким, звонким и хищным. Так может звучать только плеть, дорвавшаяся, наконец, до человеческой плоти. Услышишь раз — не забудешь.

Нужно отдать Рэю должное. Первое, что инстинктивно делаешь при неожиданном нападении, это уходишь из-под удара.

Но он не двинулся с места. Не отклонился ни на дюйм.

Плеть развернулась, оплетая его тело, сжимая кожаным языком и обжигая

одновременно. А потом отпустила, отходя, повинаясь моей руке и воле. Оставляя на совершенном атласе кожи бордовый след.

Рэй покачав головой, насмешливо цокнул языком:

— Всё-таки не удержался от театрального эффекта, сладкий? И — грубо сработано. За первый раунд очко я бы присудил точно не тебе.

— Продолжим, — кивнул я, стараясь не выказать раздражения. — Твой ход.

— Мне кажется, или нам действительно пора стать несколько ближе, сократив дистанцию?

На этот раз рапира в его руке точно, как нож в масло, вошла в моё тело. Боль была резкой, как всегда при колющих ранениях и яркой, словно в желудке вспыхнул уголёк.

Нажав на клинок, Рэй полностью загнал его в моё тело, так, чтобы я смог точно прочувствовать, какого приходится мотыльку, насаженному на иголку. Вместе с тем он, как и обещал, приблизился в плотную.

Насмешливо, выжидающе меряя меня взглядом.

Я почувствовал, как одна его рука обвивается вокруг моей талии, а вторая резко проворачивает рапиру и, не удержавшись, слегка прикусив губу. В следующую секунду он резко склонился, всем весом надавливая на рукоять, максимально усиливая мои болевые ощущения.

Наши губы соприкоснулись. И не смотря на всё происходящее (а может быть именно благодаря ему) вкус его твердых, упругих, горячих губ пришёлся мне по вкусу.

Голова кружилась одновременно и от боли, и от удовольствия.

Мне нравился, как его язык пробует на вкус успевшую оросить мои губы кровь. Нравилось, что моя кровь перетекает в его рот, заставляя голову кружиться, а мышцы сжиматься. Знакомые с детства ощущения — острая боль и такое же острая страсть — затуманили голову. Дыхание моё участилось.

Чёрт! Да я почти забыл, где нахожусь и что делаю.

Даже не знаю, каким чудом мне удалось сдержать вскрик, когда Рэй резко, одним сильным движением, повернув кисть в круговом движении для усиления эффекта, вырвал рапиру из моего тела.

Вот это... это было действительно *очень* чувствительно.

Боль рванула изнутри, словно взбесившийся зверь. И не думала меня отпустить — только плотнее сжимала челюсть.

Я сделал тоже самое.

Но я ошибался, предположив, что Рэй даст мне передышку. Грубо схватив за волосы, он запрокинул мне голову с тем, чтобы заглянуть в лицо, в то время как вторая его рука рывком вошла в открытую, уже начавшуюся затягиваться рану.

Почувствовав, как его, с виду таким музыкальные, а на деле чертовски сильные пальцы сжимают внутренности, я судорожно втянул в себя воздух. Наверное, вполне мог бы заорать, и позорно уступить в споре, но накрывший мои губы рот Рэя проглотил готовые сорваться с них стон.

Он, несбывшийся стон, забился между нами, как пойманная в силос птица. Как готовое вот-вот разорваться сердце.

Боль...

Её острые, как стёкла, края то ли ласкали, то ли убивали.

Я видел, как Рэю это нравилось. Моя боль заводила его, возбуждала.

Огорчало то, что и меня — тоже.

«Нам нравится то, что нас разрушает, — сквозь охватывающую тело агонию, прорвался из памяти голос Ральфа. — Мы, наверное, единственные в мире создания, которые вне всякой аллегии, буквально, способны этим наслаждаться».

Я всегда считал, что это какой-то побочный процесс нашей нечеловеческой физиологии. Как предохранитель.

Люди на определённой стадии разрушениядохнут от болевого шока, а наш организм срабатывает вот таким вот странным образом, переводя боль в удовольствие.

Потому что в отличие от людей мы, Элленджайты, недохнем.

Мы чувствуем, остро, фаза за фазой, все грани боли, все её искорки, стороны, сливаясь с ней каждый раз полнее, чем с любой из наших многочисленных любовниц.

Это похоже на карусель, с каждым оборотом вращающуюся всё быстрее и быстрее, пока всё не сливается в одну сплошную, нескончаемую ровную линию.

Рука Рэя мешала моему организму себя исцелить и от этого боль усиливалась многократно.

Наконец его алые от моей крови руки оказались полностью на свету, давая мне возможность вздохнуть.

Перед глазами плыли алые круги. А зверь внутри прогрыз себе дорогу от желудка до горла и метался по позвоночнику то вверх, то вниз, точка об меня острые зубы.

— Твоя очередь, сладкий.

Перепаханный моей же кровью палец Рэя скользнул по моим губам.

Нужно сосредоточиться. Нужно придумать нечто такое же, как у него — красивое, эротичное, мучительное, завораживающее.

Беда в том, что если собственная боль меня заводила, то чужие страдания радости не приносили. Именно поэтому, наверное, в итоге я всегда легче ладил с Синтией, чем с Ральфом — Синтия не требовала от меня ответных ударов. Её-то вполне устраивала игра в одни ворота.

Но я сам вызвался играть в эту игру с Рэем. Нужно идти до конца. Сейчас мой ход.

Два острых кинжала — холодный, тяжёлый металл от наконечника до рукояти, словно одно целое, — легли в ладони. Я вогнал их Рэю в живот.

Сталь вошла рядом, один клинок рядом с другим, почти соприкасаясь. Разведя руки, увеличил разрез.

Металл перестал быть холодным, горячая кровь его быстро согрела.

Внутренности Рэя под моей рукой были ещё горячее. Они почти обжигали пальцы, когда те сжались на одновременно упругом и мягком желудке противника.

У Рэя была железная выдержка. Ни то, что ни один мускул не дрогнул в его лице — оно вообще не изменило выражения. Даже просто маской не застыло.

Тело никак не отреагировало на моё грубое вторжение. Не сбилось, углубившись или ускорившись, дыхание; не напряглись плечи или пресс.

На мгновение меня даже охватили сомнения: чувствует ли этот чёртов клон вообще хоть что-нибудь?! Может быть, его нервная система отличается не только от человеческой, но и от нашей — тоже?

Охваченный наполовину злостью, наполовину исследовательским азартом, я, усилив физическое действие пси-энергией (ага, это новое словечко успел подхватить то ли в какой-то газетёнке, то ли в интернет-паутине) вырвал желудок из его тела, швырнув ему под ноги.

В своё время мы похожим способом развлекались с Ральфом. По себе знаю, это «переживательно» и «выживательно», но ощущения дарит яркие и незабываемые. Вся прелесть в том, что основной пик приходится вовсе не на сам момент утраты органа. Восстанавливаются ткани после подобного эксперимента около суток, при условии нормального состояния организма. Бывает — и дольше. Всё это время переливы и обертоны болевой симфонии ты познаёшь во всей её богатой палитре.

Рэя тоже проняло. Откинув голову, он резко втянул в себя воздух. А когда вновь выпрямился, зрачки у него были сужеными, как у наркомана после принятия дозы.

Ну, по крайней мере, я убедился в том, что играл он честно — боль определённо чувствовал. А мужество противника, даже если вы ненавидите его, всегда вызывает уважение.

— Твоя очередь, — бросил я.

И, понимая, что разминка закончена, что на этот раз игра пойдёт всерьёз, прислонился к краешку стола, сжимая дрожащими пальцами столешницу.

Рэй не заставил себя просить дважды или долго ждать.

Взяв в одну руку кинжал, брошенный мной минутой раньше, второй он подтянул бокал с остатками вина. Против моего ожидания допивать не стал, выплеснул в камин. Раздавлив ладони хрупкое стекло, второй рукой восстановив надрез на моей почти затянувшейся ране.

Мне понадобилось сделать над собой усилие, когда его намерения стали очевидны, чтобы не двинуться с места, сохраняя показную невозмутимость.

— Оригинально, — фыркнул я.

— Я сам такой. Оригинальный и неповторимый.

С этими словами его, похожая на стеклянного ежа, ладонь вошла в мою открытую рану, проникая под рёбра и заключая моё заколотившееся сердце в себя.

Выражение «осколки больно резали сердце» стало для меня не фигуральным, а действительным.

Когда Рэй сжал моё сердце в кулаке, мир поплыл перед глазами. Боль была неопишуемой. Острое стекло впивалось, вонзалось, втыкалось острыми тонкими гранями, разрезая мягкую ткань алой трепещущей мышцы, гоняющей кровь по сосудам. Особенно мелкие стекляшки отправлялись путешествовать вместе с кровью по артериям и венам и субъективно чувствовалось это так, будто по телу бежал огонь.

Хотелось заорать во всё горло, но орать нельзя. Уступать пальму первенства Рэю в чём бы то ни было я не собирался.

Как и Эллинж.

Лучше сдохнуть от болевого шока.

Хорошо ещё, что острота ощущений из-за своей интенсивной не давала мне потерять сознание.

Рэй с усмешкой разжал пальцы и медленно вытащил из меня руку, стряхивая оставшиеся в пальцах осколки на пол.

Те, что остались в сердце, продолжали больно резаться. И даже думать не хотелось о том, как их оттуда извлекать.

— Чем в ответ удивлять будешь? — поднял он бровь, вытирая окровавленную руку о собственную рубашку.

Сам того не замечая, я с такой силой сдавил столешницу, что на ней остались вмятины, а сорванный ноготь кровоточил.

— Разве тебя можно чем-то удивить?..

Я говорил на придыхании и приходилось прилагать усилия, чтобы вообще хоть как-то звучать.

— А ты попробуй.

— Не думаю, что тебя это удивит. Но... согласишься, изначально мы не в равных условиях?

— Что ты имеешь в виду?

— У каждого своя острота ощущений. Я предлагаю объединить их.

— Интересное предложение, — фыркнул Рэй. — «Объединять» звучит почти эротично... Конечно, я согласен. Иди ко мне, милый.

При объединении сознаний два мозга, анализирующий каждый свою автономию, будто сливается в один. Чтобы сделать это, контакт должен быть минимально близким — чем ближе, тем лучше. Наши тела соприкасались от плеч до... куда более интимных частей тела. Мы могли чувствовать всю степень возбуждения друг друга. Каждую впадинку, каждую выпуклость.

Руки Рэя сомкнулись в замок у меня за спиной. Горячая кожа. Горячее дыхание.

Со стороны это тоже, наверное, смотрелось горячо.

Мозг, словно компьютер, на мгновение подвис, получив сложную задачу.

Несколько секунд я не чувствовал ничего, кроме того, что органы осязания способны предложить каждому.

Потом меня словно погрузили в ад.

Наша боль, терзающая каждого по отдельности, суммируясь, переросла в то, чему в людском языке нет названия. Подобных ощущений, люди, хвала создателю, не способны ни пережить, ни достичь.

Агония. Тело будто превратилось в расплавленную магму вулкана. Каждая клеточка тела получила возможность гореть самостоятельно. Каждый, самый маленький нерв, ломило от раздражения.

Сознание несколько секунд пыталось держаться, а потом... нет, не исчезло, к сожалению.

Просто ничего в мире не осталось, кроме нарастающей, непрекращающейся агонии и боли.

Я слышал людские крики. Истошные и бесконечные. Видел языки пламени, танцующие повсюду. И понимал, что боли, терзающей меня не будет конца.

Я это заслужил.

Мы все заслужили.

Я думал, что все эти годы меня не было, но я был. В аду. В настоящем аду, существование которого отрицал сам; существование которого отрицают многие.

Я. Был. В аду.

И был не один.

Удивительно, но душа горела. Сама по себе. И потому муки были вечными. Потому что, когда ты становишься пламенем, сгореть надежды нет.

Я видел в пламени прекрасные черты. Те самые, что так похожи на мои. Я знал его имя. Я знал, кто выпустил меня из Ада — Люцифер...

Боль отдалилась. Пламя погасло.

Сверху пролилась вода и я, открыв глаза, встретился взглядом с заплаканной Синтией.

— Слава богу, ты жив!

Прежде, чем я успел что-то ответить, она ответила мне такую пощечину, что искры из глаз брызнули.

— Ты!.. Чёртов подонок!!! Маленький выродок!!! Когда это кончится?! Я не успела привыкнуть к мысли, что ты снова со мной, а ты уже опять едва не убил себя?! Маленький эгоистичный уродец! Да ты хоть понимаешь, какую цену пришлось заплатить за твою жизнь?! Когда ты научишься ценить себя и тех, кому ты дорог?! Если не ради меня, так хоть ради своей простушки Катрин мог бы не ввязываться во все неприятности, а встречать хотя бы через одну?!

Она замолчала, видимо, задохнувшись, от своей тирады.

— Где Рэй? — невзрачным голосом поинтересовался я.

— Ну, конечно! О чём же ещё тебе переживать, как о не о своём напарнике? — ядовито фыркнула сестрица.

— Он жив?

— У него душа гвоздями к пяткам приколочена. Что ему сделается?

Стоило шевельнуться, боль оживала во всём теле сразу.

— Что ты здесь делаешь?

— Что и всегда, братец. Вытаскиваю тебя с того света. В последние сто пятьдесят лет это моё любимое занятие. Хоть бы раз спасибо сказал.

Вспомнив с содроганием яму, полную огня, я, почти искренне, сказал:

— Спасибо.

ГЛАВА 10. Ирис. Разбитое сердце

Расставаясь с Энджелом после жаркой ночи Ирис была уверена, что завтра он будет ждать её у подъезда Гранд Отеля с охапкой роз.

Она не жалела о том, что произошло между ними. Ни капли в случившемся не раскаивалась. В душе всё пело. Мир казался полным переливающимися ярких красок и огня.

Ирис всем сердцем верила, что встретила любовь своей жизни и готова была на всё, лишь бы помочь Энджелу исправиться, стать лучше и счастливей.

Ирис казалось, что её любовь, такая огромная, яркая, как тропическая бабочка, способна всё преодолеть, всё претерпеть, всё простить. Хотелось обнять весь мир, поделиться радостью. Пожалеть несчастных, утешить страждущих, излечить болящих.

«Бойтесь своих желаний», — гласит древняя мудрость. — «Они могут сбыться».

Даже если желаешь чего-то не до конца, шёпотом, на дне души — всё равно могут.

Не успела Ирис добраться до дома, как мать накинулась на неё с упрёками. Катрин, неизменно верная своей привычке быть всегда несчастной и страждущей, ухитрилась вляпаться в очередную историю — оказалась в неправильном месте в неправильное время — мост рухнул. Страждущих и скорбящих оказалось больше, чем достаточно.

Её вечно унылая кухня со своей подружкой-недотёпой (а иная просто не стала бы дружить с такой закоренелой неудачницей) оказались в эпицентре событий. А когда Ирис хотела обнять весь мир, позабыла как-то про этот милый дуэт. Вернее, трио.

Впрочем, Альберт её раздражал куда меньше. Если уж быть откровенной — не раздражал вообще. Если только тем, что торчал около Катрин.

Одно хорошо, озабоченная и расстроенная мать не стала приставать с расспросами сразу. А потом Ирис что-нибудь придумает, чтобы объяснить своё отсутствие — где была,

что делала.

Она словно грезилась наяву. Вместо длинных гулких больничных коридоров, стенающих раненных, взволнованного, заплаканного лица матери продолжала видеть квартиру Энджела, слышала звучание белого рояля. Фужер на длинной ножке покачивался, зажатый между музыкальными белыми пальцами.

Видала чёрным глаза, светлые локоны, мускулистые руки, с такой силой обнимающие её, что дух захватывало от одного лишь воспоминания.

Следовало бы волноваться о Катрин, о других, но не получалось.

И как-то словно само собой и без волнения выходило, что с драгоценной кухней в итоге всё оказалось в порядке. Даже более того.

Ирис так и не смогла себя заставить делать, что нужно, потому что утопала совсем в других эмоциях. Всё, что не относилось к Энджелу, словно и не существовало. Или существовало, но было далеко и безразлично.

Она с трудом дождалась утра.

Но действительность не порадовала. Не было ни Энджела, ни роз.

Всю дорогу до школы Ирис накручивала себя, представляя, раз за разом прокручивая в воображении сцены предстоящего разговора, как она постарается объяснить своё видение ситуации и заставить Энджела соответствовать уровню собственных ожиданий.

Но в школе Энджела в тот день не было.

Ирис пыталась убедить себя, что он попросту опоздал. Не мог же он взять и исчезнуть, не дав ей знать об этом? Только не после той волшебной ночи, что была у них!

Но к шестому уроку обманывать себя больше не получалось. Оказалось, что мог

Свободно и непринуждённо мог просто взять и исчезнуть, не дав знать о себе ни звонком, ни даже коротенькой SMS-кой!

Ирис кое-как крепилась, давая себе тысячу слов в минуту, что, когда Энджел позвонит, она попросту не ответит на вызов. Ни потом, ни сейчас — никогда! Она не станет слушать оправданий чтобы он не говорил, как бы не просил об этом!

В результате, так и не дождавшись появления Энджела в школе, Ирис позвонила сама. После третьего подряд вызова, пришлось переваривать ещё одну неприятность — Энджел не только не торопился звонить и просить о прощении сам, но он даже и не собирался отвечать на её звонки.

Совершенно не лестный, болезненный для самолюбия вывод.

Ирис пыталась понять и — не понимала. Его нежность, его страсть — всё это ей точно не приснилось! Не могло же это совершенно ничего для него не значить? Или так нежен, заботлив и терпелив Энджел с каждой случайной любовницей? Или всё, что Ирис знала и вообразила себе об отношениях мужчины и женщины не более, чем фантазии глупой неопытной дурочки?

Посоветоваться и излить душу было не с кем. Ирис не имела близких подруг, а приятельницам не доверяла. Да она скорее откусила бы себе язык, чем призналась кому-то, что ею попользовались и бросили. Такие вещи могли происходить с кем-то другим. С жалкими курицами, но не с ней! Не с Ирис.

Удар, который претерпевало её уязвлённое самолюбие был едва ли не сильнее боли, от которой корчило сердце.

— Привет, принцесса, — прилетевшая рядом сумка заставила Ирис предусмотрительно подвинуться, освобождая место ослепительно-модной блондинке, с которой они в последнее

время поддерживали более или менее приятельские отношения. — Что-то ты выглядишь не слишком довольной? Случилось что-то?

Саманта потянулась к овощному салату.

Она бесконечно сидела на диетах и если и позволяла что-то положить себе в рот на людях, то только либо овощной салат, либо — ничего.

— Ничего не случилось. Просто мне скучно, — соврала Ирис.

— Ну конечно же, тебе скучно! А чего ж ты ожидала, если всё время сидишь дома, как затворница. Ты же не бываешь ни в одном интересном месте!

Саманта поморщилась, закинув в рот очередную брокколи.

— И в какое интересное место ты предлагаешь пойти?

— Ну, например, сегодня будет вечеринка у Ньевес Висэнтэ. Можешь пойти туда вместе со мной.

— Кто такая Ньевес Висэнтэ?

— Ты меня удивляешь! — закатила глаза Саманта. — Амансио Висэнтэ, согласно списку Форбс, второй по богатству человек в Штатах. Крупнейший испанский и европейский бизнесмен. Классическое «из грязи в князи». Начинал свой жизненный путь с маленькой лавки по пошиву нижнего белья, затем открыл магазин «Шара», переросшую в целую сеть. Потом расширился до того, что стал торговать товаром и за рубежом.

— Неплохо некоторые умеют на трусах и лифчиках наживаться, — пренебрежительно фыркнула Ирис.

— Ну да, — согласно кивнула Саманта. — Вот уже года три-четыре, как Висэнтэ остаётся самым богатым представителем розничной торговли в мире, предлагая недорогую, но качественную одежду. За последние пять лет он увеличил свой капитал более, чем в пять раз! Его состояние исчисляется 67 миллиардами. Полученные деньги испанец не хранит под подушкой, а вкладывает в недвижимость. А Ньевес его единственная, горячо любимая дочь. Он разрешает ей абсолютно всё! Пойдём? Будет весело!

Ирис не слишком прельщалась перспективой присутствовать на тусовке золотой молодёжи. Ей сейчас ни одна тусовка прельстить не могла. Но альтернативой была возможность просидеть дома, таращась на сотовый в ожидании звонка.

А так, даже если Энджел и позвонит, пусть узнает — она вовсе не уничтожена. Даже не расстроена. Она наслаждается жизнью!

— Я знаю, что это тебе неинтересно, не в твоём стиле и всё такое прочее... но, пойдём, а? Что ты теряешь? Родителей Ньевес всё равно нет в городе. Тусовка обещает быть интересной. Там почти все будут.

— Хорошо. Договорились. Пойдём, — согласилась Ирис.

Ещё на подъезде к особняку Винсантэ уже было видно, что собираются здесь не простые люди. У Ирис сложилось впечатление, что это не парковка, а выставка достижений международного автопрома: тюнингованные Мерседесы и БМВ, спортивные Ягуары и Бентли, внедорожники фирмы Порше — все красовались перед ярко освещённым электричеством особняком.

Музыка внутри гремела оглушительно. От динамиков вздрагивал асфальт. Казалось, что даже по лужам бежала рябь.

Стоило шагнуть внутрь, как жёсткий ритм так навязчиво бил в уши, что становилось почти больно.

«Я стала думать почти как Катрин», — с усмешкой подумала Ирис.

Но не признать очевидное не оставалось возможности. Ей не нравилось то, что она видела. Такое веселье выглядело, с её точки зрения, скорее странно и утомительно, чем по-настоящему весело.

Взгляд отметил дорого одетого молодого человека, делающего странные движения явно не от восхищения играющей музыкой — он был под диким кайфом.

Несмотря на то, что вечеринка происходила дома, атмосфера была совсем как в дорогом ночном клубе — огромные пульсирующие саунд-системы, висящие гирляндами световые эффекторы.

Ирис с замиранием сердца видела, как лакеи, словно обычным подносом спиртного, обносили гостей наркотиками.

— О! Посмотрите кто к нам пришёл! — навстречу им из толпы скользнула удивительно красивая, броская девушка с копной чёрных, густых волос, яркими, чёрными, словно глянцевыми глазами и ярко-красными, как у вампириши, пухлыми губами. — Привет-привет! Саманта, ты пригласила новенькую?

— Я уже почти год как учусь в вашей школе, — напомнила Ирис.

Скользнув по ней взглядом, как по пустому месту, Ньевес невыразительно проронила:

— Да? Ладно. Рада, что ты решила заглянуть. Развлекайтесь, девочки. Хотите наркотического коктейля? У меня есть всё для гостей, от лёгких до быстродействующих: гашиш, трава, экстази, амфетамин, кокаин. Платить ни за что не придётся — за всё заплачено. Что предпочитаете?

— Мы подумаем над предложением, спасибо, — опередила с ответом Саманту Ирис.

Ещё раз подарив им ослепительную, ни к чему не обязывающую улыбку, Ньевес упорхнула.

Саманта подхватила Ирис под руку:

— Пойдём, я познакомлю тебя с народом!

Ирис отметила в толпе парней блондина. Она выхватила его взглядом, зацепившись за цвет волос. Сердце пропустило несколько ударов. Но нет, это был не Энджел — ниже ростом и более хрупкий. Да и причёска другая. Волосы длиннее и забраны в хвост, совсем как у Альберта в первые дни их встречи. Правда, потом он их безжалостно остриг по последней моде.

— Кто этот парень? — спросила она у Саманты.

— Который? А! Вон тот красавчик с длинными волосами, похожий на эльфа? Артур Брэдли. Хорошенький, правда? Но у тебя тут шансов нет.

— Мне и не нужно. Я просто спросила.

— Не прикидывайся дурочкой, — засмеялась спутница Ирис. — Просто так о парнях никто спрашивать не станет. Но у тебя действительно нет шансов. Как и у любой другой девушки тоже. Младший Брэдли открытый гей. Так что тут ловить нечего.

Ирис с брезгливым любопытством покосилась на молодого человека. Он действительно был не в меру смазлив. И слишком выложен для парня нормальной ориентации.

К тому же вид у него был какой-то нездоровый.

— Похож на героинового наркомана в стадии ломки, — поделилась она с наблюдением.

— И это тоже. Как у всех, кто водится с Кингами, у него целый букет пороков.

— А при чём здесь Кинги?

— Как при чём? Всем известно, что Артур любовник Энджела Кинга. Последний конечно би, с девчонками тоже крутит. Вот только долго ни у одной юбки не задерживается.

И с кем бы не развлекался, рано или поздно этих двоих всё равно видят вместе.

Ирис молча смотрела на улыбающуюся Саманту. Она видела — та всё это говорит нарочно, чтобы ранить её. Хотелось в голос закричать, что всё это пустые сплетни, нелепые домыслы и глупые наветы, но что-то в душе невольно соглашалось с полученным объяснением.

Это объясняло более чем странное поведение Энджела. Его странную сдержанность и отчуждённость.

Ирис так старалась ему понравиться. Ей так хотелось угодить ему. Хотелось, чтобы им обоим было хорошо вместе. А он просто любил мальчиков больше девочек. Было больно и унижительно это осознавать.

— Эй? С тобой всё в порядке? — потянула её за руку Саманта.

— Конечно, — постаралась взять себя в руки Ирис.

Ей стоило больших усилий не показать терзающих душу острых когтей разочарования, омерзения и боли.

— Да ладно! Ты ведь хочешь его? Разве нет?

— Кого?

Саманта рассмеялась.

— Стой! — махнула она рукой проходящему мимо лакею и прихватила с подноса два синих одноразовых пластиковых стаканчика. — Выпьем за всё хорошее, подруга?

— За всё хорошее, — согласилась Ирис, не слишком вникая в то, что произносят её губы.

— Помешай и пей до дна, — посоветовала Саманта.

«Многолетний любовник? — прокручивала Ирис в голосе слава спутницы. — Как глупо: нелепое словосочетание. Цветок однолетник — цветок многолетник».

У коктейля, по мнению Ирис, был отвратительный, неприятный синтетический, и к тому же приторный вкус. Вся таблица Менделеева перекатывалась на языке, давая о себе знать не одним, так другим способом.

— А вот и сами Кинги, собственной персоной! Что не говори, они красавчики, правда? И брат, и сестра?

Ирис слышала голос Саманты, ощущала её присутствие и в то же время словно была где-то далеко от неё.

Словно сквозь воду, видела она смеющегося Энджела, во всю флиртующего с Ньевес Висантэ.

От откровенного, пылкого взгляда, которым он одаривал красавицу-испанку, Ирис бросило в дрожь.

Не веря тому, что видит, она наблюдала, как по-хозяйски Энджел обнимает тонкую талию Ньевес, как та прижимается к нему всем телом, откровенно млея от оказанного ей внимания.

С кривой усмешкой, в своей манере скучающего, слишком уверенного в своей силе, аристократа, Энджел что-то шептал ей на ушко. Ньевес смеялась, сверкая белоснежными зубами и её кораллово-красная помада выглядела въедливой и в то же время гармонично вписывалась в роль роковой красавицы.

— Пойдём, потанцуем? — предложила Саманта, хватая Ирис за руку.

Сильнее всего хотелось сбежать ото всех, умчаться отсюда, спрятаться.

Накатывала дурнота. Возможно, не последнюю роль в ощущениях сыграло химическое

пойло под красивым названием «коктейль».

Но Ирис не позволила себе трусливо сбежать. Нет уж! Пусть Энджел видит, что она здесь. Пусть знает, что она в курсе его интрижек и низких поступков.

Пусть ему будет стыдно.

Притворяясь, что ей весело, Ирис позволила себя увлечь в круг танцующих.

Музыка гремела, грозя разорвать барабанные перепонки. Танцующие были как бесноватые. Разноцветные лучи, скользя по человеческим лицам, искажали их, предавая сходство с воображаемыми чертями.

Взгляд Ирис, словно обладая самостоятельной волей, то и дело старался отыскать среди других фигур Энджела. А когда это получилось, на душе сделалось ещё хуже — он танцевали вместе со знойной испаночкой Ньевес неподалёку, откровенно обжимаясь и целуясь с ней врасос.

Здесь многие вели себя подобным образом. Никого это ни капли не смущало.

Впрочем, Ирис тоже не проблемы морального плана заставляли возмущаться — совсем другие чувства. Она впервые глядела в зелёные глаза чудовища под названием Ревность и познавала весь ад, через которое это чувство способно протащить человеческую душу.

С трудом удавалось держать себя в руках. Отчаянно хотелось наплевать на все правила приличия, на голос разума, подойти и вцепиться в лощённые кудри этой высокомерной красногубой стерве и рвать их с корнем!

Чуть отстранившись, не расцепляя рук Ньевес потянула Энджела за собой в глубину комнат.

Всё с той же ленивой, словно полусонной грацией, он позволил ей это сделать.

— Куда ты? — попыталась удержать её подруга

— Я сейчас приду, — кинула Ирис Саманте.

Она торопилась последовать за парочкой, за которой следила, боясь потерять их из вида.

Опасения её были лишними. Далеко они не ушли.

Ирис застала их в соседней небольшой комнатушке, на софе, предающимся бурной, животной страсти.

Взгляд фрагментарно выхватывал то стройное полусогнутое женское бедро, прекрасной формы, соблазнительно обтянутое чулком; то спустившиеся с плеча бретельку платья. Как белые длинные пальцы Энджела, ласкающие мягкую округлость груди соперницы, заставляли её томно закатывать глаза, словно глупая корова и закусывать кроваво-алые, вампирские губы.

Пристроившись между разведёнными бёдрами страстной красавицы, Энджел без всякого стыда наслаждался.

Самое паршивое было то, что при её появлении он, приподняв голову, уставился прямо на Ирис, но и не подумал прерывать любовные игры.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза — она гневно, даже яростно. Его взгляд был затуманен, то ли наркотиками, то ли страстью, то ли и тем, и другим вместе.

Ирис почувствовала, как в груди что-то оборвалось, когда, уронив голову на плечо любовнице, Энджел с глухим стоном удовольствия ускорил восхождение к вершинам страсти.

Казалось, рвутся в душе струны и что-то живое агонизирует под камнепадом, сходящим как неумолимая сель с вершины гор. Ничему не выжить, как не спастись при верховом

пожаре в лесу лани, как не несись — накроет вихрем беспощадного пламени.

Какая же она была дура!

Вообразила любовь до гроба, в то время как для Энджела она была просто подвернувшейся под руку сговорчивой наивной дурочкой. Она, воображающая себя выше, умнее, удачливее и красивее других оказалось такой же как все.

Бежала за ним, как собачка, чтобы стоять и смотреть, как он трахается с другой!

Унизительно!

Схватив вазу с тумбочки Ирис изо всех сил швырнула её об стену, обрызгивая осколками пол, разрывая тишину звуком разбивающегося вдребезги стекла.

Это заставило парочку на миг замереть. Они больше не могли игнорировать присутствие Ирис.

— Что б тебе в аду гореть, Энджел Кинг! — рыкнула Ирис и перед тем, как покинуть комнату, от души, со всего маха, хлопнула дверью с такой силой, что в её сторону обернулись все присутствующие.

Ирис было плевать! Плевать на всё!

Злые крылья несли её над реальностью, ставшей вдруг такой тягостной.

Злые крылья заставляли забыть об осторожности, внимании, холоде. Она не чувствовала ни грязной мокроты под ногами, ни влажного ветра, бьющего в лицо.

Улица стала чем-то вроде одного грязного пятна, в котором всё сливалось. Жизнь казалось пустой, неприятной, полной темноты, грязи и печали.

Куда бы Ирис не взглянула, ей виделось чуть меланхоличное, чуть холодноватое, порочное лицо Энджела с мёртвыми глазами на ещё живом лице.

Светофоры подмигивали. Фонари, выстроившись в ряд, переливались жёлтыми огнями, походя на нить опаловых бус, опоясавших улицы.

Ирис казалась себе глупой бабочкой, попавшей в паутину к невидимому пауку, незримо управляющему этим городом, столь прекрасным с виду, сколь и полному кошмаров изнутри.

Ирис в какой-то момент потеряла связь с реальностью, а когда заметила несущийся на неё серебристый ниссан, было поздно что-то делать.

Раскрытыми от ужаса глазами она, как в замедленной съемке, видела — автомобиль приближается, будто внезапно материализуясь из косых дождевых струй.

«Как глупо, как нелепо», — с отстранённой тоской, словно о ком-то постороннем подумала она, прислушиваясь к пронзительному сигналу.

А в следующую секунду её с силой толкнуло и отбросило назад.

Ирис не сразу поняла, что это был не автомобиль — её оттащили с линии удара.

На белом, искажённом яростью лице Энджела чёрные глаза казались темнее вдвое:

— Какого чёрта ты творишь?! Ослепла?! Или мозгов лишилась!?

Ирис часто заморгала, стараясь стряхнуть повисшие на ресницах слёзы.

Потом сообразила, что под проливным дождём всё равно не понять, отчего у неё мокрое лицо.

При виде Энджела вопреки ярости, ревности и боли она испытала радость.

Он всё-таки пошёл за ней! Значит, она ему небезразлична. Что-то для него значит.

— Ты! — из всех сил ударила она его кулаком по плечу. — Сукин ты сын! Мерзавец! Подлая тварь! Я, как последняя дура, ждала твоего звонка, а ты всё это время и не думал мне звонить! По-твоему, я заслужила это?! За что ты так со мной?! Обжимаешься с этой... с этой... при всех!..

— Эй-эй! Уймись-ка, ладно?

Перехватив её руки, он сжал их, мешая ей драться.

— Давай-ка без претензий, детка? Ты что, не знала, с кем связываешься? Моя работа — продавать себя. Я проститутка. Сегодня девочки, завтра мальчики — это мой образ жизни. Ты что? Всерьёз ожидала, от меня верности?

— Я не знала. Откуда мне было это знать? Если хочешь, можешь смеяться, Энджел Кинг, но да, я восприняла эту интрижку как нечто большее и... я была не готова к тому, что никто никому ничего не обязан. Мне казалось, что я тебе небезразлична. Что я для тебя это нечто большее...

— Думаешь, чтобы человек перестал быть самим собой, достаточно просто быть чем-то большим? Да будь ты хоть Жар-Птица с крыльями, меня-то это не изменит. Ты хорошая, Фиалка. Чистая, милая, красивая девочка, заслуживающая любви, а не просто радости на одну ночь. В том, что происходит, нет твоей вины. Дело не в том, что ты недостаточно хороша, чтобы мне нравиться. Просто я настолько развращён, что кроме секса ни на что не способен.

Мне жаль, что я причинил тебе боль. Прости меня, если сможешь. А если будет проще — не прощай. Можешь злиться или ненавидеть если так тебе будет проще или легче. Но мне нечего тебе дать.

— Это не правда, Энджел! Я чувствую, знаю, что в тебе ещё осталось много хорошего. Не знаю, что за причина мешает тебе выбрать лучшую часть тебя, но я готова была бы рискнуть всем, если ты согласился бы хотя бы попытаться побороться за эту половину!

Их взгляды встретились и на несколько счастливых секунд Ирис была почти уверена, что Энджел сейчас её поцелует.

Но он отступил:

— Давай лучше я отвезу тебя домой.

Тогда она сама, первая, обвила его шею руками, прильнув к его горячим, против ожидания, губам. Ощувив, как он напрягся, Ирис уже была готова признать поражение, ожидая, что её вот-вот оттолкнут. Но Энджел всё-таки ответил на её поцелуй.

Ответил с жадностью.

— Скажи мне! Скажи, что эта противная испанка ничего для тебя не значит! — горячо потребовала Ирис, на мгновение отпрянув.

— Она ничего для меня не значит, — слишком легко согласился Энджел.

— Тогда почему ты был с ней?!

— Потому что так велел отец. Сделать всё возможное, чтобы эта девочка в меня влюбилась.

— Твой отец?.. Но — почему?

— Потому что он копает под отца Ньевес. А ничто не делает нормального человека таким уязвимым, как его дети.

— Это ведь низко? Разве нет?

— Кинги вообще низкие и опасные личности. Именно поэтому я и пытаюсь тебя уговорить держаться подальше отменя, раз у самого не хватает на это силёнок. А ты — глупая Фиалка.

— Ты не причинишь мне вреда.

— Ты так в этом уверена?

— Ты не сможешь меня не любить.

— Кинги сильнее всего вредят именно тем, кого любят.

ГЛАВА 11. Артур. Задание

Стоя на балконе второго этажа, Артур Брэдли наблюдал, как Энджел, который не бегал никогда и не за кем, который не ценил ни своей, ни чужой жизни, не говоря уже о чувствах, поспешил за этой девицей с необычно-яркими, как у куклы, глазами.

Описать свои чувства в этот момент Артур бы затруднился. Впрочем, он всегда затруднялся описывать свои чувства к Энджелу. Не столько потому, что не понимал, сколько потому, что понимать отказывался. Вернее, отказывался признавать.

С самооценкой у Артура не было проблем. Он всегда знал, что хорошим человеком его не назовёшь. И даже нехорошей, но зато сильной личностью, последовательной в своих пороках, что верно было случае с Ливианом и Энджелом, тоже.

Артур считал себя слабым, колеблющемся в принятии решений и вечно увлекающимся не тем, чем нужно. А ещё он никогда не умел доводить дело до конца. Он бы хотел стать другим. Но, увы, нам не всегда дано стать тем, кем мы желаем.

Он хотел бы стать таким, как Ливиан. Старший брат — старший во всём. Ливиан не сомневался ни в правильности своих действий, ни в правильности своих эмоций, ни в правильности принимаемых им решений.

А если даже ошибался, всё равно не парился.

Ливиана никогда бы и не угораздило влюбиться в парня, который тебе, к тому же, пусть сводный, но брат.

Самое забавное, что изначально Энджел пытался соблазнить не Артура, а именно Ливиана. Энджел любил трудные задачи и сложные вызовы, а Ливиан — это Ливиан. Сложный вызов.

Это было нечто среднее между манипуляцией и игрой. Борьбой характеров.

Пока выигрывал Ливиан, который даже под самым большим наркотическим кайфом всё-таки умел держать свою похоть под контролем. Но это пока...

Не сумев получить Ливиана, Энджел удовлетворился Артуром. И это тоже было игрой. Причём на нервах у всё того же Ливиана.

Так уж повелось, секс в семье Кингов был всем, чем угодно — игрой, развлечением, оружием против врагов, способом манипуляций, способом получить деньги, способом морально уничтожить или получить компромат на противника.

Он только к нормальным человеческим чувствам не имел никакого отношения.

Артур был для Энджела в первом пункте. Невинная, с его точки зрения, шалость, нечто вроде рукоблудия вдвоём из серии: развлеклись — забыли.

А Артура угораздило впустить Энджела в своё сердце.

Он и сейчас не мог сердиться на... кого? Брата? Любовника?

Хм-м! Всё сложно.

Артур понимал Энджела. Понимал даже то, почему тот резко отдалился после его глупой и нелепой (теперь Артур и сам это понимал) попытки суицида. Кроме того, что на добрые шесть месяцев он лишился дееспособности в прямом смысле слова и оказался обузой для Ливиана, он ничего не добился.

А быть полностью зависимым от Ливиана это совсем не то, чего он хотел. Это вообще не то, что любой человек в здравом уме и трезвой памяти себе пожелает. Нет, Ливиан, он, конечно, кремень и человек долга. И конечно же, он не бросил брата-неудачника в беде. Он

о нём заботился. Но с таким выражением на лице, что лучше было бы в хосписе Красного Креста оказаться.

Хотя... Артур ведь не был в общественно хосписе. Ему не с чем сравнить.

Но так или иначе, для Артура видеть старшего брата, читать презрение в его серых глазах, додумывать слова, что Ливиан мог бы сказать ему, хотя ни одного укора он так и не услышал, были для Артура самым мучительным в это мучительное время.

— Скучаешь?

Услышав низкий голос Сандры, Артур непроизвольно напрягся.

Если бы Артур мог кого-то ненавидеть, Сандра была именно тем человеком, с которого бы он начал. В первую очередь потому, что она ненавидела его.

Как всегда, в чёрном. Как всегда, в вызывающе обтягивающих кожаных одеждах. Любая другая девица в таком смотрелась бы откровенной шлюхой. Но Сандра выглядела тем, кем и была — опасной, жестокой и холодной.

Шлюхи, конечно, тоже порой опасны. Могут стащить бумажником и ненароком наградить сифилисом. Тех, к кому он способен прицепиться.

Сандра же, в восприятии Артура, походила на ангела-смерти.

Он видел пару раз, как она убивала. Бесчувственно, быстро, не колеблясь. Как будто сама была ножом или пулей. Без злобы, радости, угрызений совести, идей — одно слово, профессионально. Сам бы Артур так не мог. И Энджел — тоже.

Для Энджела не было моральных запретов и черты, которую он не смог бы перейти, когда нужно было кого-то соблазнить. Не важно, мужчина перед ним или женщина. Неважно насколько взрослым, искушенным или «морально-устойчивым» был человек. Как хороший охотник, как универсальный ключик, Энджел добивался цели и получал то, что было заказано: деньги ил компромат. Пару раз он доводил людей до самоубийства, случалось.

Но сам никогда не нажимал на курок. Убийство Энджелу претило. Как и самому Артуру. Даже Ливиан предпочитал держать руки сухими.

Но Сандра убивала.

Она бралась не за любые заказы. И если отказывалась, навязать ей работу было невозможно. За это Артур даже немного уважал её. Была в его смертоносной сестричке своеобразная принципиальность.

— По тебе я не скучал, — со вздохом отвернулся Артур от Сандры.

— Я по тебе — тоже.

Сандра не скрывала своего презрения. Она всегда старалась побольнее ударить Артура словами. Она ненавидела Артура за связь с Энджелом.

Можно было заподозрить ревность между сестрой и братом, но Артур подошёл к Кингам достаточно близко, чтобы знать — между Сандрой и Энджелом никогда не было сексуальных контактов и не предвиделось. Что, отворочено говоря, его немало удивляло, учитывая воспитание, которое Кинг дал своим милым деткам.

Во всем мире Энджел всерьёз воспринимал только двух людей — отца и сестру.

Рэй Кинг — это Рэй Кинг. Встретишь однажды — невозможно забыть. Если дьявол на свете существует, они, наверное, похожи.

Рэя Кинганевоозможно не ненавидеть. Но правда и другое — сложно не поддаться его

невероятной энергии, совершенному бесстрашию, гениальному уму. Чем больше общаешься с этим демоном, тем больше попадаешь под его обаяние. Он в буквальном смысле слова порабощает не одним, так другим способом.

Сандра и Энджел — Рэй вырастил их.

Смерть и Похоть — главные оружие Кинга.

Энджел — сломленный, душа Сандры черна и полна нечеловеческой ненависти.

— Кажется, Энджел увлёкся новой пассией? — сказал Артур как бы, между прочим. —

Тебя это должно радовать.

— Тебя действительно интересует моё мнение по этому поводу?

— Я хотел бы о них услышать.

— Я считаю, что Энджелу полезны новые эмоции. Желательно настоящие и чистые. Не то бесконечное извращение, что представляет собой его жизнь, частью которой стал ты. Без обид.

— Без обид, — согласился Артур.

Он и в самом деле не видел поводов обижаться.

— Думаешь, ваш отец позволит этому случиться?

— Он и твой отец тоже, — напомнила Сандра. — Полагаю, вмешательства отца и не потребуется. Разрушать собственную жизнь, ломать то, что могло бы быть красивым да калечить чужие души Энджел прекрасно научился и сам.

— Я думал, если ты хоть кого-то любишь, Сандра, это твой брат-близнец.

— Любить — не значит быть слепцом. Предпочитаю любить с открытыми глазами, не закрывая глаза на пороки и недостатки.

— Что ж? Бывает и хуже.

Сандра нахмурилась.

— Хуже, когда ты пытаешься переделать любимого человека под свои представления, — пояснил Артур.

— Я могу видеть мир лишь моими глазами. У меня нет других. И в моём представлении невозможно быть счастливым трахая в очко собственного брата. Это разрушает личность, понижая её внутренние барьеры.

— Куда уж ниже-то? — фыркнул Артур.

— Я сделала всё, что могла, чтобы разрушить вашу связь. И ни минуты в этом не раскаиваюсь. Даже если бы ты сдох, скажи, что мир в итоге потерял бы? Ещё одного жалкого червяка, от которого никому никакой пользы? Да, кстати о пользе — папочка желает тебя видеть. У него есть для тебя задание.

— Ты пришла за тем, чтобы сказать мне это?

— Для чего же ещё? Уж точно не для того, чтобы разделить твоё сентиментальное увлечение и вытирать твои слёзки, мой сладкий мальчик.

— Ведьма, — беззлобно выругался Артур, чем вызвал короткий смешок.

— Отец не любит ждать, — напомнила Сандра. — Могу подвезти.

— А тебя от моего присутствия не стошнит?

— Силу воли тоже тренировать нужно, — парировала она. — К тому же я сегодня в хорошем настроении. Ну так что?

— Подвези.

Сандра, как и Ливиан, предпочитала автомобилю байк. Оседлав красавицу Yamaha, словно железного коня, она легко, с пол-оборота, завела двигатель.

Манера вождения у неё была резкая, жёсткая. Пару раз за крутые виражи ему откровенно захотелось её отшлёпать.

За свою жизнь Артур не опасался, но соскребать с асфальта драгоценную сводную сестричку, с ближайшей перспективой оправдываться потом перед Энджелом и Рэем не казалась вдохновляющей.

К тому же, в глубине души Артур подозревал себя в пацифизме. Он был за мир во всём мире. Жаль, что во всей их чокнутой семейке он был такой один.

— Я бы на твоём месте водил поосторожней, — бросил он Сандре, когда она заглушила мотор.

— Поостерегись лучше-ка на своём, — фыркнула невыносимая девица в ответ.

Артур тихо спросил:

— Ты знаешь, о чём пойдём разговор?

— Нет, — судя по равнодушию, сквозившему в её голосе это было правдой. — Но я бы на твоём месте не особо рассчитывала на благородную миссию спасателя. Это не в репертуаре Рэя. И ещё, думаю, это как-то связано с Элленджайтами.

— Почему ты в этом уверена?

— Не уверена. Но логика вещь железная. Недавно они тут развлекались в милым сладким мальчиком, будущим хозяином Хрустального Дома. А потом папочка пребывал в не самой лучшей физической форме. Похоже — передоза с болью. Жаль только, её не хватило Рэю для того, чтобы сдохнуть. Мир вздохнул бы с облегчением.

— Ты очень милая дочка. Не хочу себе такую.

— С твоими наклонностями тебе и не грозит.

— Ну, наклонности с годами можно и поменять. Энджел же увлекся красивой брюнеткой. Может и мне повезёт встретить большую любовь, способную поставить меня на путь истинный? За меня бы ты порадовалась, а, Сандра? Мы, конечно, не близнецы, но ведь и не чужие люди?

— Иди уже! Надоел.

В отличие от Сандры, их противостояние из-за Энджела никогда не заставляло Артура её ненавидеть. Напротив, он всегда жалел свою сводную сестрёнку. Хотя её острый язык и неприкрытая неприязнь порой больно ранили.

«Ты вообще слишком ранимый для отпрыска Кинга», — с усмешкой сказал себя Артур.

— Привет. Где Рэй? — поинтересовался он у одного из вечно болтающихся без дела отцовских оболтусов.

Получив ответ, направился в указанную сторону.

Артур застал Рэя Кинга за совершенно несвойственным ему и оттого непривычным занятием. Отец никого ни трахал, ни над кем не измывался, не третировал собственных детей, не кололся и не пил.

Сидя перед открытым журналом он, судя по всему, сводил дебет и кредит.

Артур нашёл это ... забавным.

— Ты? — оторвавшись на миг от своего занятия, кивнул Рэй. — Рад, что решил быстро откликнуться на мою просьбу о встрече. Заходи. Садись.

Рэй решил разыграть сегодня любезность? Наверное, это хорошо.

— Не умею ни в чем отказывать настойчивым и красивым женщинам, — устало отозвался Артур и, принимая приглашение, занял указанный ему стул.

В отношении чувств, испытываемых к нему Рэем, Артур никогда не обманывался. Если

с Ливианом, по известным лишь ему одному причинам, Рэй хоть немного считался, Энджела беспощадно использовал, Сандру — пытался сломать, то Артура попросту предпочитал не замечать, будто на нём шапка невидимка.

Артура такое положение вещей более, чем устраивало. Жаль, если Рэй решит попытаться изменить их замечательные отношения.

— Зачем я тебе вдруг понадобился?

— Что? Вот так сразу к делу? — с усмешкой сощурился Рэй. — Я даже не успел поинтересоваться твоим самочувствием.

— Это совершенно не обязательно. Правда. Я не в обиде, если мы опустим ту часть, где ты, придерживаясь приличий, станешь интересоваться тем, что тебе, я знаю, ну совершенно не интересно.

— Ладно. Если ты так хочешь, — легко согласился Рэй. — Переходим к тому, что интересно. Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу.

— У меня есть возможность отказаться?

— Пф-ф? Даже не удосужившись узнать, в чём заключается просьба? Вот так сразу? — с деланной укоризной поглядел Рэй. — Конечно, ты сможешь отказаться. Но тогда мне придётся обратиться с этой просьбой к кому-нибудь другому, — вздохнул Рэй, пожимая плечами, — боюсь, не такому нежному и доброму, как ты.

— Чего ты хочешь?

— Ты повторяешь это так часто, что у меня возникает неприятное, и конечно же, ложное чувство, что тебе прямо-таки не терпится от меня отделаться, сынок? — с усмешкой проговорил Рэй, недобро щурясь. — Мне нужно, чтобы ты похитил для меня девушку.

— С какой целью?

— Вообще-то я же злодей. Мне по амплуа положено умыкать юных девственниц, насиловать их в особо жестокой и, по возможности, извращённой форме, а потом заливаться зловещим сумасшедшим смехом.

— Ты намерен этим заняться? — индифферентно поинтересовался Артур, подпирая подбородок рукой.

— Нет. Я, конечно, могу и младенцев есть живьём, но для этого всё-таки нужна мотивация.

— Короче. Зачем тебе девица? Милая, невинная, юная?

— Чтобы заставить близкого ей человека работать на меня.

Артур обменялся с Рэем взглядом:

— О моём противостоянии с новообъявившимся представителем Элленджайтов всё уже в курсе.

— Хочу предупредить сразу, Альберт мне нравится и его должник, — холодно проронил Артур. — Так что гадить ему я не стану.

— Альберт Элленджайт? Ну, о чём ты? Этот парень мне и самому доставляет удовольствие, как в прямом, так и переносном смысле.

— Поэтому ты чуть не прикончил его симпатичную юную адвокатессу?

— Ты и об этом в курсе? Тем лучше! Ну так вот, у этой самой симпатичной адвокатессы есть не менее симпатичная и ещё более юная сестра. Она и есть твой клиент.

Артур откинулся в кресле, нахмурившись. Он думал, что речь пойдёт о невесте Альберта, а не о какой-то там мало кому интересной сестрёнке обслуживающего персонала.

— Хочешь шантажировать адвоката Элленджайтов, заставляя её сливать тебе

информацию?

Рэй, сложив пальцы домиком, смерил Артура очередным снисходительным взглядом.

Терпеливо продолжив:

— Я уже сказал, что дело не в Элленеджайтах. Альберт может накосячить и натворить неприятностей, но у меня есть все основания полагать, что делать этого он не станет. Ему на самом деле не интересна война между нами.

— Вот как?

— Уверен, что так. В его сердце живут другие стремления. Не войны со мной он хочет. Если я не начну драку первым, Элленджайт предпочтёт сохранять нейтралитет. Но у меня есть другой враг. Старый и непримиримый. И у меня есть все основания полагать, что в поисках сторонников он вскоре постучится к дражайшей мисс Филт. Необходимо, чтобы к тому времени кое-кто уже гарантировано работал бы на меня. Именно это ты и обеспечишь.

— Почему — я? У Энджела это получилось бы не в пример лучше.

— Я посылаю тебя не соблазнять, хотя ты можешь совместить полезное с приятным, ничего против иметь не буду. Главное, чтобы девушка в итоге была жива и здорова. Её моральный облик меня интересует мало.

— Ты мог бы выбрать Ливиана.

— Нет.

— Почему?

— Ты очень невнимателен. А ведь я, кажется, упоминал, что фамилия девушек Филт? Их папаша был лучшим другом Брэдли. А ты же помнишь, как сентиментален бывает Ливиан ко всему, что относится к памяти этого остолопа?

— Долгое время этого остолопа мы считали родным отцом! И он был им для нас. Куда лучшим, чем ты для Сандры и Энджела.

— Ой, да ладно! Можете чтить его память сколько угодно, я не ревную. Но проблемы не люблю. Кроме того, мы оба знаем, что ты куда мягче по характеру, а значит девушке будет с тобой комфортнее.

— И куда прикажешь красавицу увезти?

— В Сонную Долину. В случае чего, вы всегда можете скрыться в клинике для душевнобольных, чтобы избежать ненужных вопросов.

— Ты сейчас так неудачно пошутил, да?

— У меня не бывает неудачных шуток. Если я, конечно, шучу. Но на данный момент я абсолютно серьёзен. Мне нужно чтобы девушка исчезла не на день-два, а минимум, на полгода.

— Что?! Я должен всё это время находиться у неё в няньках?! — вспыхнул Артур. — Теперь понятно, почему ты решил делегировать эту головную боль мне!

— Не обязательно сидеть около неё днями и ночами. Нужно только обеспечить её исчезновение из точки «А», проезд до точки «В» и более-менее комфортное пребывание до часа «Х», когда я верну красотку, живую и здоровую, предмету моей договорённости. Верю, ты с этим справишься.

— А если откажусь?

— Если окажешься, я заменю тебя кем-то другим. Например, Билли-Гризли. Или Никола Пересом. Но сам понимаешь, ни с одним из них ей не будет так хорошо, как с тобой.

Артур отвёл взгляд.

Сёстры Филт...

Смутно в памяти вставали две девочки, старшая и младшая.

Младшая, со смешными косичками, торчащими в разные стороны, была забавной. Носилась со своими куклами, пока не доставала Ливиана. Тогда он просто отрывал игрушкам головы, в надежде, что девчонка отстанет.

Представить малышку, чьего имени, как не пытался, Артур в памяти воскресить не мог, взрослой никак не получалось. Перед лицом так и стояла похожая на лисичку потешная мордочка. Назойливая и любопытная.

Не хотелось даже думать, что может случиться с этой девочкой, попади она к мордоворотам Рэя. Сама по себе идея запереть девчонку в психушке Артуру тоже не нравилось.

— А проверить твоё дельце иначе, не впутывая в дело младенцев, нельзя никак?

— Младенцев? Ты под этим определением кого видишь: её или себя? —

Артур прекрасно понимал, что сделает так, как задумал Рэй. И быть может это даже к лучшему. Задание позволит ему вырваться из города, развеяться, выбросив из головы и Энджела, и Ливиана.

— Так ты исполнишь мою просьбу?

— А были те, кто тебе отказывал? — слабо огрызнулся Артур.

— Обычно я отказов не принимаю, но для тебя, как для моего сына, мог бы сделать исключение. Но я рад, что ты не воспользовался этой возможностью. Дам тебе знать, когда следует приступить к выполнению задания.

— Значит, время терпит?

— Спешка хороша при ловле блох, а мы делаем бизнес, — красивые губы Рэя продолжали кривиться в глумливой усмешке.

— Мы всё обсудили? Я могу идти? — холодно поинтересовался Артур.

— Если тебе так не терпится, конечно, можешь. Но может быть у тебя будет желание пообщаться со мной подольше?

— Ни малейшего, — откровенно признался Артур.

— Отлично, — довольно улыбнулся Рэй.

На этом и расстались.

По закону всемирной подлости, не успел Артур спуститься, как столкнулся с Ливианом.

Старший брат, подозрительно прищурившись, уставился на младшего:

— Что ты здесь делаешь?

— Могу адресовать тебе тот же вопрос, — пожал плечами Артур. — Видимо, не одному тебе нравится быть мальчиком на побегушках у Рэя. Этим теперь, кажется, весь город занят?

— Рэю вдруг понадобились твои услуги?

Взгляд и тон Ливиана словно говорили: «Что могло понадобиться Рэю от такого слабовольного ничтожества, как ты?».

— И чем ты можешь ему пригодиться?

— Если так интересно, поднимись и спроси у него сам, — ледяным тоном отрезал Артур.

— Вот появился и наш Каин, — насмешливо произнёс низкий женский голос.

Артур отметил про себя, что при появлении Сандры Ливиан напрягся. Взгляд его сделался даже более колючим, чем обычно.

— Я бы на твоём месте, Артур, опасалась. Когда-нибудь тебя принесут в жертву, как

невинного ягнёночка.

Обычно Сандра ничем не напоминала Рэя. Но сейчас, когда на губах её играла усмешка, она сделалась до ужаса похожа на отца.

Артур почувствовала, как воздух начал быстро накаляться. Между Сандрой и Ливианом словно проскальзывали искры. Химия была более, чем ощутимой.

Причём ток шёл не от Сандры, а от Ливиана.

Артур с удивлением посмотрел на брата. Что-то хищное, злое и обречённое читалось в его резком смуглом лице.

— Почему ты думаешь, что жертвой обязательно будет Артур? — в голосе Ливиана звучали провокационные, хриплые нотки.

Сандра остановилась, напоминая кошку, готовую в любой момент либо задать стрекоча, либо выпустить когти.

— Потому что только Артур из всех присутствующих тянет на ягнёнка.

Во взгляде Ливиана, обращённого к Сандре, Артур прочёл откровенное желание. И ему это совсем не понравилось.

— А разве жертвами становятся только ягнята?

С каждым словом голос Ливиана словно опускался ниже. В его интонациях было что-то от гортанного мурлыканья кошачьих хищников.

К облегчению Артура, пожав плечами, Сандра удалилась.

— Что это сейчас такое, нахрен, было? — спросил он у брата.

— Ты о чём? — невозмутимо откликнулся Ливиан, чиркнув зажигалкой и глубоко затягиваясь синим табачным облаком, в котором легко угадывалась примесь марихуаны.

— Ты флиртуешь с Сандрой?

— Что, прости? — забросил Ливиан руки на спинку дивана, раскидывая их широко в стороны, словно демонстрируя силу и то, кого тут следует считать хозяином.

— Я очень надеюсь на то, что что-то понял неправильно. Но насколько я тебя знаю (а я тебя знаю!), ты пытаешься подцепить собственную сестру?

— Серьёзно? — насмешливо фыркнул Ливиан.

Но за этой насмешливой, небрежной манерой Артур отчётливо видел кипящую в душе брата злость.

Всё было ещё хуже, чем показалось с первого раза.

Ливиану самому не нравились чувства, которые будила в нём Сандра. Но они в нём были. Как закипающая лава в жерле просыпающегося вулкана.

— Какой ты наблюдательный, — продолжал издеваться Ливиан. — Если я тебе скажу, что это бред твоего воспаленного воображения, ты мне поверишь?

— Рад бы. Но — нет.

— А если и так, то что? — зло рассмеялся Ливиан. — Станешь читать мне мораль о недопустимости подобного поведения?

— Сандра — твоя сестра.

— Сказал парень, едва не сведший счёты с жизнью по причине страстной любви к её брату-близнецу, который — дай подумать! — ещё и наш родной брат.

— Прекрати!

— Или — что?

— Или — ничего. Твои чувства — твои проблемы ровно до той черты, пока ты не дашь им выход. Рэй Кинг может как угодно делать вид, что ему плевать на всё и вся, но ведь

дохлому ежу ясно, что на дочь его «плевать» на самом деле не распространяется.

— Так ты обо мне так трогательно беспокоишься? Я тронут. Глубиной твоих братских чувств, Артур. До самой глубины души. Но ты можешь спать спокойно. В отличие от тебя, дорогой, не чувства владеют мной — я ими. И кроме того, не думаю, что Сандра разделяет мою похоть. Так что спи спокойно. Иди по своим делам. Живи своей жизнью, братишка. Всё под контролем.

Но по тому, как Ливиан поднялся с текучей пластикой крадущейся пантеры, по раздувающимся ноздрям, по сдержанной злости Артур видел — всё совсем не так, как он говорит.

Крышка на котле была закрыта. Градус кипения поднимался. А спустить пар не получалось. В такой ситуации рано или поздно следует ждать взрыва.

А с учетом такого пиромана, как Рэй Кинг, с наслаждением устраивающий фейерверки из чужих чувств, пороков и страстей, взрыва следует ожидать в ближайшее время.

ГЛАВА 11. Катрин. Безумная ночь

Переживая, Катрин не имела привычки метаться по комнате. Она сидела тихо, неподвижно, стараясь прислушиваться к себе, к собственным мыслям и чувствам. Чем старательнее она прислушивалась, тем больше приходила к пониманию — всё, что она переживала, словно узлом завязано на Альберте.

Наверное, это любовь? Только она какая-то неправильная. Тяжёлая, словно наркотическая зависимость.

Люди стремятся любить. Думают, любовь благо. Жаль, не её случай.

Время давно перевалило за полночь. Стрелки приближались к двум часам ночи, когда в дверь, наконец, позвонили.

В немой, почти гробовой, потусторонней тишине звонок прогремел, как выстрел, тревожно и угрожающе. Будто чей-то зловещий шёпот: «Я иду за тобой!».

Катрин особенно остро ощутила собственное одиночество и незащищённость. До ближайшего дома, притаившегося за высоким забором, не добежать. Улица пустынная и кажется бесконечной. Она одна. С ней даже собаки нет.

Звонок прозвенел снова.

И снова.

Кто бы там не пришёл, он был полон решимости войти.

Замирая от ужаса, Катрин подкралась к входной двери и заглянула в дверной глазок. Увидев на пороге Синтию, не знала, успокоиться или начать нервничать сильнее? Хорошо к испугу примешалась злость. Когда Катрин злилась, она становилась почти бесстрашной.

Накинув на дверь цепочку, дверь она приоткрыла, не спеша распахивать настежь:

— Слишком поздно для визитов вежливости, — процедила она сквозь зубы.

— Дай войти, — отрезала Синтия.

— Я не ждала гостей.

— Я не гость. Нужно поговорить, а стоять под дверью, как дрожащая собачонка, я не привыкла. Сама откроешь? Или предпочтешь, чтобы я вошла вопреки твоему желанию?

Прежде, чем Катрин успела ответить, цепочка выскользнула из её пальцев и с жалобным треском рассыпалась на звенья. Дверь с силой, будто её дёрнул кто-то огромный, очень сильный, но невидимый, распахнулась, с треском ударяясь о стену.

Синтия была похожа на демона.

Спокойного, невозмутимого демона, который твёрдо знает, зачем пришёл и уверен, что положенное ему от него точно не уйдёт.

— Что тебе нужно? — попятилась Катрин.

— Совсем необязательно так трястись: я же сказала, только поговорить. Я тебя не съем. Даже если бы и хотела, не могу. У тебя сильный заступник. Так могу я войти?

— Тебе требуется персональное приглашение, как вампиру из древних сказаний? — насмешливо фыркнула Катрин.

Впрочем, под ледяным взглядом желание смеяться у неё сразу же пропало.

— Входи, — кивнула она.

Синтия лениво, будто нехотя, перешагнула порог.

Дверь закрылась за её спиной словно сама собой. Ночная гостья к ней даже не прикоснулась. Как в плохом ужастике, язычок замка сам провернулся в нужную сторону.

— Впечатляет. И где так можно научиться? — всё ещё пыталась свести происходящее к шутке, проговорила Катрин. — И можно ли?

Она изо всех сил, отчаянно пыталась не поддаться нарастающему страху.

— Можно. Но я бы не советовала. У всего есть цена. Душа, например. Ты веришь в бога и существование души, ангелочек из тёмного рода?

— Я будущий врач. Уже сейчас я могу разобрать на запчасти человеческое тело. Душу я в нём ни разу не находила.

— Разбирая человеческие тела на запчасти, ты пыталась отыскать душу? — неприятно засмеялась Синтия. — Прекрасно! Ответь только на один вопрос: когда от тела Альберта осталось меньше, чем от святых мощей — где была в это время его несуществующая душа? Спала в костном мозге? Или в остаточном веществе, что закаменела где-то в позвоночнике? Или, может быть, в не догнившем ребре? Где прятались остатки его личности, интеллекта, памяти сто семьдесят пять лет, которые он не жил? Скажи мне, ты, без пяти минут доктор? Как возможно воскреснуть тому, чего нет?

Катрин молчала.

— Люди, вы такие смешные. Нет, ну правда? Смотрите на мир и ухитряетесь его не видеть. С такой легкостью подгоняете любые факты под свои теории...

— Ты пришла в два часа ночи чтобы обсудить существование души?

— Тебя это удивляет? Да! Меня интересует существование души. Что тут такого? И меня удивляет, почему никого другого это не интересует? Но пришла я не потому. Мне нужна твоя помощь.

Взгляды женщин скрестились и Катрин с трудом себя контролировала, чтобы не сжиматься и не горбиться. Она боялась эту женщину. И люто ненавидела. Альберт принадлежал Синтии много лет. Принадлежал ещё тогда, когда самой Катрин даже и духа на свете не было.

И — кто знает? — может быть, будет принадлежать столетия после того, как Катрин уже не станет.

— Чем я могу помочь тебе? — откликнулась Катрин.

Синтия отвернулась и несколько мгновений молча смотрела в окно.

Там было темно. Просто темно — ни огней, ни светящихся окон, ни автомобильных фар. Будто мир в чернила окунули.

— Помоги мне заставить его жить, — сказала она тусклым голосом.

— Что, прости?..

Светлые волосы оплетали Синтию словно белое пламя. При взгляде на неё в памяти воскресал образ Медузы-Горгоны. Вроде бы прекрасное лицо, волосы, как лунный свет, но взглянешь — и каменеешь.

— Я столько лет пыталась всё исправить, — шептала она как безумная. — Я всегда считала, что ключ к тому, чтобы повернуть эту гигантскую машину в обратном направлении чтобы, начать всё сначала — это Альберт. Я и сейчас так считаю. Но, как в дурном романе, чтобы я не делала — всё упирается в исходную точку. Сейчас мы почти там же, где закончили в прошлый раз. И я снова рискую его потерять, только на этот раз навсегда.

Катрин понимала, что Синтия словно грезит наяву. Она говорит сейчас не с ней, а сама с собой. О Катрин Синтия будто бы и забыла.

— Ты нужна мне, чтобы заставить Альберта жить. Ради меня он этого не сделает. А ради тебя — быть может.

— Я не...

— Понимаешь?.. — зло засмеялась Синтия. — Да мне и не нужно, чтобы ты что-то понимала. Просто сделай то, что должна.

— И что же, по-твоему, я должна?

— Заставь его жениться на тебе и роди ему сына.

— У меня для вас новость, госпожа Элленджайт, — с сарказмом протянула Катрин. — Я ничего не должна ни лично вам, ни Альберту — точка! Скажу больше — с моей стороны вся эта сцена выглядит дико и странно. Всё в наших отношениях на троих дико, странно и противостоестественно, от начала и до конца. С той ночи в склепе Хрустального дома, когда я впервые нашла Альберта и оживила его...

— Ты оживила? — хохотнула, перебивая, Синтия. — Вся соль в том, что это я сотню лет трудилась над этим проектом. Я вернула Альберта из мертвых, воссоздав заново его тело и призвав душу. А ты была лишь случайной, малозначащей жертвой. Но всё пошло не по плану. Ты стала ключом к аккумулятору. Без тебя машина не двигается. И мне приходится с этим мериться.

После этих слов повисла долгая, напряжённая пауза.

— Говоришь, всё дико и противостоестественно? — протянула Синтия. — Но иначе быть и не могло. Противостоестественным всё это стало от самого истока нашего рода. Мы — нефелимы, и всё у нас не как у людей.

— Кто мы? — не сдержавшись, рассмеялась Катрин.

— Нефелимы. Потомки людей и ангелов.

— Я знаю, кто такие нефелимы. Но про нас — ты ведь это не всерьёз?

— Более чем.

— Но согласно Библии, до наших дней ни одна тварь не дожила — почти все погибли во время Потопа. Если, конечно, вообще когда-то существовали в природе. Почему же мы, в таком случае, выжили?

— Потому что нашим прародителем стал сам архангел Люцифер.

— Неужели? Аж тот самый?

— Ага. Тот самый, единственный и неповторимый. Сын утренней звезды, осмелившийся восстать против бога. Вместе с его кровью в нас течёт его сила и его проклятие. Мы, Элленджайты, можем практически всё. В мире нет людей красивей, богаче, умнее, способней нас. Даже смерть отступает, если мы по-настоящему этого хотим.

— Тебе не страшно пороть подобную чушь? Не боишься ни бога, ни дьявола?

— Ну, вообще-то дьявола я видела вот так, как вижу тебя сейчас перед собой. На самом деле он не страшнее Альберта или Рэя. А что касается Бога? Хм-м? Тут куда страшнее усомниться в его существовании. Мир без бога выглядит бессмысленным, как песня на «ля-ля» — мелодия без слов.

— Ты веришь в бога? — удивлённо протянула Катрин.

— У меня не хватает храбрости в него не верить. Всегда восхищалась мужеством атеистов. Зачем жить, если веришь, что в итоге от тебя ничего не останется, кроме мерзко воняющей падали, из которой вылупляются черви?

— А как же память? Как же дети? — возразила Катрин.

— Ты когда-нибудь хоронила близких людей? Знаешь, как долго помнят умерших? Я много похорон пережила. Скажу тебе по собственному опыту: с глаз долой — из сердца вон. Нет никакой памяти. А если нет бога, рая и ада, то нет смысла и в нашей жизни. Никогда не понимала, как можно жить без веры в бессмертие души.

— А я не могу понять, как можно верить в то, чему так и не нашлось ни одного доказательства.

— Разве моё существование, существование Альберта, мои способности и силы ты доказательством считать отказываешься?

— Я никогда по-настоящему не думала о столь отвлечённых материях.

Скрестила Катрин руки на груди, с вызовом глядя на соперницу:

— А ты действительно считаешь себя пра-пра-правнучкой Люцифера? — насмешливо протянула Катрин.

— А ты действительно считаешь, что нет ничего особенного в том, чтобы родиться в эпоху кринолинов и дожить до твоих дней, да ещё остаться твоей ровесницей?

— Возможно, это наука. В конце концов, у Элленджайтов столько денег, что им по плечу самые перспективные открытия. Мне проще поверить в научный прогресс, чем в силу заклинаний.

— Как не называй вещи, суть-то их от этого не меняется. Мы, Элленджайты, не люди. Никогда ими не были и не будем, потому что наполовину принадлежим другим силам и мирам. Ты упрямо пытаешься закрыть на это глаза, сунуть голову в песок, словно страус. Игнорируешь факты.

— Какие факты?

— Ты одна из нас, Катрин, нравится тебе это или нет. Ты последний прямой представитель. И тебе придётся принять наследство во всём его величии — и в блеске, и в проклятии. А одной из частей нашего наследства являются близкородственные браки. От этого тебе не уйти. Ты не сможешь сбежать от Альберта — это твоя судьба. Ты ведь уже успела полюбить его, не так ли? Так что дать новому ростку на нашем древе тебе не будет трудно.

— Любовь — это свет и радость. А я не чувствую себя рядом Альбертом счастливой.

— Ты не будешь чувствовать себя счастливой ни с ним, ни без него. Падшим, детям Тьмы, любовь слепит глаза, жжёт душу. Большинство Элленджайтов раньше понимали своей сути. Не знали, откуда происходили наши метания, боль, странное поведение. Мне удалось докопаться до сути. Всё встало на свои места. Но цена, что пришлось заплатить, оказалась невероятно высокой. Я потеряла всех, кого любила.

— Ты собственноручное сожгла свою семью, а теперь смеешь стоять тут и плакаться?

— Бог мой! Я же не сумасшедшая? Зачем, по-твоему, я бы стала уничтожать

собственный род?

— Разве не ты виновата в том, что случилось с ними? В том пожаре?

— Я не знала, на что подписываюсь. Не понимала, на что иду. Сделка с дьяволом имеет свои минусы (и, по секрету, они огромны). Мне не сказали, что случится. Поэтому я, в итоге, потеряла больше, чем приобрела. И самая большая моя мечта с того страшного дня, когда я единственная выжила в том адском пожаре, была — всё исправить. Увидеть Элленджайтов в былой славе. Я хочу, чтобы наш род возродился. И только ты можешь мне в этом помочь.

— Почему бы тебе самой не заняться этим? — саркастично фыркнула Катрин.

Синтия смирив её долгим взглядом:

— Потому что у меня не может быть детей.

Катрин не знала, что на это ответить. Выражать ложного сочувствия не хотелось.

— Что ты хочешь, чтобы я сейчас сделала? Если предложишь поехать с тобой — даже и не надейся. Я этого не сделаю. Прошлого раза мне вполне хватило.

— Для того, чтобы расправиться с тобой, мне вовсе не обязательно куда-то тебя вести. Достаточно сделать так, — Синтия взмахнула рукой и горло Катрин словно сдавил невидимым обручем.

Словно вытащенная из воды рыба Катрин хватала ртом воздух, а он не вливался в лёгкие. Его словно не было, как если бы вокруг образовался вакуум.

Несколько ужасных секунд она задыхалась, а потом невидимая удавка расплелась и всё стало, как обычно.

— Теперь ты знаешь, что испытывают люди при приступе астмы, — засмеялась Синтия.

— Ах ты гадина, — сдавлено прорычала Катрин, держась рукой за горло.

— Мне понятна суть твоего возмущения. Ты можешь мне не верить, но на самом деле я очень добра к тебе. Это лишь показательное выступление. Просто хочу, чтобы ты усвоила простейший урок — я могла бы убить тебя в любой момент незаметно для всех. Ты и сама бы не догадалась, что это моих рук дело. Никто, кроме одного единственного человека ничего бы не понял.

— Никто, кроме Альберта? — подняла на неё глаза Катрин.

— Весьма существенное для меня «кроме». На самом деле только он один имеет значение.

— И для меня — тоже, — с вызовом вскинула подбородок Катрин. — Зачем ты пришла? Торжествовать? Разнюхивать? Издеваться? С какой целью демонстрируешь свои возможности?

Кем бы ты не была, пойми, мне всё равно. Мне безразличны твои устремления, твои интересы, твои страдания — ты сама. Пережила ли ты столетия, встречалась ли с Люцифером или нет — для меня нет разницы. Единственное, что имеет значение, так это то, что ты стоишь между мной и Альбертом. И между мной и тобой не может быть ни примирения, ни понимания. Ты веками отравляла его душу и планируешь заняться этим дальше? В том, что случилось с ним в прошлом твоя, и только твоя вина, целиком и полностью. Оставь его в покое хоть теперь, слышишь?

— Слышу, — с леденящим спокойствием отозвалась Синтия. — Я понимаю тебя. Гораздо лучше, чем ты меня. Или Альберта. Маленькая глупая девочка в мире больших, злых монстров. Бедняжка! Ты, как и все хорошие девочки, должно быть, веришь, что рано или поздно добро всегда побеждает зло? И, поскольку добро это ты, а зло — это я, мой конец, наверное, в твоих глазах уже предрешён?

В чём-то ты, безусловно, права. Но совсем не так, как тебе представляется. Добро не может победить зло, иначе последнее давно бы скончалось в судорогах. Только глупцы представляются себя Дон-Кихотами. На мой взгляд Дон-Кихот и есть дурак, причём самого скучного пошиба — глупец и зануда.

Истинное добро никогда не сражается со злом — оно просто старается с ним не пересекаться. Белые крылья, знаешь ли, так быстро пылятся? А в христианском догмате о непротивлении злу насилием куда больше истины, чем ты способна вообразить. Кто пойдёт убивать дракона рано или поздно сам станет драконом. Тут уж ничего не поделать.

Зло никогда не бывает наказано добром. Зло всегда наказывается ещё большим злом. Так чернота гасит любой свет, а пустоту невозможно заполнить — рано или поздно растворись в ней.

Хочешь оставаться белой и пушистой? Не связывайся со мной, девочка. Благослови бога, в которого ты не веришь, что у меня есть свои причины быть к тебе благосклонной.

— Ты...

— Просто закрой рот, одень пальто и иди за мной.

— Куда?

— Туда, откуда всё началось и рано или поздно закончится — в Хрустальный дом.

— Зачем?

— Тебе обязательно задавать вопросы? — раздражённо сверкнула на неё глазами Синтия. — Альберт ждёт тебя там. У него были неприятности, и я отвезла его в дом, который мы оба считает нашим. Так ты идёшь или нет?

Катрин не верила ей. Она не собиралась идти за Синтией. Она ненавидела госпожу Элленджай всем изболевшимся сердцем, не соглашалась в душе ни с одним сказанным ею словом.

Как же объяснить тот факт, что пошла за ней — покорно, не сопротивляясь?

«Пустоту невозможно заполнить. Рано или поздно растворись в ней», — звучали в её голове отзвук сказанных слов.

А ощущение, что плотная липкая паутина оплетает всё туже, всё сильнее становилось всё явственнее.

За окном роем искрящихся фонарей летела ночь. А в голове с той же скоростью летели мысли.

Синтия отлично водила машину. Наверное, она и в самом деле ведьма, продавшая душу дьяволу?

Существует легенды о том, что иногда человек переходит тонкую грань сам того не замечая, и оказывается в параллельном мире, где всё иначе.

Может быть Катрин умерла, и не заметила этого? А Ирис, тётя и обманчиво-знакомая реальность только декорации?

В какой миг мир сошёл с ума? Тогда ли, когда она вошла в фамильный склеп Элленджайтов? Когда вслед за Линдой вошла в Кристалл-холл? Может быть, когда петляли в ночи в поисках дороги? Или гораздо раньше, когда она бежала по тонкой тропинке университета перед встречей с Линдой?

А может быть, с ума сошёл вовсе не мир — с ума сошла она?

На стекле отражался её профиль, как в зеркале — единственное светлое пятно в беспроглядности ночи.

«Рано или поздно пустота поглотит тебя».

Как противостоять этому? Возможно ли? Когда тебя несёт стихийный потоком имеет ли смысл предпринимать усилия удерживаясь на плаву? Не безболезненной ли сразу пойти ко дну?

— Не грусти, — насмешливо протянула Синтия. — Всё кончится хорошо.

Катрин не ответила.

Синтия умело маневрировала на тёмной, не освещённой фонарями дороги. Должно быть видела в темноте, как кошка. Совершенно непостижимо, что они ни разу не увязли в каше из жижи и снега, не скользили на тонкой наледи. Будто ночь, как и пространство, подчинялись госпоже Элленджайт так же охотно, как и окружающие её люди.

У Катрин было множество вопросов: зачем тащить её в Кристалл-Холл? Почему было сразу не привезли Альберта домой?

Но слова будто приклеились, приморозили к губам. Наверное, Синтия и впрямь ведьма? Иначе как объяснить всё происходящее? Её безропотную покорность, проистекающую из безнадёжности и неверия в собственные силы.

Странные мысли роились в голове Катрин, пока они петляли в заброшенном парке, окольцевавшем Хрустальный дом.

Если Синтия и Альберт и вправду посланники тёмных сил, должна ли она бороться с ними? Или лучше сдаться и покорно плыть по течению? Если Катрин тоже потомок Люцифера (нет, она, конечно же, не верила в этот бред, но...) то — проклята ли она?

В городе снег осел, был серым и грязным. Но за городом небольшой морозец позволял ему искриться. Всё вокруг было белым — снег, дом, окружающие Кристалл-Холл колонны и ротонды.

Синтия подъехала почти к самой лестнице, опускающейся с верхних террас как два крыла.

— Осторожней. Тут скользко. На ступенях лёд, — предупредила Синтия.

Катрин ожидала, что в доме будет темно и холодно, но радиаторы сделали своё дело — живительное тепло обняло их сразу, стоило только перешагнуть порог.

Как всегда, большие открытые пространства подавляли Катрин. И даже обилие света, сверкающего в каждой зале, не могли развеять тягостного впечатления.

Им навстречу вышел Альберт. При виде Катрин лицо его приняло удивлённое, не слишком довольное выражение.

— Что ты здесь делаешь?

Голос прозвучал далеко от ободряющих дружелюбных интонаций.

— Плохо представляю. Но на моём приезде настаивала твоя драгоценная сестрица. Она бывает настойчива. Ей сложно отказать.

Синтия рассмеялась.

— Верное наблюдения. Ладно, не дуйся, братец. А то одна из нас подумает, что ты ей не рад.

— Зачем ты притащила сюда Катрин? — повысил голос Альберт.

— Затем, глупый, что мы теперь одна семья. А что может быть естественней для семьи, чем держаться вместе? Теперь, когда Катрин видит и тебя, и меня, ей не придётся в своём воображении дорисовывать пикантные сцены. Она точно знает, что происходит. К тому же, нам следует обсудить кое-какие дела.

— Похоже, ты всё решила за всех и сопротивление бесполезно. Нам остаётся принять неизбежное.

— Тогда предлагаю присесть. Общаться стоя не очень комфортно.

Катрин хотелось уйти из круглого зала со сверкающими, похожими на колбы льда в царстве Снежной Королевы, залы. Всё в нём было ирреальным, неестественным, словно ты находишься не на земле, а где-то в другом измерении. Может быть, когда дом полон людей, это интересно и завораживающе, но в такой пустоте ей было жутко.

— А что ты делаешь здесь? — шёпотом обратилась она к Альберту. — Ты не говорил, что поедешь к сестре.

— Я к ней и собирался. Откровенно говоря, госпожа Элленджайт воспользовалась ситуацией и тем, что я был не в состоянии оказывать сопротивление чтобы притащить меня суда.

— Это правда, — подтвердила Синтия. — Альберт впал в своё любимое коматозное состояние спящей красавицы. Так что тебе не в чем его упрекнуть, — она выдержала паузу и добавила с многозначительной улыбкой. — Пока. Ну, садитесь, голубки. Нам следует кое-что обсудить. Ведь как ни крути, братец, а спор Рэю ты продул.

— Что ещё за спор? — Катрин встревоженно переводила взгляд с Альберта на Синтию.

Альберт нервно дёрнул головой:

— Я тебе позже всё расскажу. А что касемо моего проигрыша — я в нём не уверен. Как и в выигрыше. Мне кажется, мы сыграли вничью.

— Так или иначе, если хочешь жить в Эллиндже спокойно, не лезь к Рэю.

— С радостью. При условии, что он не будет трогать моих людей. Справедливости ради признай — не я это начал.

Синтия кивнула:

— Я решу проблемы с Рэем.

— Рад, что у тебя есть на него узда, — процедил сквозь зубы Альберт. — Если она, конечно, действительно есть. Уверена, что сумеешь справиться с этой проблемой.

— Уверена, братец. Я заставлю его уехать отсюда. На какое-то время, но — заставлю.

— Каким же образом? — поинтересовался Альберт.

— Это мои проблемы — каким. Я сделаю больше того — я сама уеду из Эллинджа.

Катрин явно заинтересовалась предложением Синтии.

— Как только вы сыграете свадьбу, я соберу вещички и уберусь отсюда, подарив город вам. Считайте этот жест доброй воли моим свадебным подарком. К тому же никто не станет отрицать — чем дальше я уберусь отсюда, тем крепче будет ваш союз.

Катрин внимательно наблюдала за Альбертом, стараясь делать это не слишком открыто.

Лицо его выглядело сумрачным и, одновременно, задумчивым. Что-либо ещё прочесть в нём Катрин так и не удалось.

— И что за это ты хочешь получить, Синти? — спросил Альберт.

— Думаешь, у меня есть непременно условие?

— Конечно. А как иначе. Ты не склонна к бескорыстным поступкам.

— Увы. Но ведь это несправедливо? Я столько лет старалась, а все лавры достаются другой.

Альберт промолчал, буравя Синтию взглядом.

— Ну, раз ты так решил, пусть так и будет. Не стану спорить и мешать вашему счастью. Но ты прав, условия у меня всё-таки есть.

— Так и знал. Какое?

— Ты поможешь мне вернуть Ральфа.

ГЛАВА 12. Линда. Серая стрела.

После случившегося Линда не находила себе места. Она надеялась, что пережитое отпустит, поблекнет, но ей лишь становилось хуже день ото дня. Она не могла смириться с тем, что узнала о гибели родителей. Ещё меньше — с тем унижением через насилие, которое пришлось пройти по вине Кинга.

Злость не было возможности выплеснуть. Спрессованная, концентрированная, она разъедала душу изнутри, словно кислота.

Всё вокруг раздражало. Бесил Альберт, работа, жених. Бесила даже любимая младшая сестра, потому что была не в курсе случившегося и, ни о чём не подозревая, в самом весёлом настроении продолжала наслаждаться жизнью.

Линда изо всех сил пыталась справиться с собой, но у неё не получилось.

Как утопающий, она старалась выплыть, но силы были на исходе и отчаяние вот-вот, точно вода, грозило поглотить с головой.

Линда не могла забыть о случившемся. Не могла смириться с тем, что убийца её родителей, тот, кто в добавок унизил и растоптал её, остаётся безнаказанным. Живёт, здравствует и процветает.

Так впервые родилась мысль о мести. Линда готова была на всё, что угодно, лишь бы отомстить за случившиеся. Мысль о возмездии не оставляла её ни днём, ни ночью.

Наверное, иногда, когда мы думаем слишком громко, на изнанке мира кто-то невидимый, исполняющий желания, способен нас слышать.

По крайней мере, Линду слышали.

В ответ на её молитвы из прошлого возникло ещё одно лицо — Сирена Сангрэ.

Она пришла сама, как и полагается посланцам потусторонних сил, на закате. Похожая на нечто безжизненное и яркое: тёмные классический костюм-тройка, темные волосы до плеч, ярко-красная помада и бледная, как дорогой фарфор кожа. Южная, испанская кровь выдавала себя несмотря на общее впечатление сдержанности, сквозившей в каждой чёрточке внешнего облика, в каждом шовчике с виду простой, но явно дорогой одежды.

Женщина вошла не представляясь. Спокойно пересекла расстояние, разделяющее дверь от рабочего стола, за которым сидела Линда и, не спрашивая разрешения, ни говоря ни слова опустилась на стул, предназначенный для клиентов. Со спокойствием и уверенностью, словно встречаться вот так было для них обычным делом, она непринуждённо поздоровалась:

— Добрый вечер, Линда. Я — Сирена Сангрэ. В прошлом когда-то я хорошо знала твою семью.

— Я помню, — холодно кивнула Линда.

Скрестив руки на груди, она пристально, с головы до ног, окинула незвано-нежданную визитёршу взглядом.

— Когда-то мой отец работа на вашего, и я долгие годы считала его виновником своего сиротства.

Синера удовлетворённо кивнула, явно довольная тем, что долго представляться не придётся.

— Значит, ты уже в курсе того, кто на самом деле...

— Да, — перебила её Линда. — Я знаю, что это сделал Кинг.

— Тем лучше, — несколько раздражённая столь нелюбезным приёмом проговорила

Сирена, откидываясь на спинку стула и небрежным движением забрасывая ногу на ногу. Жест, обычно привлекающий мужчин, но бесполезный в женском приватной беседе.

— Я надеюсь, ты в курсе, скольким мне обязана?

— Нет. Но могу догадаться. По всей видимости вы намекаете на то, что именно вашей протекции я обязана тем, что теперь имею — работу, дом и всё остальное. Вы ждёте от меня благодарности? Что сказать? Спасибо.

— Спасибо? — как кошка фыркнула Сирена. — Это слишком просто. Я хотела бы получить нечто более весомое.

— Что же?

— Думаю то же самое, что и ты — голову Рэя Кинга.

Линда замолчала, выжидающе глядя на гостью. Та прятала глаза за зеркальными очками. Видимо, было что прятать. Но доверия к ней это не внушало.

— Вы хотите голову Рэя Кинга. Чудесно! — наконец разжала губы Линда. — В этом городе он весьма желанная персона, не по одной, так по другой причине. Я хочу его смерти, его сестра-жена жаждет его гибели, вы желаете ему того же. Но что с того? Ему вся наша ненависть с гуся вода. А вот то, что становиться ему поперёк дороги опасно я успела усвоить.

— Вы боитесь?

— Да, если хотите. Я ненавижу его меньше, чем хочу жить.

Сирена наконец сняла очки. Без них она выглядела моложе, но и надменнее — тоже. Теперь во взгляде высокомерной испанки читался неподдельный интерес.

— Ты умнее, чем я думала. Но это к лучшему.

— К лучшему для кого? — с сарказмом поинтересовалась Линда, по-прежнему держа руки скрещенными на груди.

Она не видела повода проявлять к собеседнице больше уважения, чем та готова была выказать ей.

— С умными людьми всегда приятней иметь дело.

— Рэй Кинг далеко не дурак, но вряд ли кому-то приятно с ним общаться. Хотя не берусь судить. Наше общение с ним было весьма... специфичным. Но какая кошка пробежала между тобой и ним? Вы же вроде были с ним заодно?

Сирена слегка сощурила большие и выразительные глаза.

— Кошек было много. Заодно с Кингом мы были очень давно. Я его самый непримиримый враг.

— Женская ревность? — дёрнула бровью Линда.

— Рэй Кинг заставил меня страдать, вывернув мою душу наизнанку. Он отнял у меня веру, надежду и любовь — всё то, на чём держится человеческая душа в этом грешном мире. Я, в отличие от тебя, ничего не боюсь. Я готова пойти хоть в самый Ад, лишь бы уволочить его за собой. Я преследовала его столько лет словно гончая. И моя добыча уже близка. Хочешь разделить со мной смерть Рэя Кинга, Линда Филт?

Линда прикусила губу, пытаясь удержать готовые сорваться с языка язвительные замечания.

— Я верю, что у вас есть причины ненавидеть Кинга, Сирена. У вас наверняка есть информация, по какой причине я его тоже, мягко говоря, недолюбливаю. Мы сэкономим время друг друга, если будем друг с другом откровенны. Согласны со мной?

— Вполне.

— Итак — что вы хотите, чтобы я сделала?

Сирена несколько коротких, но кажущихся бесконечными секунд, буквально сверлила Линду взглядом.

— Я хочу его отравить.

Линда вопросительно приподняла брови:

— Разве я не упоминала, что я не стану рисковать жизнью?

— А кто говорил, что это сделаешь ты? Нет! Я сделаю всё сама. Ты будет просто стоять рядом.

Линда нахмурилась. Она перестала что-либо понимать.

— Всё, что потребуется от тебя — спровоцировать его. Выманить зверя из логова и привести его ко мне.

— Как я это сделаю?

— Узнаешь, когда придёт время.

Линда вопросительно глядела на Сирену, размышляя про себя о том, что безумие заразительно. Иначе как объяснить всё, что происходит в последние дни.

— Я ни играю вслепую. Не вступаю в игру, в которой не понимаю правил.

— Что ты хочешь понять? — вскинула подбородок Сирена.

— Каким образом вы намерены отравить такую живучую тварь, как Кинг?

— Вижу, ты уже уверовала в его бессмертие? Но на самом деле бессмертных нет. Любой удар можно контратаковать, на любой вопрос есть ответ. И если жизнь однажды началась, найдётся способ её отнять.

— И ты нашла его? Этот способ?

— Не я. Синтия Элленджайт.

Линда недоверчиво уставилась на собеседницу.

— Синтия Элленджайт хочет смерти Рэя Кинга?

— Видимо, он слишком много знает, и она не против его слить. Вчера он был тем орудием, с помощью которого она уничтожала других. Я стану тем кинжалом, что вырежет его из этой реальности с корнем.

— Ты доверяешь этой лернейской гидре? — с сомнением протянула Линда.

— Да. Когда доходит до способов устранения кого-то неудобных равных госпоже из Хрустального Дома нет. Она знает своё дело. Так ты со мной или нет?

Линда закусил губу:

— Зачем я тебе?

— Я считаю это справедливым. Твой отец любит Рэя, как брата. А тот убил его. Я хочу, чтобы перед смертью он видел твоё лицо.

— Ты не думаешь, что это глупо?

— Нет. Я знаю его. И знаю, куда бить. Я не промахнусь. На этот раз ни за что не промахнусь. Так ты со мной?

Линда хотела сказать «нет», но губы словно замороженные уже успели вымолвить «да». Словно кто-то заранее продумал эту реплику и вложил в её уста.

Сирена улыбнулась довольно. Решение Линды не стало для неё неожиданностью.

— Хорошо. Раз ты в деле, тебе придётся кое-что сделать для меня.

— Почему я не удивлена? — с горечью проговорила Линда.

— Потому что это логично. За всё нужно платить. Не бойся, я не потребую от тебя много.

Сирена, щёлкнув клатчем, зажала в тонких пальцах узкую серебристую, как змейка, флэшку.

— Согласись, расправиться со зверем лучше на своей территории? — с усмешкой проговорила Сирена. — Здесь вирус. Достаточно лишь одного контакта, чтобы вся налаженная система полетела к чёрту. Всё, что тебе нужно — нанести визит Ливиану.

— Ливиану?! Нет!

— Да. Линда! Ради цели всегда приходится чем-то жертвовать. Всё, что тебе требует всего лишь вставить флэшку в ноутбук Ливиана. Пароль — Король и Ангел. И дело будет сделано.

— Тебе легко говорить! Не тебя могут застукать и прикончить на месте.

— Ливиан тебя не тронет при любом раскладе. Не бойся. А когда весть дойдёт до Кинга, мы уже будем вместе.

— Почему я должна тебе верить? Где гарантия того, что ты не кинешь меня в решающий момент? Я едва тебя знаю.

— У меня приказ от Синтии — ты должна жить. Это для тебя достаточная гарантия? Как только выполнишь задание, позвонишь по этому телефону. В нём забит один единственный номер. Тебя сразу же заберут и спрячут. Так что ничего не бойся.

— А Мередит?..

— Мередит вне игры. Её никто не тронет. Но на всякий случай её будут охранять, не переживай.

Сирена вышла, стуча острыми каблуками по кафельному полу.

Линда в задумчивости вертела в пальцах флэшку.

Час назад она думала, что, получив возможность отомстить, получит надежду на покой для смятённой души.

Но то, что она чувствовала сейчас меньше всего походило на покой. Сомнения, смятение, страх и что-то тёмное, как прогоревший пепел.

Отступить было бы правильно. Гораздо правильнее, чем наступая себе на горло искать встречи с Ливианом, при одной мысли о котором Линду начинало мутить от отвращения. Ни факт, что к нему, а не к себе.

Отступить было бы правильнее, чем мстить.

Но Линда знала, что не отступит. Смерть родителей, боль от их утраты, как и самодовольное наглое красивое лицо Рэя не позволят отступить.

Рэй Кинг должен умереть. Потому что так правильнее.

Линда чувствовала себя так, будто ею двигала невидимая, но неумолимая рука — рука, которой невозможно сопротивляться.

Ещё не веря до конца в то, что сделает это, она уже обдумывала встречу с Ливианом... как его там: Сатфилдом? Бредли? Кингом?

Так много имён, интересно, каждому из них есть соответствующая маска? Хотя, впрочем, нет, не интересно. Ни сколько. Но встретиться с Ливианом придётся. Иначе до его ноутбука, имеющегося таинственную связь с ноутбуком Рэя, никак не добраться.

Даже думать о возможности подобной встречи было неприятно. Если бы это зависело от воли Линды, она никогда в жизни не желала бы видеть перед собой лица кого-либо из Кингов, будь они прокляты во веки веков.

Флэшка успела согреться в пальцах. Но это тепло отчего-то было неприятнее былой прохлады.

«Просто сделай то, что должна», — сказала она себе. — «Не думай и не рассуждай. Действуй».

Когда читаешь романы, всегда кажется, что люди, действующий в описываемых ситуациях, обладают какими-то особенными способностями — храбростью, умом, выдержкой. Вот так оно и случается. Пока взгляд старается выцепить из толпы нечто яркое, несущую угрозу, обычные люди, средних размеров, обычной внешности, не герои и не злодей, просто выполняют свою работу. Никаких особенных талантов — обыкновенное трудолюбие, упорство, ответственность. Как муравьи, вращают этот мир, заставляя его вращаться в жёстко заданном кем-то ритме.

Линда не чувствовала себя ни злодеем, ни героем. Просто серая единица, идущая по серому кафелю.

У стрелы, спущенной с тетивы, нет выбора. Так и летит она, разрезая пространство, пока не достигнет назначенного кем-то другим предела. Ни плохая, ни хорошая. Серая.

В этом мире всегда есть тот, кто владеет и тот, кем владеют. Линда понимала, что она во второй команде. Марионетка в чужих руках. Разница между ней и пляшущей в чужих руках куклой ничтожна мала. Она лишь в том, что Линда хотела того же, что и её кукловоды.

Да сгинет Рэй Кинг.

Зло должно быть наказано. Убийца, насильник, развратник, наркодилер и сутенер в одном флаконе. Душа, достойная Ада да сгинет в Аду.

У Линды не было никакого плана, когда она села за руль.

Он не появился и когда она завела мотор, не до конца осознавая, что делает и зачем, действуя, словно заведённая кукла. Машина, как всегда, мягко качнувшись, сдвинулась с места.

Сердце билось ровно. Линде даже не было страшно. Но тяжесть с каждой милей ощущалось всё сильнее, будто само пространство наливалось свинцом вместе с надвигающейся на город тучей.

Вычислить адрес Ливиана с теми техническими средствами, которыми Линда теперь располагала, было не проблема. Найти улицу, на которой он жил ещё проще. Но что делать дальше? У Линды не было даже мало — мальски приблизительного плана. «Быстро, на счёт три», — единственное, что приходило в голову.

Но в этой совершенно спонтанной операции был и плюс. Поскольку плана у неё не было, мотива, с точки зрения Ливиана, тоже быть не могло, то и просчитать ему её не представлялось возможным.

Да и кроме того, мужчины часто винят женщин в отсутствие логики. Вот на это и спишем.

Линда заглушила мотор и сделала глубокий вздох. Состояние её очень напоминало то, когда собираешься первый раз окунуться в ледяную воду. Описывать словами замаешься, зато знакомо всем.

Если бы потом Линду попросили описать двор, дома, людей, у неё вряд ли бы это получилось. Действительно превратилась в какую-то сюрреалистическую, не слишком интересную декорацию, в детали которой не было ни времени, ни желания вглядываться.

Сознание вернулось лишь к тому моменту, как Ливиан открыл дверь, и они оба с явным изумлением уставились друг на друга.

Молодой человек выглядел взъерошенным, словно со сна. Почему-то непривычно было видеть в длинном свободном халате, не распахивающимся лишь благодаря поясу, едва

стянутом на бёдрах. Хотя, будь он в трениках, было бы ещё непривычнее.

— Ты?.. — удивлённо протянул молодой человек.

А Линда с трудом удержалась, чтобы не развернуться и не удрать, как побитая собачонка. Все страхи, пережитые ею недавно, вернулись вновь и отчего-то казались даже страшнее, чем в тот момент, когда всё происходили.

Тёмное резкое лицо с пронзительными серыми глазами запечаталось в памяти словно кадр на фотоплёнке.

Линда опасалась, что Ливиан слышит, как колотится в волнении её сердце, испуганно и зло. Сердце ведь не дыхание, его не затаишь.

— Будешь держать меня на пороге? — прохладно поинтересовалась Линда.

Ливиан посторонился:

— Входи.

Печата шаг, скрывая за показной надменной самоуверенностью страх и растерянность, Линда вошла в квартиру.

— Гостей не ждал, так что извини, — пожал плечами Ливиан, перехватив брезгливый взгляд незваной гостьи, скользнувший по серым потёртым обоям, залежам бутылок под столом, пепельнице, полной засыпанных пеплом, окурков, развороченной постели с не первой свежестью простынями.

— Что тут сказать? Скучноват пейзажик, — поделилась наблюдением Линда, стараясь скрыть охватившее её облегчение и радость — искомый ноутбук стоял прямо на столе. И (о, удача!) был включен.

Сирена ничего не говорила ни о каких программах. Её инструкции были простыми и чёткими — просто заразить вредоносной программой ноутбук Ливиана. Если что-то не работает, это уже будет не её вина.

— Сказать, что я удивлён твоим визитом — ничего не сказать. Что тебе нужно, Линда? — голос Ливиана был столь же сдержан и прохладен, как и голос Линды.

Линда словно со стороны, не без удивления услышала собственный голос, произносящий странные реплики, как актриса в театре.

— Я хочу, чтобы ты оставил мою сестру в покое.

Удивление на лице Ливиана не стало для Линды откровением. Именно так и должен выглядеть ошарашенный человек, когда на него, словно ведро с водой, выливают совершенный бред.

— Я — сделал что?

— Не смей даже приближаться к Мередит! Я этого не потерплю!

На самом деле Линда говорила первое, что придёт в голову. Ну не могла же она просто стоять и моргать? Внезапность возмущения, как и повод, по которому оно случилось, не могли не ошарашивать.

Ливин, к тому же, был не совсем трезв (Линда пришла к выводу, что совсем трезвыми Кинги никогда не бывают). Ему явно с трудом удавалось соображать. Особенно — по притяннутому за уши обвинению.

— Я, откровенно говоря, не понимаю, о чём ты?

— Будешь утверждать, что не пристаёшь к моей сестре?!

— Что за ерунду ты сейчас несёшь?

Линда прекрасно знала, что несёт чушь. Но отступать не собиралась. Ей просто нельзя было этого делать!

— Я даже не буду говорить о том, что у тебя нет совести — ты и так прекрасно знаешь это. Оставь в покое мою сестру и найди себе другое развлечение. У тебя нет прав играть её чувствами.

— Не знаю, что она тебе наговорила, но, уверяю тебя, кроме пары ничего не значащих поцелуев, у нас ничего с ней не было и быть не могло.

Линда замерла, глядя на Ливиана дикими глазами. Она думала устроить сюрприз ему?..

— Что ты сейчас сказал?.. — выдохнула она.

Линда всегда была сдержанной. Она была просто воплощенная сдержанность. Но в этот момент её накрыло такой волной ярости, на какую она просто не считала себя способной. Нет, до бабского визга она не опустилась — бросилась на Ливиана молча. Правда, совершенно по-бабски. В бокс она не ходила, чёрного пояса по каратэ не имела — по-иному попросту не умела. Если бы её спросили, она бы затруднилась с ответом, что пыталась сделать — выцарапать глаза, удушить, просто навешать тумачков.

Но порыв её, дикий и неукротимый, разбился в одно мгновение, как взметнувшаяся волна о волнорез.

Блокировав удар, Ливиан впечатал её в стену, сжимая рукой горло, а второй замахнувшись для удара.

Он ударил. Коротко, резко и быстро, как кобра. Слава богу, не по лицу, я рядом, в стену, оставляя на обоях вмятину и неприятный, ржаво-алый след от сбитых в кровь фаланг пальцев.

Из глубины глаз на Линду глянуло дикое, разъярённое, готовое вот-вот вырваться из преисподней, чудовище. Но тут же ушло, будто кто-то из бездны резко натянув поводок, вновь посадил его на место.

— Ты! Чёртово отродье! Хочешь поиметь нас обеих?

— А кто бы отказался? — зло засмеялся Ливиан. — Уймись, дура. Мне нравится твоя сестра. Хорошая девочка. Она нравится мне настолько, что я ввязался в папочкину авантюру, умыкнув тебя у его парней. И судя по всему, зря. Если бы просто стоял в стороне, у тебя не было бы повода меня ненавидеть. Так?

— Я скорее трупом лягу, чем дам тебе приблизиться к моей сестре!

— Ну, твой труп — это вовсе не проблема. Ты — вообще не проблема. Просто мы в разной весовой категории. На твоё счастье, я предпочитаю не марать руки и всякую мелочь, копошащуюся под ногами. Но будешь копошиться слишком сильно, раздражая, раздавим, не моргнув глазом.

Рука Ливиана чуть ощутимей сжалась шее Линды. Не причиняя боли или серьёзного неудобства. Его лицо было так близко, что её мутило от ненависти. Если бы только можно было до него дотянуться! Если бы только можно было унижить так же, как унижают её!

— Мой отец достаточно ярко продемонстрировал на что мы способны, обозначив намечающиеся для тебя перспективы. Не могу понять, почему ты предпочла это проигнорировать.

— Потому что трудно проигнорировать способ, которым это было сделано. Трудно просто перелистнуть страницу, на которой он разбил мою жизнь, когда убил моих родителей. А ведь мой отец был его другом, работал на него, доверял ему! А Кинг просто смахнул его из этой жизни — и забыл об этом, как о чём-то незначительном! Расскажи, какого это быть вами? Такими надменными, самоуверенными, неуязвимыми ублюдками? Какого это — ни во что не ставить ни свою, ни чужую жизнь? После того, что сделал, как ты

спокойно смотришь мне в глаза? Да ещё смеешь говорить о моей сестре?

Ливиан усмехнулся. Уголки губ язвительно изогнулись:

— Вообще-то, ты кое-что путаешь. Я не смел говорить о твоей сестре — это ты заговорила о Мередит. И что помешает мне честно смотреть в глаза тебе? С моей точки зрения я спас тебе жизнь.

— Ты ещё скажи, что рисковал жизнь и честью!

— Нет. Но мои нервы и спокойствия для меня тоже немало значат. А ты разрушаешь и то, и другое. Вот какого чёрта, очень хотелось бы мне знать?

— Я тебя ненавижу!

— Да сколько угодно. Но не могла бы ты этим развлекаться где-нибудь в другом месте?

Тем более, что это, кажется, тебе не особенно-то и нравится?

Ничего другого Линда так сильно и не хотела. Прочь отсюда — как можно дальше, без оглядки.

Но сначала нужно сделать то, из-за чего она всё это затеяла.

— Ты прав. Мне здесь не нравится. Мне не нравишься ты и вся твой сумасшедшая семья. Я даже не знаю, зачем пришла сюда? У меня нет на это видимой причины. Но с того самого дня, когда всё случилось, я словно больна и нигде не нахожу себе места. Мне кажется, что грязь всюду, везде — снаружи и внутри. Откровенно говоря, разговор о Мередит был уловкой.

Неприятная ухмылка сошла с лица Ливиана. Он слушал внимательно. Можно было даже подумать — сочувственно.

«Вот так он и начинается, — гневно подумала Линда (причём на этот раз гневалась она скорее всего на себя) — Стокгольмский синдром. Начинаешь с того, что проникаешься чем-то вроде жалости к своему мучителю, пытаешься понять его скрытые мотивы. Ну уж нет!», — пообещала она себя. — «Со мной этого не случится. Я себе этого не позволю».

— Твоё признание стало очередным ударом. Значит, Мередит влюблена в тебя?

— Об этом не у меня нужно спрашивать. Я могу отвечать только за свои чувства.

— И каковы же они? Твои чувства?

— Послушай, Линда, нет никаких чувств. Вы просто девочки из прошлого. Ни одна из вас меня по-настоящему не интересует.

— Тогда почему ты так часто об этом говоришь? — гневно обернулась к нему Линда.

— Чёрт! Да потому что ты меня об этом спрашиваешь. Чего ты от меня хочешь? Какого чёрта припёрлась и действуешь мне на нервы, испытывая моё и без того далекое от модной толерантности, терпение?

— Я хочу, чтобы ты раскаялся в том, что сделал.

— Я раскаиваюсь, что не дал другим тебя изнасиловать. Раскаиваюсь в том, что довёл тебя до оргазма, похоже, первого в твой серой, скучной, как средне-статический офис, жизни. Раскаиваюсь и приношу извинения. Довольна? А теперь не могла бы ты убраться вон? Мне с тобой неинтересно. И повторять уже пройденное я отнюдь не планирую.

Что оставалось делать? Уйти ни с чем Линда себе позволить не могла. Поэтому пришлось сделать то, что обычно делать она не любила — притворилась, что ей дурно.

Расчёт оказался верным, Ливиан был вынужден не бросить даму в беде. Со скупающим выражением на лице, за которым едва таилась плохо сдерживаемая ярость, он помог ей опуститься в кресло, ослабил ворот и поплёлся на кухню за стаканом воды.

Линда не медлила не секунды. Мгновенно вставила флэшку в USB-портал. Экра

вспыхнул неоновым светом. Хвала небесам, никаких паролей система не затребовала. Лишь продемонстрировала Линде какую-то трэшовую эротическую картину во весь экран. Сильно нервничая и не желая быть застигнутой на месте преступления, Линда выдернула флэшку из ноута и чтобы не обращать внимание на то, что он в активной фазе, просто опустила крышку.

Дождаться появления Ливиана она не стала. Решительно направилась к входной двери.
— Тебе уже лучше?

— Да. Неожиданно полегчало. От всего сердца надеюсь больше никогда в жизни не видеть твоей пакостной смазливой физиономии.

Линда не верила, что всё могло вот так просто закончиться. Слишком легко. Так не бывает.

Откровенно говоря, только когда она завершила взятую на себя миссию и поняла, что дороги назад больше нет — вот тогда ей и стало по-настоящему страшно.

Она пыталась не слишком вразумительно утешить себя тем, что очень может случиться, ничего и не получиться. Никакой вирусной атакой банковскую систему заразить невозможно. Но проблема была в том, что Серена Сангрэ выглядела убедительно, когда говорила о готовящемся саботаже. Вряд ли она ошибалась, давая столь чёткую инструкцию.

Линда, словно проснувшись от непонятного полусна, в котором пребывала с момента встречи со знойной испанкой, отчётливо и ясно поняла, что практически только что совершила самоубийство. Что на неё нашло?!

Она судорожно пыталась придумать, что делать дальше? Попытаться сбежать? Вообще-то практически бесполезное мероприятие. Кинг отыщет её в любом уголке страны, не исключено, что даже бегство за границу спасительным быть не сможет. Если бы у неё, конечно, была возможность уехать за границу, но у Линды её не было. Ни визы, ни достаточно наличных средств, чтобы обосноваться в незнакомом месте.

Что же она натворила?!

Единственная надежда оставалась на Альберта. И это самое тошное. Искать поддержки у человека, который неприятен тебе до глубины души.

«Может быть меня ещё и не вычислят? — пытался защититься от суровой действительности её внутренний ребёнок. — Может быть, никто не свяжет то, что случилось в одном конце сети с твоим визитом к Ливиану?».

Но Линда и сама в это не верила. Если до того, как вирус парализует все деньги на счетах Кинга, Ливиан свяжет два и два — её внезапный приход и случившиеся последствия, а дальше предсказать ход мыслей Кингов очень легко. Дураками они не были, а тут даже для глупца всё прозрачно.

Куда сложнее предсказать их действия.

Сердце то замирало, то колотилось. Линде приходилось прикладывать усилия, чтобы следить за дорогой. Нервы её были на пределе.

Словно потерявшая со страху голову лисица, она стремилась скрыться в своей норе, чтобы зализать раны. Но именно там, где она надеялась обрести безопасность, Линду и ждал неприятный сюрприз.

Бросив ключи в прозрачную вазочку, специально стоящую на зеркальной полке для этой цели, Линда не успела сделать и несколько шагов, как замерла, заметив высокую мужскую фигуру, расположившуюся в кресле напротив входной двери.

Рэй Кинг явно дожидался её.

Визит его был неожиданным. Линда даже испугаться не успела. Разум не поспевал за сердцем, чтобы сформулировать словами опасность, которую она чувствовала.

— Привет, красавица. Я понимаю, что мне не рады. Но, похоже, мой визит случился раньше, чем ты думала?

— Я вообще не думала, что ты станешь наносить мне визиты, — даже овца, загнанная в угол, начинает обороняться.

Страх по-прежнему не было. Какая-то странная пустота в душе. Наверное, это зовётся отчаянием? Хотя нет, не похоже. И на смирение не тянет. Линда понимала, что ничего не сможет противопоставить Рэй Кингу, защититься ей нечем. Самое главное, чтобы вся эта история никак не отразилась на Мередит. О большем она бога не просит.

Хотя в такие моменты как этот начинаешь сильно сомневаться, что в этом мире кто-то действительно противостоит злу? Разум неумолимо вопрошал о том, существует ли он вообще — бог?

— Ты, похоже, не удивлена тем, что я пришёл? — Рэй выглядел спокойным, скорее грустным, чем торжествующим.

Надежды выражение его лица не внушало.

— Скажи, о чём ты думала, Линда?

— Ни о чём. Правда, приходилось прилагать усилия.

— Первое правило волшебника — человек глуп. Правило действует во всех мирах. Ты поставила на карту собственную жизнь, сознательно позволив разменять себя, словно проходную пешку. Чего ради? Ах, да! Позволь догадаться самому. Ты, наверное, меня ненавидишь? Ну что ж? Возможно, какое-то время несколько тысяч или даже миллионов долларов будет для меня недоступно. Пока мои хакеры не сумеют все исправить. Но даже если нет — я сумею заработать деньги снова. А вот тебе оторванную голову уже никто назад не представит. Неравноценный обмен, не находишь? Просто любопытство ради, ответ — о чём ты думала?

— Надеюсь, что Серена Сангрэ или Альберт Элленджайт сумеют меня защитить до того, как ты нанесёшь ответный удар, — со спокойствием приговорённого к смерти сказала Линда.

Пересекая комнату, она сократила расстояние между собой и ненавистным врагом, опускаясь в кресло напротив него.

Взгляд Кинга был удивительно ясным.

Глядя ему в глаза легко было поверить в разумность этого человека. Но это обманчивое чувство, будто ведёшь диалог с человеком. Разумного и человеческого в Рэе Кинге было не больше, чем в упыре.

— По крайней мере честно, — кивнул он с улыбкой.

«Вот и всё, — пронеслось в голове Линды. — Сейчас он меня прикончит. Господи! Пусть это будет быстро и безболезненно».

Надежды на это было мало. Линда уже успела понять, что этот человек до последнего играет со своими жертвами, как кошка с мышью, пока не заиграет до смерти.

Так, наверное, выглядят высшие демоны. Те, которые начинали своё существование ангелами — спокойными, отрешёнными, беспощадными и равнодушными к человеческим страданиям.

Изо всех сил сжимая подлокотники кресла пальцами, Линда не сводила взгляд со своего палача и мучителя.

— Ты не задаёшься вопросом, почему я пришёл к тебе ещё до того, как пущенная тобой программка начала циркулировать в нужном направлении?

— Откровенно говоря, это не так уж и важно. Сейчас меня интересуют другие вопросы. Рэй скользнул по ней взглядом.

— Не в моих правилах спускать врагам ошибки. Но ты настолько жалкая и ничтожная, что, честно говоря, даже жаль тратить на тебя мою злобную мстительность. Кстати, ты кое-что позабыла. Серена ведь наверняка просила отзвониться после того, как ты окажешь ей маленькую услугу? Не отрицай. Она всегда так делает. Если ты не против, я сделаю этот звонок за тебя?

— А если против? — гневно свела брови Линда.

— Дай сюда телефон, — протянул руку Рэй.

Судя по тону, возражений он терпеть был не намерен. Сопротивляться опасно, а главное, бесполезно. Да и кроме того, после собственной глупости, на которую Линда пеняла сильнее всего, Серена, безусловно, её подставила. Так что выгораживать испанку у неё не было особого смысла.

Презрительно фыркнул скорее для приличия, Линда бросила телефон.

Рэй ловко перехватил его прямо в воздухе.

— Твоя дальнейшую участь решит та, который ты решила довериться. Узнаем сейчас, опрометчиво или нет? Отправлю ей приглашение явиться к нам на стрелку. Если проигнорирует, прикончу тебя. Если всё-таки приедет... о! Тогда возможны варианты.

Звучало не слишком обнадеживающее. Линде мало верилось, что испанка явится спасать её. Хотя, очень может быть, она появится из каких-либо других побуждений? В любом случае надеяться лучше, чем терять надежду.

— Какие варианты? — тихо спросила Линда.

— Что? — вскинул глаза Рэй, явно не расслышав, что она там бормочет сдавленным голосом.

— Какие варианты возможно, если приедет сеньора Сангрэ?

— Сангрэ? Она давно Фальконе. К чему торопить события. Всё узнаешь в свой черёд.

— Вам это нравится?

— Что именно? — уточнил Кинг скучающим тоном.

— Измываться над людьми, унижать их, заставлять себя бояться?

— Да. Мне это нравится. Тебе стало от этого легче?

— Такая жестокость не рождается на пустом месте. Видимо, вас в своё время достаточно унижали?

— Более чем. Как широко известно, хорошо накормленная собака у добрых хозяев больше лает, чем кусает. А отец нашей милой Серены хотел вырастить для себя отменного волкодава, предпочитая держать впроголодь и на коротком поводке. Правда, заводя себе зверюшку следует заранее подумать о том, что станешь с нею делать, когда она сорвётся с поводка? Ждала бы нашего героя неминуемая жестокая расплата, кабы бы не красавица-дочка... но у любого яда есть противоядие. И время — лучший из них. Ты так внимательно слушаешь? Хотя — что же ещё тебе остаётся в такой ситуации? — усмехнулся Кинг.

— Вы сказали так много и — ничего.

— Заметила, да? — скривил губы в очередной усмешке Кинг. — Всегда так делаю. Зачастую люди не понимают, что попали в пустоту потому что в ней много цветных и ярких вспышек. Вот и создаётся иллюзия наполненности. Пусть что-то мельтешит, сверкает и

двигается — большинству этого вполне достаточно, чтобы занять свой мозг... совершеннейшим ничем.

— Вы философ?

— Я?.. — засмеялся Кинг. — А то как же, а то кто же? Люблю почесать языком, в ожидании других, куда более интересных занятий.

— Вы можете прямо сказать, что вы намерены со мной делать? Убьёте в назидание вашей бывшей любовнице?

— А что же ещё может сделать герой в роли злодей, как не убить смелую и прекрасную деву? — фыркнул Рэй, а через секунду спрятал ухмылку, словно кинжал в ножны, и лицо его вновь сделалось похожим на лик тёмного идола. — Я не намерен убивать тебя, серя офисная мышка, успокойся, по крайней мере, на этот счёт. На этот раз никто и пальцем тебя не тронет. Даю слово.

Бог весть почему это прозвучало не слишком обнадеживающе? Словно затаённая угроза, а не утешение.

— Всё мои счёты не с тобой, киска. Раз уж ты заняла позицию шестёрки, малозначительной в игре...

— Вообще-то эта позиция была мне назначена заранее, разве нет? — гневно воскликнула Линда.

Даже в зависимой, незавидной ситуации, в какой она оказалась, Линда не намерена была сносить снисходительного уничижительного тона.

— Что, по-вашему, можно сделать в моей ситуации, чтобы сохранить лицо?

— Не подставлять его под удар, — невозмутимо прилетело в ответ. — Ну, раз уж у нас пошёл разговор по душам, давай будем добры друг к другу? Я к тебе — ты ко мне. Одолжила мне ту маленькую флэшку, что тебе спонсировала моя незабвенная Серена.

— Я и так вам уже телефон одолжила.

— Сказав — «А», добавляй «Б». В смысле, доводи всё начатое до логического конца. К тому же ты понимаешь, что в данной ситуации если я захочу взять флэшку, я её возьму. Избавь нас обоих от неприятных телодвижений.

Возразить было нечего. Он был прав.

Чёрт возьми, он почти всё время был прав в своём беспощадном разнузданном цинизме и это несказанно бесило!

Линда, сжав челюсть, порылась в сумочке и протянула Кингу требуемый предмет:

— Доволен?

В ответ он лишь невразумительно пожал плечами. Жест можно было трактовать как «да», так и как «нет».

Кинг повертел в пальцах поблескивающую серебристой рыбкой плоскую изящную безделушку, выглядевшей совершенно безобидно.

— Тебе не следовало ввязываться в игру, которая тебя не касалась.

— Я не ввязывалась в игры. Я всего лишь хотела помочь уничтожить убийцу моего отца.

— В такой случае, ты всё равно промазала. На деле тебе следовало бы сводить счёты не со мной, а с Синтией Элленджайт. Именно она приказала мне убить моего друга, пригрозив в случае неповиновения уничтожить тех, кого я люблю.

— А вы кого-то любите? — ядовито спросила Линда.

— Увы мне, но моя сестра и наши с ней дети отнюдь не так безразличны мне на самом деле, как я это пытаюсь показать. Синтия поставила меня перед отвратительным выбором —

либо я убирая своего друга с её пути, либо она уничтожает Виолу. Между другом и сестрой-любовницей я выбрал первого. Это не делает мне чести, не спорю. Но если уж ты решилась мстить, давай хотя бы проясним, кто на этой шахматной доске есть кто? Я был лишь исполнителем, истинный убийца твоих родителей тот, кому ты служишь.

— Я не служу госпоже Элленджайт!

Но прежде чем фраза эта слетела с губ Линды она поняла, что Рэй Кинг опять, так его растак, прав. Конечно же, именно ей она и служила.

— Даже не стану комментировать то, что ты сейчас сказала. А насчёт моего отношения к твоему отцу — ты всё ещё жива лишь благодаря тому, кто давно мёртв. И уж можешь мне поверить, что Серене, что Синтии твоё благополучие глубоко безразлично. Они обе в любой момент готовы сбросить тебя со счетов. По моему опыту эти милые дамы кого угодно сбросят куда угодно, не моргнув и глазом.

— Мне казалось, что когда-то вы питали чувства к одной из тех, кого сейчас тут поносите.

— Спасибо за «вы». Какая прелесть! Чувствуешь себя то ли престарелым дедушкой, то ли осколком чего-то великого и утончённого. А что касается Серены? Не стану отрицать, я любил её. И она до сих пор мне небезразлична, о чём прекрасно знает, потому что своих чувств я обычно не скрываю. Другое дело, что они такие же извращённые, как я сам. Но тут что поделать? Что имеем — то имеем.

Против воли, вопреки обстоятельствам, когда впору бояться и молиться, Линда чувствовала, что ей интересно общаться с Рэем Кингом. Он умел привлекать и удерживать внимание. Против воли начинаешь... нет, не верить, но — прислушиваться к тому, что говорит этот паршивец красивым, хорошо поставленным, глубоким голосом, так и норовящим проникнуть тебе в душу.

— Серена Фальконе была моей первой любовью, если не считать Виолу, конечно. И матерью моего первенца. Сандра и Энджел родились на несколько месяцев позже Ливиана.

— Ливиан сын Серены? — признаться, новость в первый момент ошарашила.

Хотя в следующую же секунду уже казалась вполне логичной. Ну, настолько, насколько в этой истории вообще можно было что-то отнести к логике.

— Старая, как мир, всеми авторами избитая история о порочном мальчике и чистой, принципиальной девочке... эта наша с Сереной история. Её отец растил меня как воплощение порока, заставляя служить себе ровно столько, сколько себя помню. Единственное, чем он мог меня шантажировать, это жизнью Виолы. Этой, одной единственной, удавки оказалось вполне достаточно, чтобы держать меня в узде.

Не знаю, кем он представлял себя по отношению ко мне. Я же с детства знал одно — я был его самой дорогой игрушкой. Его оружием. И его шлюхой. Так что, когда я встретился с Сереной у меня было только одно желание — свести счёты с её отцом. Я хотел причинить боль им обоим. В итоге я её причинил. Но чувства и секс всегда обоюдоострое оружие. Так что глупый мальчишка вместо одного крючка оказался на двух.

Папочка Сангрэ с родной доченькой был совсем не таким, каким его знали мы. Доченька у него была настоящий ангел, непорочный, чистый, но склонный ненавидеть всё то, что жило и развивалось не по её правилам и представлениям.

Конечно, вскрывшаяся правда о моих истинных отношениях с её отцом, о том, что связывало меня и Виолу, ни одну женщину не порадовало бы. Серена же обычную мелочную бабскую месть и разочарование возвела в степень религиозной борьбы Света и Тьмы.

Она, конечно же, на стороне Света, если ты чего не поняла. А я — воплощение порока. Чего отрицать тоже не берусь.

У меня есть причины быть таким, каков я есть хотя, положив руку на сердце, в лучшую сторону меня это, конечно же, не меняет.

А это я всё к чему? К тому, что ты села попой в тот муравейник, где тебе совсем не место. Тут уже есть и первый, и второй, и третий-запасной. А вот тебе тут делать нечего.

В этот момент дверь стремительно распахнулась и, к удивлению Линды, остро щелкая каблучками, вошла Серена. Очень похожая на тот образ, что хранился в памяти много лет — чёрный костюм, чёрные очки, надменно поднятый подбородок.

— Ну, вот и ты? — довольно растянул губы в улыбке Кинг.

— Ты в порядке? — повернула Серена лицо к Линде.

Глаз не было видно за очками. О его направлении можно было только догадываться.

— Он ничего тебе не сделал?

— Пальцем не тронул настолько, что даме, возможно, стало в моём обществе немного скучно. Успокойся и ты. Хотя... можешь не успокаиваться. Я получил твоё персональное приглашение, радость моя, — Рэй вскинул руку с зажатой в пальцах завирусованной флэшкой. — Жду объяснений.

— Каких ещё объяснений?

— О! Какой героический вид и тон. Как я понимаю, ты готова принять мученическую кончину во имя великой и благой цели моего сокрушения... откуда, кстати? Не так уж завидно занимаемое мною место, чтобы приступить к радикальным мерам. Стоит ли мне предположить, что ты просто соскучилась и назначила мне таким экстравагантным образом свидание?

Серена, наконец, сняла очки. Глаза её смотрели с леденящим душу презрением.

— Ты скажешь мне, по какой причине хотела меня увидеть?

— Ты делаешь странные выводы? Каким образом связаны эта флэшка и наше свидание?

— Странные — это одно. Главное, что они правильные. Не так ли?

Серена не ответила. Линда видела, что она напряжена, словно струна — как человек перед решительным, судьбоносным поступком.

— Я собиралась тебя отравить.

Брови Рэя вопросительно изогнулись:

— Отравить?.. Мне казалось, что мы достаточно близко знакомы, чтобы подобные глупости никогда не приходили в твою светлую голову.

— Или, возможно, ты не так уж хорошо осведомлён об изменениях, как тебе кажется? — довольно процедила Серена.

Её поза на фоне светящегося светом окна смотрелась весьма эффектно.

— Всё в жизни течёт и неизменно изменяется. Вчерашние враги становятся союзниками, а друзья — врагами. Да и наука не стоит на месте.

— Так много слов ушло на попытку сообщить, что теперь ты имеешь на руках смертельный для меня токсин? — ехидно сощурился Кинг.

Серена передёрнула плечами.

— И каким же образом ты планировала мне его всучить?

— Это не так сложно, как кажется. У тебя много врагов. В том числе и среди самого близкого окружения.

— Значит, Виола с тобой в сговоре?

— Почему именно Виола, а не Сандра, Ливиан, Энджел или Артур?

— Потому что только Виола может пакостить исподтишка. Моим детям эта её черта не передалась и слава богу.

— Сандра... — начала Серена, но Рэй резким жестом приказал ей замолчать, гневно взглянув.

— Сандра никогда не скрывала, что с радостью закопала бы меня где-нибудь без памятной надписи напоследок. Но моя дочь не из тех, кто пользуется ядом исподтишка. Когда она убивает, она смотрит жертве в глаза, что, безусловно, требует определённого мужества. Ну да не будем об этом.

Признаться, забавно знать, что вы в итоге поладили с Виолой именно там, где начали враждовать; что я не только разобщающее, но и объединяющее ваше начало. И хотя для того, чтобы впрыснуть мне яд, тебе совершенно ни к чему было присутствовать лично, ты всё-таки хотела быть рядом? Могу поинтересоваться — зачем?

Серена молчала, но не отвела глаз под тяжёлым, придавливающим взглядом Рэя.

Линде ужасно хотелось уйти.

Она чувствовала себя третьей лишней, понимая, что то, чему довелось быть свидетелем, было глубоко личным, и касалось только этих двоих... ну, может быть не только этих двоих. Факт — её это совершенно точно не касалось. Но уйти не представлялось возможным. Хотя бы потому, что это был её дом и идти было некуда.

— Ты хотела насладиться финалом? — предположил Рэй. — Или убедиться, что всё пройдёт именно так, как ты и запланировала?

— И то, и другое, — невозмутимо ответила Серена.

— Почему ты думаешь, что на этот раз у тебя всё получится?

— Потому что на этот раз яд мне дала Синтия Элленджайт.

Повисла пауза. Судя по её длительности, новость всё-так проняла Кинга. Лицо его сделалось тоньше и злее, губы сошлись в ниточку.

— Вот как? Значит, вы все трое за одно? Говорят, чего хочет женщина, того хочет бог. Он у тебя с собой?

— Яд? — переспросила Серена, словно сомневаясь, о чём идёт речь. — Да. С собой.

— Можно взглянуть?

Линда с трудом сдержала нервный истеричный смех. Какой он любопытный. Всё-то ему дай: телефон, флэшку, яд.

Разум её пытался предсказать исход событий? Что Рэй Кинг предпримет дальше? Уничтожит вещество, гипотетически способное его убить? Заставит их самих выпить эту отраву?

Думалось отчего-то без тени волнения, будто она смотрела телевизор о чьей-то чужой жизни, не имеющей к ней ни малейшего отношения.

Серена с каменным выражением лица вытянула из сумочки флакон, похожий на женский пробник с духами. Ни дать, ни взять — один в один. Если не знаешь, что перед тобой, возможно искушение понюхать. И по объёму не больше пяти миллилитров.

С коротким сухим смешком передала его Кингу.

Тот покрутил в пальцах, потом посмотрел на просвет, словно оценивая цвет и форму.

— Выглядит безобидно, — вынес он вердикт. — Ты уверена, что меня можно свалить этой водичкой даже в неразбавленном виде?

— Уверенной ни в чём быть нельзя. Но попробовать-то можно, — пожала плечами

Серена.

— Да, действительно, — по-прежнему щурясь, Кинг рассматривал яд.

Цвет его был как разбавленный опал. Опять-таки, весьма характерный для большинства вида духов.

— Ну что ж? Давай посмотрим, так ли уж непогрешимо мнение леди Элленджайт, как привыкли считать.

Кончиком ногтя поддев бесцветную заглушку, Рэй высвободил от прозрачной пленки тонкое узкое горлышко стеклянной колбочки и, поднеся к губам, осушил одним глотком.

На два там бы жидкости и не хватило.

— Надеюсь, обе леди довольны? — проговорил он с усмешкой ровным монотонным голосом. — На вкус не то, чтобы отвратительно, но определённо не нектар и не амброзия. Посмотрим, на что это похоже в действие?

Линда почувствовала облегчение. Отчего-то казалось, что она заранее предугадала действия Рэя Кинга и знала, чем закончится эта мизансцена с того момента как вошла и застала Рэя у себя дома.

Судя по выражению лица Серены, на неё происшедшее произвело куда большее впечатление.

Какое-то время она молчала, зачарованно глядя на того, кого назначила своим противником.

А когда, наконец, заговорила, в голосе её звенели сталь и слёзы:

— Всё играешь? Когда-нибудь ты доиграешься. Может быть прямо сейчас!

— Отчего бы и нет? Любая игра рано или поздно заканчивается и тот, кому удача улыбается по-настоящему, успевает закончить партию в покер до того, как устанет или заскучает.

— Ты ведь не веришь, что умрёшь, не так ли? Поэтому сидишь тут с невозмутимым видом и играешь роль хозяина жизни? — возмущённо протянула Серена.

— На самом деле — нет, не верю, — согласился с нею Кинг. — Но я и не исключаю такой возможности.

— А ты не допускаешь, что очередной твой опыт может оказаться куда более болезненным, чем ты рассчитываешь?

Неприятное чувство, будто подглядываешь в замочную скважину всё усиливалось. Нервозность Серены передавалась и Линде. Всё больше хотелось выйти из комнаты и в тоже время страшно было сделать хоть шаг. Линду более, чем устраивало то, что увлечённые друг другом Серена и Кинг о ней, казалось, попросту забыли. Напоминать о себе было вовсе не в её интересах.

— Ну, болью меня не испугать. Тебе ли этого не знать, дорогая? И смерть, по-большому счёту меня давно уже не пугает.

— Ты ничего не боишься и никого не любишь. Ты считаешь себя неуязвимым. Но бессмертных нет, Рэй. Думаю, именно это нам предстоит сегодня узнать.

Линда готова была поручиться, что в голосе Серены сейчас звучали паника, страх и боль. Судя по всему, для неё мучительно и страшно было осознавать неизбежность того, что должно было вот-вот произойти.

— Я опасаясь других истин, Серена. Каждый с того момента как осознаёт жизнь понимает, что смертен; что бесконечен только круг, а жизнь, в лучшем случае прямая, но, что скорее всего, лишь отрезок.

Куда страшнее однажды узнать, что в мире постоянно изменяющихся величин и понятий, ты можешь сделаться константой — чем-то постоянным и неизменным. Даже крыс берёт крысиный яд. Даже на тараканов и клопов есть свои инсектициды. Так неужели же я хуже? — засмеялся Рэй.

В тёмно-синих глазах словно замерцали искры.

— Если я умру, Серена, ты по-прежнему будешь говорить обо мне, как о чудовище или наконец-то, наедине сама с собой, когда никто не сможет тебя слышать, однажды скажешь сама себе: «Он не чудовище. Просто так получилось»?

Поймав взгляд Линды Рэй в очередной раз усмехнулся.

— Если бы вы спросили меня, я бы сказала, что взбесившуюся собаку всегда лучше пристрелить. Даже если она не во всём виновата и несчастна, она всё равно заразна и опасна. Да и для неё жизнь уже не исполнена той первозданной радостью, так что...

— Немилосердный подход к жизни, мисс Филт, — небрежно бросил он ей.

— Немилосердный. Но согласитесь, практичный.

— Вы до зубовного скрежета разумная особа. Самой не скучно?

— Нет. Особенно когда вспомню, до чего способна довести некоторых артистичность их натуры.

Голос Линды звучал уверенно и спокойно в то время как руки дрожали и эту дрожь никак не удавалось унять. Конечно, это был всего лишь эффект от неправильно падающего света, или, не исключено, у неё просто двоилось в глазах, но создавалось впечатление, будто вокруг его тёмной головы горел багровый нимб.

А небо за окном походило на молоко. Оно не было синим или чёрным — оно было невыразительно-серым.

— Ты тоже будешь помнить меня, Линда Филт, — медленно ронял слова Рэй, словно медленно смакуя каждое слово. — Я стану для тебя одним из тех воспоминаний, о которых больше всего хочешь забыть, но не получается.

Ленивый голос удивительно шёл к этому точёному, безжалостному лицу.

— Думаете, что если этот яд подействует, вы обе выйдете победителями? Но кому как ни тебе, Серена, знать, что победить меня в равном бою невозможно. Слишком хорошо я научился владеть любым видом оружия, слишком хорошо умею предугадывать любой шаг противника и действовать на опережение.

— Ты прав. Мне это отлично известно. Именно поэтому я решила прибегнуть к яду. Равный бой с тобой невозможен.

— Ага. И именно потому ровно столько, сколько я тебя знаю, ты бьёшь в спину. Правда, каждый раз промахиваешься, но не перестаёшь пытаться.

— На этот раз промашек не будет. Ты уже покойник.

— Даже если я не доживу до вечера, это не делает меня менее опасным. И, возможно, конец этой истории будет не совсем таким, как тебе представляется, Серена. Уж вас, мисс Филт, это касается определённо точно. Вы не понимаете, пока, по счастью, значение моих слов. Но, увы, понять вам придётся. К счастью — вряд ли.

— Я действительно не понимаю.

— Мы вернёмся к этому чуть позже. А пока я хочу немного вспомнить прошлое с моей дорогой Сереной. Скажи, тебя греет мысль о том, что Виолы с нами сейчас нет?

— Мне это безразлично, — прозвучало в ответ.

— Думаю, ты лукавишь.

Линде показалось, что Серена вздрогнула под синим взглядом Рэя, обращённым к ней.

— Хотя «лукавишь» слишком громко сказано.

Видимо, яд уже начинал действовать. Глаза, в которых как прежде плескались злые искры, обвело голубой тенью. Бледность стала заметной и уже бросалась в глаза. Хотя, возможно, это было только воображение Линды. Кроме воображаемой бледности почти ничего не указывало на дурное самочувствие Кинга — чёрные волосы небрежно растрепались вокруг точёного лица, взгляд был спокойным и равнодушным.

— Ты всегда хотела получить меня в своё безраздельное пользование. И вот он я, почти весь твой, — припечатал он, заложив ногу за ногу. — Настолько, насколько я могу принадлежать одному человеку, конечно.

Серена с виду осталась невозмутимой. Ни язвительные усмешки Рэя Кинга, ни его жёсткие слова её словно бы и не затрагивали. Но в тот момент, когда рука Рэя вдруг судорожно сжалась на подлокотнике кресла, невозмутимость её как рукой сняло.

Бледные пальцы Рэя Кинга рефлекторно схватились за ворот рубашки, рванув за края, словно ему внезапно стало нечем дышать. Потом медленно Рэй откинулся на спинку кресла, в котором сидел. Кинг сидел удивительно прямо. На губах выступила кровь, тёмной струйкой закапав вниз.

Глаза его медленно светлели, будто выцветая. Так замерзает вода, превращаясь в лёд. Дыхание словно трепетало около губ, не желая наполнять лёгкие, оно сделалось поверхностным и неровным.

— Думаю, мисс Филт, самое время сообщить вам приятную новость. Потому что, чем чёрт не шутит, вдруг и в самом деле не успеваю вас порадовать?

— Нужно полагать насчёт «порадовать» это сейчас, разумеется, был сарказм? — уточнила Линда.

— Разумеется, — менторским тоном прозвучало в ответ.

Кинг в очередной раз улыбнулся лишь уголками, самыми краешками губ. Ледяного взгляда улыбка не коснулась.

— Для Серены само свершение ею задуманного станет достаточным наказанием, дополнительных мер не понадобится. А вот насчёт вас мне пришлось подумать. К тому же была у меня идея использовать вас в своей игре, заставив исполнять нужную роль. Вашей милой младшей сестре отводилась роль заложника, обеспечивающего вашу покорность.

Линда задержала дыхание, задержав взгляд на умирающем:

— Что вы такое пытаетесь мне сказать?

— Пытаюсь? Мне казалось, что я говорю достаточно внятно. Ну да ладно, не буду спорить.

Невозможно было не заметить, что Кингу стоит больших усилий сохранение его небрежного, насмешливого тона. У Линды создавалось впечатление, что он рухнет на пол в любой момент.

Но после сделанного заявление её это не волновало ни в малейшей степени. Пусть сдохнет хоть три раза подряд в тяжелейших муках. От неё он сочувствия не дожждётся.

— Где Мередит?

Медленно склонившись над ручкой кресла, Кинг сплюнул на пол. При виде кровавого ошмётка Линду слегка затошнило. Но не время было предаваться слабостям.

— Где моя сестра? — повысила она голос.

Очередная улыбка, не имеющая никакого отношения к радости, осветила совершенное

лицо Кинга.

— Честно? Не знаю. Я велел сыну увезти её из города, но не уточнял, куда, собственно, он намерен направиться.

Кинг сощурился. На этот раз он казался усталым. Кожа его словно светилась.

— Так что можно с уверенностью сказать, что со своей младшей сестричкой ты увидишься очень, очень нескоро, маленькая леди, пытающаяся выглядеть железной. А когда увидишься, возможно, между вами не будет бывшего взаимопонимания. Вполне вероятно, что у неё появятся новые связи, благодаря которым её мир не будет таким двухмерным, чёрно-белым, как твой. Считай, что это мой подарок семье друга на прощание.

— Очень надеюсь на то, что это действительно так. Чтобы ты сейчас не говорил, я найду способ всё исправить. Тебе не удастся разрушить мою душу!

— Ну, к такому драматическому исходу я вовсе и не стремлюсь. Мне достаточно просто лишить тебя душевного равновесия. Не надейся стать исключением, девочка. Связь, которой я удерживаю людей, заставляя их мне подчиняться, неправильна, часто противоестественно, но абсолютно действенна. Даже когда меня не будет, отпечаток моей личности останется на тебе до самой твоей смерти.

— Ты привязываешь к себе людей арканом низких желаний и подавляешь их волю страхом. Но если ты действительно умираешь, я не вижу причины тебя бояться. Я не увязла ни в чём из того, чем ты любишь окружать людей. С твоей смертью всё исчезнет.

— Для тебя — да. Но не для твоей сестры. Ни одной из вас не под силу меня бесследно уничтожить. Даже если этот яд и подействует. Даже понимание моей низменной сущности не отменяет твоей любви ко мне, Серена. Ведь ты по-прежнему хочешь меня обнять, несмотря на то, что руки мои вымазаны в крови невинных жертв.

Линда почувствовала, как в воздухе разливается холод. Так бывает, когда описывают приближение призраков. Она не могла отделаться от явственного ощущения, будто кожа её покрывает инеем. На неё словно веяло холодом вскрытых могил. Сердце стало стучать неровно, с перебоями.

Судя по выражению лица Серены та тоже что-то ощутила.

Изо рта Кинга снова потекла кровь. Он дёрнулся, а потом постарался вытереть кровавые сгустки, размазывая их по губам, отчего его лицо сделалось похожим на какую-то жуткую маску.

А потом протянул дрожащую от напряжения руку к Серене, стоявшей достаточно близко, чтобы Кинг мог до неё дотянуться и медленно провёл по её щеке, оставляя на коже молодой женщина кровавый след.

Лицо Серены посерело, краски словно сошли с него.

Кинга скручивало в новых приступах кашля и судорогах боли. На его руках и рубашке появлялось всё больше кровавых пятен.

А потом Линда ощутила боль. Страшную боль. Она понимала, что боль это не её — чужая. Но почему же так больно? Что за странное ощущение, будто эхо или отголосок? Это неприятно дезориентировало.

Ощущение всё никак не уходило, мешая сосредоточиться.

Кинг скользнул с кресла на пол. Руки его судорожно сжимались и разжимались в судорожном припадке. Он ещё дышал, слабо и прерывисто. На губах пузырилась чёрная кровь, вытекающая словно бы толчками.

«Неужели он всё-таки умрёт? И мы все будем свободны?», — пронеслась шальная мысль

у Линды.

Казалось, кровь сочится из всего тело бьющегося в немыслимой агонии. И прямо в этой луже, не беспокоясь о сохранности своего костюма сидела Серена и плакала навзрыд.

Логика во всём это не было никакой. Ведь именно к этому они и стремились? Именно это и было всеобщим благом. Так к чему скорбеть?

Сама Линда не испытывала вообще никаких чувств. Отрешённая и холодная, она смотрела на неподвижное тело.

Ярко-синие глаза Рэя Кинга словно подёрнулись дымкой, медленно стекленея.

Невообразимо и немыслимо, но кажется средство госпожи Элленджайт подействовало безотказно. Враг был мёртв.

Только отчего вместо торжества душу заполняет непонятная чёрная тоска? Отчего хочется по примеру Серены просто опуститься рядом на пол и разрыдаться?

Глава 13. Альберт. Семья

Сказать, что всё складывалось ни к чёрту — ничего не сказать. Услышав первоначальное заявление Линды, я не поверил своим ушам. Кинг не мог умереть!

— Я же сказала, что решу эту проблему, — самодовольно задрала нос сестрица.

А мне захотелось её придушить. Прямо-таки чесались руки.

— Что ты творишь? — прошипел я.

В то, что озвученное ею может быть правдой я верить отказывался.

— Совсем с катушек съехала? Зачем ты влезаешь в мои отношения с Катрин? Зачем навязываешь мне поступки, в которых я вовсе не уверен. Да ещё и эта твоя последняя выходка? Немедленно объясни, что всё это значит!

— Кинг перешёл намеченную мной черту, и я его наказала.

— Кинг слишком умён, чтобы позволить тебе себя наказывать.

Я действительно в это верил.

В прошлую мою жизнь Синтия отличалась змеиной хитростью, а вот насчёт ума вопрос спорный. Поступки её всегда диктовались сиюминутным желанием или капризом, наитием и никогда не имели под собой чёткого плана.

Саму себя она может мнить хоть Макиавелли, но натуру не изменишь. Она такой была — такой и останется.

— Кинг слишком самоуверен. Он не верил в мою способность его уничтожить.

— Никогда не думал, что хоть в одном из вопросов способен сойтись во мнении с Кингом, но — тут я с ним солидарен.

— Это я создала его! Забыл? Я знаю его организм, как часовщик часы. И я никому и никогда не позволю тебе навредить. Я предупреждала его.

— Линда рассказала, что он просто взял и выпил яд, что ему дали.

— Ну и кто теперь из нас двоих самовлюблённый дурак? — засмеялась Синтия.

— Пальма первенства у него, — вынужден был я согласиться. — Но отчего-то мне плохо верится в такую овечью покорность такого волчары, как Кинг.

— Потому что ты не так хорошо знаешь его, как я, — пожала плечами Синтия. — Ты не знаешь о его противостоянии с Сиреной Сангрэ, длящейся годами. Вот никогда не понимала, по каким признакам у вас, мужчин, начинается ничем не объяснимая и не обоснованная Большая Любовь. Я вижу в этой испанке лишь яркую падальщицу, не останавливающуюся ни перед чем, чтобы достичь своей цели.

— Практически собственное отражение. Не? — фыркнул я презрительно.

— Возможно, Рэй пытался что-то доказать ей. А может быть ему просто осточертело жить. Если бы я была им, меня бы тоже от себя тошнило.

— За себя отвечай. Ты тоже не сахар, — огрызнулся я.

— Куда ты собираешься?

— А как ты думаешь? — обозлился я. — Мне нужно поехать к Линде и прибрать за тобой. У тебя появилась отвратительная привычка оставлять после себя трупы. Потом нужно будет найти Мередит.

— Я бы на твоём месте на торопилась искать, — насмешливо протянула Сирена. — И ей, и Альберту полезно будет пообщаться друг с другом. А ты не слишком ли торопишься, мой дорогой братец?

— Нет. Я, пожалуй, слишком долго медлил.

— Надеешься, что если поспешишь, сумеешь вытащить Рэя с того света?

— Откровенно говоря — да. Но если не удастся, вернусь и попрошу тебя вернуть его, — с сарказмом протянул я.

— Зачем? — взгляд Синтии был серьёзен. — Он больше не нужен ни мне, ни тебе. От Рэя Кинга в последнее время стало слишком много проблем. Он вышел их повиновения давно, но теперь пытается командовать...

— Вот и прекрасно. Пусть командует. Тебе полезно выучиться немного считаться с другими людьми. Я слишком мягкий. А вот Рэй — в самый раз.

— Я уже говорила. Теперь, когда ты жив, мы можем вернуть Ральфа.

— Чтобы потом выслушивать от него массу благодарностей? Ну уж нет! Больше никаких противоестественных заморочек. Ничего сверхъестественного. Поняла? Никаких демонов и воскрешений, никаких генетических игр и клонов — только свадьба и естественное размножение.

— Кстати о свадьбе? Катрин ты с собой возьмёшь?

— Естественно.

— Вовсе и не естественно. Разве не должен ты беречь будущую жену от потрясений. А у Линды там похищение. И то ли убийство, то ли самоубийство.

— Думаю, для Катрин всё вместе взятое представляется куда менее травмирующим психику, чем лишний час наедине с тобой.

Синтия фыркнула:

— Что-то ты сегодня злой, братец?

— Может быть потому, что я действительно зол, сестрица? Сколько раз я просил тебя не вмешиваться в мои дела! Какого чёрта ты сделала то, что сделала?

— Убийство Кинга не твоё дело. От начала и до конца — моё.

Катрин избегала нашего с Синтией общества. А поскольку Кристалл-холл её явно пугал, она предпочитала дожидаться меня на улице. Выглядела моя невестушка скорее потерянной, чем сердитой. И ещё — откровенно несчастной.

Но что поделать, если я не в состоянии её осчастливить?

В действительно между мной и Синтией не было того, что она себе воображала (краем глаза или сознания, чёрт разберёт, я улавливал витающие в её сознании не слишком привлекательные образы).

— Вы, наконец, расстались? — холодно спросила она, поворачиваясь ко мне.

Я молча кивнул, обдумывая, как поделикатней сообщить о случившемся.

Так ничего и не придумав, брякнул с деликатностью топора.

— Звонила Линда.

— Что-то случилось?

Ну, это очевидно. Стала бы она мне звонить просто так? Дражайшая Линда Филт терпеть меня не могла и не делала из этого тайны.

— Если верить её словам, Рэй Кинг мёртв.

— Что? Вот так просто?

— Хм-м? Ты тоже об этом подумала? Сомнительно, правда?

— Более чем.

Ну хоть в чём-то мы с друг другом согласны.

— Но всё не так радужно, как ты себе представляешь. Перед смертью (если таковая действительно состоялась) Рэй Кинг приказал похитить твою драгоценную Мередит.

— Что?!

— Мне повторить?

— Нет. Спасибо. Я и с первого раза прекрасно расслышала. И что дальше?

— Дальше? — пожал плечами я. — Дальше мы едем к Линде и разбираемся со всем на месте.

Дважды повторять предложение не пришлось. И через час мы подъезжали к особняку Филтов, с виду похожий на счастливый семейный домик для рекламы семейный ценностей. Уютное такое гнёздышко. К слову, вопреки уверениям экстрасенсов вовсе не всегда дома готовы поведать о своём прошлом. Этот как минимум пережил уже три смерти. И что? Как был пряничным домиком, так и остался.

Мне хотелось помедлить. Я не уверен, что готов был убедиться в подлинности смерти Рэя. На сердце было горько и больно.

Пока не видишь человека мертвым, он для тебя жив. Толкнув перед собой дверь, я перешагнул порог дома Линды.

Пряничный домик выглядел уютным и изнутри тоже, однако несмотря на эту пряничность атмосфера в нём организовалась гнетущая.

Линда сидела в кресле с отрешённым, замкнутым я бы даже рискнул сказать, злым лицом.

Серена Сангрэ (я никогда прежде даму не видел, но раз Линда упоминала о компании этой особы, следовательно, передо мной она и была) расположилась прямо на ковре, рядом с неподвижным телом Рэя.

Он выглядел бледным, как поломанная кукла. На фарфоровую куклу и походил. Бледность его кожи вполне могла поспорить с белым шёлком.

Рэй выглядел неподвижным и от него словно веяло холодом. Но мне, с нашим фамильным чутьём достаточно было одного взгляда в его сторону, чтобы понять — Кинг в глубоком обмороке, его терзает боль, внутри которой он попал как в клетку. Он утонул в ней и не мог выплыть. Но он был жив.

Я выдохнул с облегчением.

— Ну что, дамы? — фыркнул я. — Уделали парня? Всегда знал, что тот, кто называет женщину беспомощной, мягко говоря, плохо владеет информацией или женщину видел только на картинке. В нашем случае поговорка: «Где чёрт не сладит, там бабу пошлёт», — обретает прямое значение. «Дед бил-бил не разбил, баба — била-била, не разбила. А тут Синтия пробежал, яду подмешала, Кинга завалила.

Забавная штука жизнь. А женщины в ней ещё забавней. Все три дамы — Линда, Серена и Кэтти смотрели на меня так, будто Кинга убил я. А потом ещё и поглумился над его святой памятью.

— А мне всё это разгребать, — вздохнул я, отчасти притворно, отчасти искренне.

— Что ты собираешься делать? — спросила Серена.

Признаться, дамы меня изрядно раздражали. Обе.

— Отвезу труп его семье. Пусть предадут останки... ну, чему там их полагается предавать? Земле? Кремированию? Сначала кремирование, а потом — земле? В любом случае вы своё дело сделали.

Серена смотрела на меня с откровенной неприязнью, если не сказать, с ненавистью.

Судя по выражению лица Линды, та витала где-то далеко в облаках, словно до всех нас ей не было дела. Да, она ведь что-то говорила о похищении Мередит. Участь сестры её, естественно, занимает гораздо больше. Но зараз решается только одна проблема.

Или — не решается. Как повезёт.

— Ты действительно хочешь отвезти его?..

Интересно, что по мнению Серены я должен ответить на её вопрос. Ага. Действительно. Слово скаута.

— Я могу этого и не делать, мисс. Тогда у вас, красавицы, есть два варианта. Первый: вы берёте в руки лопатки и прикапываете трупик на заднем дворе. По лицам вижу, вас план не вдохновляет? Тогда вы можете вызвать полицию. Пусть приедут и попробуют разобраться в происходящем. Есть шанс, что токсин на судмедэкспертизе не определят, поставив в графе «причина смерти» — алкогольная или наркотическая интоксикация. Но может так и не повезти. И тогда кто-то да окажется под подозрением. Скорее всего ты, Линда. Потому что мало кому захочется связываться с известным сенатором, чьей женой является драгоценная Серена.

Я скрестил руки на груди, смерив их по очереди взглядом.

Они обе меня бесили. Как это по-женски! Натворить дел и стараться избежать ответственности за содеянные поступки. Почему мне с завидным постоянством по жизни попадает на пути один и тот же тип женщин? И, судя по всему недавно случившемуся, не только мне.

— Ну так что решили, дамы?

Линда напоминала холодную отрешённую статую. Серена выглядела куда более эмоциональной.

Сжав ладонями руку Кинга, она быстро поднесла его к губам и быстро, с неуклюжей поспешностью, поцеловала:

— Прощай, моя ненавистная любовь. Твой бой окончен. Покойся с миром.

У! Сколько пафоса. Но звучит как у талантливой актрисы, с намёком на искреннее чувство. Правда, всегда предпочитал несколько...хм-м, иное выражение чувств и привязанности. Или, по крайней мере, изъясняя их, не стоит обострять всё до крайности, прошу прощения за каламбур.

Кингу покоиться с миром не грозило. Особенно после смерти. Не с такой кармой. Впрочем, я сильно сомневаюсь, чтобы и на этом свете его ждали радужные пони.

— Ну? Ритуал прощания завершён? Я могу забрать тело?

Лишь на лице Линды не дрогнула ни одна чёрточка. Но стоило лишь взглянуть на Кэтти или Серену и становилось понятно, что я чёрствое чудовище, отказывающееся проявлять

деликатность.

Ну, по сути так оно и есть. Деликатности, на мой субъективный взгляд, никто тут и не заслуживал.

— Будь к нему бережней, — сдавленно проговорила Серена.

Траги-фарс, блин горелый.

— Обещаю беречь его в пути, как настоящий агент похоронного бюро. Если леди это успокоит, — добавил я после секундной паузы.

— Ты уверен, что сможешь поднять его? — с сомнением покосилась на меня Кэтти.

— А что тебя заставляет в этом сомневаться?

Мне кажется, или у кого-то тут не хватает почтения к мёртвым? Никакого уважения к безвременно почившим.

И ко мне заодно.

— После смерти тело обычно тяжелеет из-за особенности процессов, проходящих в нём. А ты не выглядишь таким уж Геркулесом.

— Ну да, — вынужденно согласился я.

Геркулесом я и вправду не был. Но к физическим данным у Элленджайтов всегда добавляются психические — нечто среднее между магией и телекинезом. Впрочем, я так и не научился различать суть разницы между наукой и магией в этом вопросе. Передвинуть предметы силой мысли и воли это магия, которая в современном обществе называется пси-энергией. Те же яйца, только в профиль.

Подхватив бездыханное и неподвижное тело Рэя на руки, я покинул пряничный домик с красотками, у которых были самые ангельские, самые нежные лица, какие только можно себе представить.

Кэтти следовала за мной.

— Положишь тело в багажник?

Я чуть не поперхнулся от подобного предложения. Какие хорошие у нас, однако, женщины, мать-перемать.

— Вовсе нет. Аккуратно сгружу его на заднем сидении, — искренне поделился с Кэтрин своими планами я. — Окажи услугу, будь так добра, разблокируй двери.

Кэтрин, покосившись на меня с сомнением и без особого дружелюбия, выполнила мою просьбу.

Со всей осторожностью я выполнил то, что планировал.

— Ты, похоже, привязан к Кингу сильнее, чем мне казалось?

И что на этот раз звучит в недовольных интонациях? Уж не ревность ли?

— Так бережно следует относиться к живым.

— Садись в машину.

Последовав за Катрин внутрь авто, пристегнувшись согласно инструкции я всё-таки не удержался, обратившись к ней:

— Почему ты уверена, что он умер?

— Что? — повернула она ко мне своё бледное лицо. — Ты должно быть шутишь? К чему эти глупые вопросы?

— Глупые? Вы даже дыхание зеркалом не проверили, я уже не говорю обо всём остальном. К твоему сведению, Кинг жив. Хотя не стану утверждать, что здоров?

— Что? Ты серьёзно?!

Ну вот. Снова-здорово. «Что» да «что»? «Ты шутишь?». «Ты серьёзен». Да нет, дорогая.

Я так прикалываюсь.

— Я абсолютно серьёзен. И, хотя у меня в некоторых моменты бывает весьма своеобразное понимание смешного, но я не шучу.

Кэтрин порывисто обернулась, пристально вглядываясь в призрачный, почти прозрачный профиль Рэя.

— В это трудно поверить...

— Куда труднее поверить, что такого человека, как Рэй, можно отравить.

— Разве нет?

— Нет.

— Тогда зачем твоя сестра всё это затеяла?

— Потому что она тоже та ещё шутница! — передёрнул плечами я. — Яд не может нас убить. Но причинить боль и страдание, заставить мучиться, сделав беспомощным на какое-то время — вполне.

Рэй послушался её и в нашей с ним маленькой ссоре сделал то, что Синтии вовсе не понравилось. Она попыталась наказать его.

— Разве это не глупо? Дразнить такого человека, как Кинг?

Катрин сохраняла совершеннейшее спокойствие. Словно речь шла о вещах обыденных. Я был немного удивлён. Любопытно, что стоит за ним: обычное непонимание ситуации или железное самообладание? Даже не знаю, что порадовало или огорчило бы меня сильнее?

— Глупо. Но в этом вся Синтия. В пренебрежении к опасности, а иногда в элементарной близорукости к ней. Синтия частенько не способна заметить шершня до той поры, пока не станет слишком поздно, и он её не ужалит.

— Но если этот человек может представлять для нас опасность... может быть твоя сестра права?

Я ушам своим не поверил. Я так резко ударил по педалям, что машину на миг занесло и пришлось несколько секунд следить только за дорогой, чтобы избежать возможной аварии.

— Что ты хочешь этим сказать? — наконец поинтересовался я.

— Что покончить с ним сейчас будет проще, чем завтра?

Я не хотел верить в то, что нежная, ранимая, чистая Кэтрин способна глядеть на ситуацию столь... практично.

— Что ты предлагаешь? — засмеялся я, боюсь несколько истерично. — Закопать его живьём?

— Нет, конечно, — поспешно донеслось в ответ.

Столь поспешно, что стало понятным — такой исход вовсе не казался Кэтти невероятным.

— А, понятно. Сначала для верности мы проколем его сердце осиновым колом? Или металлическим брусом? Или ты предпочитаешь более современную пулю в лоб — контрольный выстрел?

Я всё повышал и повышал голос. В конце фразы я уже почти орал во всё горло.

— Ты уверена, что настоящая опасность исходит он Рэя Кинга? А не от тебя самой, способной рассматривать подобный поступок как возможный?

Какое-то время в салоне было совершенно тихо. Казалось, был слышен даже звук капель, стекающих по лобовому стеклу, словно лупа, увеличивающие в разы пойманные в свои сети отблеск фонарей.

Кэтрин отвернулась, глядя в окно.

Ох уж эта её привычка! Замыкаться в себе, отворачиваться, молчать. И поверху сознания, словно белый шум, какое-то молочное марево, через который моему разуму не пробиться. Он тонет в нём, теряется, как в тумане. И никак не понять, что стоит, что таиться за этим загадочным молчанием: мудрость или глупость, доброта или жестокость, слишком острые чувства или полное равнодушие?

— Ты прав. Я... не должна была... убийство любого человека ужасно. Даже такого, как этот. Но, с другой стороны, согласишься, что от его смерти выиграли бы все. Возможно включая его самого.

С этим не согласиться было трудно.

— Пока человек живёт и дышит, у него есть возможность измениться.

— А это что-то значит?

— Видимо, да.

— Но ты же сам говорил, что на той стороне ничего нет? Что жизнь конечно?

— И в том и в другом случае она имеет значение. И в том, и в другом случае имеет значение её продолжительность. И в том, и в другом случае, есть ли у человека бессмертная душа или нет, чем позже умирать — тем лучше. А что касается Рэя Кинга, то он умрём не сегодня. Я за это отвечаю.

«Ты как всегда всё испортил», — поплыло предо мной в темноте насмешливое лицо Синтии. — «Ты как всегда всё испортил».

— И горжусь этим.

Призрак сестры развеялся.

На его месте оказались подъездные ворота и воротилы — обезьяны Кинга, способные испортить всё веселье.

И они спешили к вам со всех ног.

— Откройте ворота, — вальяжно распорядился я.

— Зачем мне это делать? — попытался хамовато ухмыльнуться один из верзил.

У него просто не то, чтобы был выбор. И пока его язык выговаривал то, что ему приказал его мозг, руки подчинялись моим желаниям — путь был свободен.

Темно, ветрено и под ногами снежная каша. С тех пор, как я воскрес, тут словно и нет другой погоды.

Двери открылись, словно в супермаркете — сами-с собой. Возможно, то же устройство? Как его там? Тепловизор? Да один фиг разница!

— Ну-ка, мальчики, не стойте без дела. Помогите мне донести Кинга до его апартаментов.

Мальчики не возражали, и мы дружной спокойной группой спустились в глубину туннелей, словно крысы.

Картина маслом — или кадр.

Сандра, вся в чёрном, как и полагается принцессе на байке, сверкающая, подобранная и жёсткая; Энджел, в мягком кашемировом свитере, с мягким белыми кудрями, рассыпанными вокруг совершенного тонкого лица подобно сияющему нимбу. Ливиан — в чёрной косухе, незримо дополняющий собой близнецов. Полупьяная Виола на втором плане. И ещё куча народа в массовке.

— Это, кажется, ваше?

— Что случилось? — напряжённо откликнулся Энджел.

— О! Надеюсь, он не сдох? — истерично засмеялась Виола.

Насчёт полупьяной я тут немножечко ошибся. Она была не полупьяной, а пьяной вдрызг.

— Я бы на это не рассчитывала, — пожала плечами Сандра, скрещивая руки на груди. — В некоторых историях с самого начала как бы не предлагается счастливого конца.

— Вот тут ты не права, — донёлся голос Синтия сверху.

Она словно парила над нами всеми, стоя на верхней площадке, как королева.

— В нашем случае это и есть счастливый финал.

— Кто ты? И что за бред несёшь? — подал голос Ливиан.

— Я ваша создательница, мои дорогие. Я та, кого в городе зовут госпожой Элленджайт.

А вы — вы все, за маленьким исключением, плод моих неустанных трудов. Моё творчество, моё детище. И разве не счастливый финал то, что мы все, наконец, в сборе?

Близнецы Кинги переглянулись между собой.

— Всё это откровенная бессмыслица.

— Видишь, ли, красавчик, — улыбнулась Синтия Ливиану. — Жизнь по сути своей бессмысленна. Если только не принять за смысл то, что она постоянно возобновляет и поддерживает саму себя исключительно ради данного процесса. Но если уж вам так нужен смысл... на самом деле он есть. Я создала вас за тем, чтобы вы управляли этой землёй. Из-за кулис. Незримо. Во славу того, кто всем нам дал шанс на существование здесь и сейчас.

— Имеет значение то, что я не верю в бога? — с усмешкой проговорил Ливиан.

— Ни малейшего. Лишь бы ты верил в дьявола, мой сладкий.

— С этим, прости, тоже проблемы. Не собираюсь я никому служить.

— Сказал винтик внутри схемы, давно участвующий в общем движении, — засмеялась Синтия. — Хочешь ты того или нет, но ты в игре. Или в деле — как посмотреть. Мы есть то, что мы есть. От этого никуда не деться. Как не скрыться от себя самого. Мы — семья, пусть и собравшаяся по печальному поводу.

— Если ты о моей смерти, любимая жёнушка, то твоя скорбь преждевременна, — подал голос Кинг, приподнимаясь на локтях.

Выглядел он хуже не куда. Рискну предположить, чувствовал себя ещё хуже, но всё равно голос его сочился сарказмом.

— Не стану спорить насчёт бога и дьявола, мне эти дали неведомы и малоинтересны. Но религию, определённо, стоит сменить на ислам. В исламе чтобы вновь стать холостяком достаточно три раза прокричать: «Я развожусь». Сейчас бы мне это очень подошло, дорогая.

Синтия не удостоила Рэя даже взгляда.

— Спасибо, что нашла время и нанесла нам визит, но не смеем тебя больше задерживать.

Вот теперь она на него взглянула. И за показной самоуверенной надменностью я видел её злость, проистекающую из обыкновенной неуверенности.

Ох, Синтия, Синтия. Летят столетия, но почему ты не взрослеешь и не меняешься?

— Это действительно судьбоносный момент, когда вся семья собралась в одном месте. Но, любимая сестрица, это место далеко не Хрустальный Дом. А эти люди вовсе не обязаны потакать твоим капризам. И если уж тебе пришла охота примерить на себя роль бога, то тебя сейчас ждёт весьма печальный новый опыт.

— Это какой же?

— Бунт состороны падших ангелов. Ты считаешь, что мы все у тебя в кармане и будем

вынуждены играть по твоим правилам? Почему? Потому что верёвочка финансовой пирамиды в твоих руках? Но, Синтия, деньги — это просто бумажки. В лучшем случае — звенящий металл. Можно научиться из зарабатывать. Можно снизить потребности. Можно тысячью способами решить эту проблему. Ты так долго жила среди тех, кто способен продаться и дело лишь в цене? Мы принадлежали к аристократии духа, а не к последователям Мамоны.

Она покачала головой:

— Вы просто не понимаете? Я предлагаю вас на подносе весь мир!

— В обмен на что? — хмуро поинтересовался Ливиан.

— На то, что всегда просят божки в подобных ситуациях — в обмен на поклонение, прославление и восхваление, — вынесла вердикт Сандра.

— Я пас. Согласен с тем, что лучше быть первым в аду, чем служить на небесах.

— Ну, сравнение не корректно. Небес вам никто и не предлагает, — заговорила Катрин.

А поскольку никто не ожидал от неё реплик или ремарок, все с удивлением воззрились на худенькую девочку в обыденных джинсах и ещё более обыденной толстовке.

— Всё это — обстановка, вы, то ли полудемоны, то ли вурдалаки — всё напоминает затянувшийся кошмар. И у меня такое чувство, что я действую как проводник, открывающий двери Ада. И с каждой прожитой секундой это чувство усиливается. А ещё так хочется просто взять в руки тряпку и смыть всю эту грязь, что вы за собой несёте. Большие деньги, большие возможности, красота и власть — словно гляцевый фасад. А за ним — боль, кровь, разврат. Мне не нужно такого наследства. Забирай это всё себе. Я вне игры.

Катрин развернулась, но не успела сделать и нескольких шагов, как богатый переливами смех Рэя Кинга ударил ей в спину.

— Браво! Зачётная попытка. Только один фиг — неудачная. Красиво уйти не получится, малышка. Во-первых, ты понятия не имеешь куда идти. Во-вторых, за дверью торчат мои парни и будут только рады нагрянувшей вкусной курочке с хрустящей корочкой. А в-третьих... ну, может бы не заметила, но между тобой и дверью Синтия. И если она всерьёз вздумает тебя не пустить, то ничего у тебя не выйдет.

Катрин заколебалась.

Мой выход.

— Вообще-то, выйдет. Если я пойду вместе с ней, ни Синтия, ни твои парни нас уже не остановят.

— Но разве твоё участие в этом деле не отменяет всё одним своим присутствием. Ведь ты и есть ключик ко всему тому, что вертится здесь, не так ли?

Я взял Катрин за руку и не тратя время на бесполезные препирательства стал подниматься по металлическим ступеням.

— Ой-ой-ой, какие мы решительные. А я такой неблагодарный. Ты не дал меня зарыть живьём, а я буду тебе сейчас действовать на нервы. Альберт, да помедли ты немного. Тебе ж потом все равно спускаться.

— И не подумаю.

— Конечно, подумаешь. Как только я произнесу волшебное слово «Мередит».

Мы оба с Катрин затормозили. Как и предвидел Кинг, мать его, которой у него никогда не было, так и разыдок.

— Да! Кажется, в яблочко! Вы не можете покинуть город и всё бросить, потому что в заложниках ваши друзья, а хорошие парни друзей не бросают, правда? Именно потому

плохими парнями быть гораздо практичнее. Хотя... о своих людях так или иначе приходится заботиться. Если этого не делать, у тебя не будет «своих людей».

— Зачем ты это делаешь? — поинтересовался я.

— Что именно? Задерживаю тебя в городе? Ну... я привязался к тебе, Элленджайт. Если ты уедешь, я стану скучать. Ты такой забавный, милый. У нас впереди так много интересного. Свадьба в Кристалл-холле, например, очень порадует дам. Какая же дама не любит пышную свадьбу.

— Я не люблю. Мне свадьбы пофиг, — холодно протянула Сандра. — Этот фарс рискует затянуться.

— Фарсу это свойственно.

Отец и дочь повернулись друг к другу, пристально глядя друг другу в глаза.

— Ты, видимо, разочарованна, что я жив, доченька? — мягко протянул Кинг.

— Нет. Нисколько. Когда-нибудь все мы, присутствующие здесь, вырвемся из липкой паутины этой жизни. Только не ты, папочка. Я желаю тебе жить вечно. Пусть так и будет. Живи. И пусть всю эту вечность тебя тошнит от себя так же, как сейчас всех других от тебя.

— Аминь! — засмеялась безумным смехом Виола.

Я поглядел на Катрин.

— Что будет делать?

— Играть по их правилам. Раз пока нет других вариантов. Но это только пока. Придёт время, и я освобожусь от них. Я только хочу знать — ты со мной? Или с ними?

— С тобой, — ответил я не колеблясь.

Синтия многозначительно улыбалась. Она, как и я, понимала, что «пока» весьма неопределённое время.

— Что ж? — усмехнулась она. — Скованные ненавистью ли, любовью ли, верующие в чёрта или в бога, мы всё равно одна семья. А разве не это самое главное?

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net